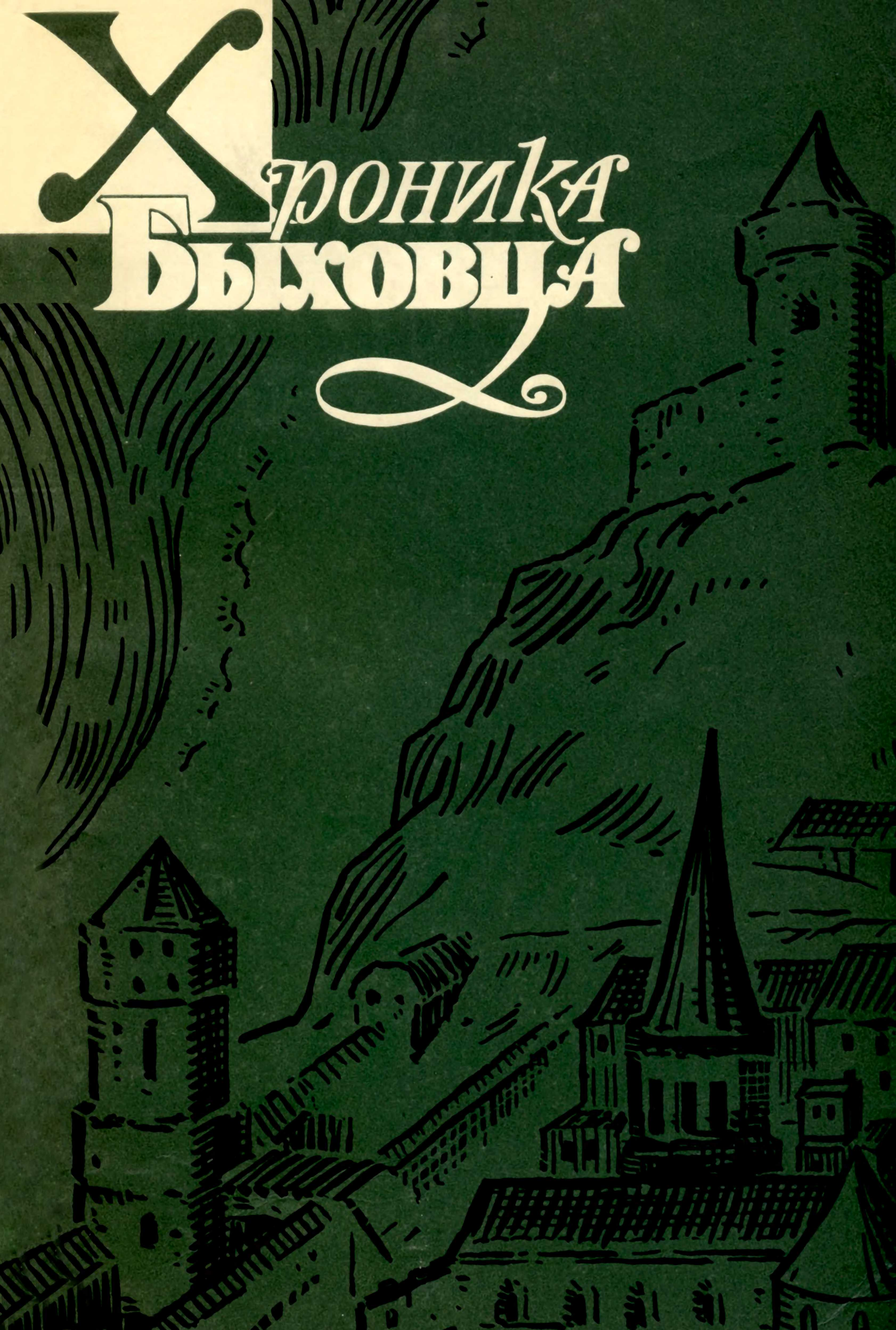

Хроника Быховца

Хроника Быховца

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ПАМЯТНИКИ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ
НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1966

ПРЕДИСЛОВИЕ, КОММЕНТАРИИ И ПЕРЕВОД
Н. Н. Улащика

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ТОМА
М. Н. Тихомиров

1 — 6 — 4
75 — 1966

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хроника Быховца представляет собой ценнейший источник по истории Великого княжества Литовского за период от начала существования этого государства до 1506 г.; кроме того, она содержит и легендарную часть истории литовского народа. Ввиду того, что в состав Литовского государства в течение столетий входили Белоруссия, почти вся Украина и некоторые из русских земель, в хронике имеется масса данных по истории белорусского, украинского и русского народов.

Хроника состоит как бы из серии повестей, написанных в разное время и расположенных в хронологической последовательности; таким образом, эта хроника в сущности представляет собой одну из первых попыток создания истории Великого княжества Литовского.

Автор хроники (или ее редактор) несомненно обладал литературным даром и написал свое произведение живо и занимательно. Он очень ясно выразил свои симпатии и антипатии к описываемым им лицам и странам, весьма отчетливы и его классовые интересы, поэтому хронику следует рассматривать не только как исторический источник, но и как художественное произведение и как памятник общественно-политической мысли своего времени. Большой интерес хроника представляет и для филологов. Правда, значение этого памятника для филологических изысканий снижено тем, что до нас дошел только текст, напечатанный латинским шрифтом, тогда как оригинал был написан кириллицей, но и в таком виде он может дать очень много, и в частности уточнить вопрос о месте создания хроники. Написана хроника на белорусском языке, очень близком к разговорному.

В хронике есть немало ошибок. Автор ее, например, путает имена детей Ольгерда и Кейстута, приводит неверные даты битвы под Грюнвальдом и последней женитьбы короля Ягайло. Утверждая, что под Грюнвальдом Орден был разгромлен силами од-

ного Великого княжества Литовского, автор, видимо, преднамеренно искажает обстановку и т. д. В хронике есть и прямо фантастические рассказы, в частности рассказ о прибытии предков литовского народа из Италии в Литву. Но сведения о начальном периоде истории многих (если не всех) народов так же фантастичны.

Вместе с тем, в хронике содержатся такие данные (и притом совершенно достоверные), каких нет ни в одном другом источнике. Особенно интересно, с массой подробностей, изложены события начала XVI в.

Обнаружил хронику учитель Виленской гимназии Ипполит Климашевский в библиотеке помещика Быховца (имение Могилевцы Волковысского уезда Гродненской губернии). В 1830 г. Климашевский напечатал небольшой отрывок найденной хроники (которую он назвал Литовской), дав параллельно перевод на польский язык и снабдив его краткими примечаниями[1]; таким образом о существовании хроники стало известно читающей публике. Приняв участие в восстании 1830—1831 гг., Климашевский попал в плен, находился в заключении, бежал за границу [2] и закончил жизнь, видимо, в эмиграции; во всяком случае его имя в дальнейшем с хроникой ничем не связано.

В 1834 г. Быховец переслал хронику известному историку Литвы Теодору Нарбуту в его имение Шавры Лидского уезда Гродненской, а с 1843 г. Виленской губернии [3]. Нарбут, который в то время работал над своим капитальным трудом «Древняя история литовского народа»[4], широко использовал новый источник для своего исследования, а в 1846 г. издал хронику в полном объеме [5]; тот же Нарбут дал и название хронике — по имени ее владельца — Хроника Быховца.

---

[1] Noworocznik Litewski na rok 1831. Wilno, 1830, str. 93—102.

[2] Эти сведения о Климашевском сообщил заведующий Рукописным отделом Библиотеки Академии наук Литовской ССР В. Е. Абрамавичюс.

[3] R. Šaluga. Bychovco kronika. Lietuvos TSR Mokslu Akademijos Darbai, serija A, 1959, N 1 (6), p. 149—154. Рукописный отдел Библиотеки Академии наук Литовской ССР (РОБАН), ф. 18, д. 185. Письмо Быховца Нарбуту от 28.X 1834 г.

[4] T. Narbutt. Dzieje starożytne narodu litewskiego, t. I—IX. Wilno, 1835—1841.

[5] Pomniki do dziejów litewskich. Wilno, 1846.

Т. Нарбут

Игнатий Данилович, профессор Виленского, а позже Московского университетов выступил с возражением против такого названия, утверждая, что хронику следовало назвать не «Быховца», а «Заславской», потому что, по мнению Даниловича, эту хронику впервые использовал Стрыйковский [6], а она в то время принадлежала князьям Заславским [7]. Однако это предложение Даниловича не получило поддержки, тем более что в дальнейшем было установлено, что «Русский летописец», которым пользовался

[6] M. Stryjkowski. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszyskiej Rusi. Warszawa, 1846.

[7] И. Данилович. О литовских летописях. ЖМНП, 1840, № 11, стр. 92, 93.

Стрыйковский, и хроника Быховца — не одно и то же. Таким образом, название, данное Нарбутом, сохранилось до наших дней. Как и во многих других случаях, название это случайное, настолько случайное, что из писем Быховца (об этом см. ниже) не видно, чтобы он когда-либо прочитал эту хронику, получившую его имя.

Теодор Нарбут известен в качестве исследователя, делавшего ссылки на недостоверные или даже на вымышленные источники, а так как хронику Быховца, кроме него, из ученых никто не видел (если не считать Климашевского), то это дало повод польскому историку Казимиру Ходыницкому высказать предположение, что, возможно, хроника Быховца является плодом фантазии Нарбута. Доказывая, что так называемая Рауданская хроника, на которую ссылался Нарбут, никогда не существовала, Ходыницкий обещал произвести соответственные изыскания и в отношении хроники Быховца [8]. Отсутствие такого исследования и то, что в одной из своих работ, вышедших спустя два года после указанной статьи, Ходыницкий подверг анализу эпизод, изложенный в хронике Быховца, может служить доказательством, что этот исследователь отказался от мысли признать хронику фальшивкой [9].

Изыскания Ромуальда Шалуги, обнаружившего в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук Литовской ССР письма Быховца Нарбуту, в которых Быховец сообщал о пересылке рукописи Нарбуту, а также письма Винцента Нарбута, родственника Теодора Нарбута, содержащие сведения о ходе печатания хроники, говорят о том, что хроника существовала в действительности [10]. Вообще при наличии публикации Климашевского (когда Нарбут еще ничего не знал о рукописи) ставить вопрос о том, что Нарбут «придумал» этот источник, совершенно неправомерно.

Рукопись хроники считается утерянной сразу после опубликования; это представление явилось вследствие того, что рукописи после ее издания никто не видел. На самом деле она и после опубликования еще несколько лет находилась у Нарбута. По описи книг и архивных материалов, бывших в пользовании Нарбута,

---

[8] K. Chodynicki. Ze studjów nad dziejopisarstwem rusko-litewskim. «Ateneum Wileńskie», zesz. 10—11. Wilno, 1926, str. 388—401.

[9] K. Chodynicki. Geneza i rozwój podania o zabójstwie Zygmunta Kiejstutowicza. «Ateneum Wileńskie», zesz. 15. Wilno, 1928, str. 79—103

[10] R. Šaluga. Bychovco kronika, p. 149, 150.

POMNIKI
DO
DZIEJOW LITEWSKICH.

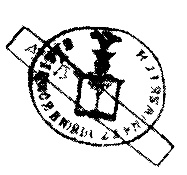
POD WZGLĘDEM HISTORYCZNYM, DYPLOMATYCZNYM, GEOGRAFICZNYM, STATYSTYCZNYM, OBYCZAJOWYM, ORCHEOGRAFICZNYM i t. p.

Z różnych rękopisnych lub rzadkich wydań dziejopisów, tudzież dyplomatów i dalszych zabytków przeszłości odkrytych, w archiwach tajnych królewieckich, tudzież w archiwach ryskich i innych krajowych.

ZEBRANE

przez

TEODORA NARBUTTA.

z ryciną i facsimile.

Wilno.

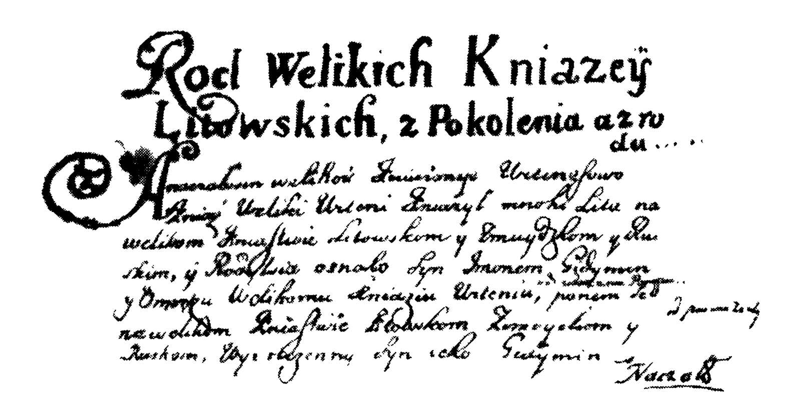
Nakładem Rubena Rafałowicza Księgarza Wileńskiego.

W drukarni M. Zymelowicza Typografa.

1846.

Титульный лист первого издания Хроники

Rod Welikich Kniazey Litowskich, z Pokolenia a z rodu...

Факсимиле одного из листов рукописи, приложенного к первому изданию хроники

и сделанной самим владельцем, рукопись находилась в Шаврах еще в 1851 г.[11] и лишь по описи 1864 г. (составленной учителем виленской гимназии Соколовым вскоре после смерти Нарбута) ее уже нет [12]. Значит ли это, что она к 1864 г. была отослана Быховцу, затерялась ли среди бумаг Нарбута (которые в настоящее время находятся в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук Литовской ССР) или же погибла, никому не известно. Архив Быховца (вернее, его остатки) в настоящее время находится в Гродно [13], однако в этом фонде никаких следов хроники нет, как нет и данных о библиотеке, в которой до 1834 г. находилась рукопись.

Издавалась хроника полностью два раза: впервые Нарбутом в 1846 г. и второй раз в составе тома XVII Полного Собрания Рус-

[11] РОБАН, ф. 18, д. 185. Под № 17 описи значится: «R. Kronika litewska z której drukowane wydanie 1846 r., rękopism z wieku XVII».

[12] Там же, ф. F-22. Сыновья Теодора Нарбута участвовали в восстании 1863 г., в связи с чем в Шаврах, очевидно, не раз происходили обыски и изымались разные бумаги.

[13] Центральный Государственный Исторический Архив БССР в Гродно, ф. 1664.

ских Летописей в 1907 г.[14] В этом томе ПСРЛ находятся все известные к 1907 г. памятники летописного характера, созданные в в XV — XVI вв. в Великом княжестве Литовском. В отличие от всех остальных списков летописей, помещенных в этом томе и представляющих собой краткие редакции, хроника Быховца является полной редакцией, т. е. наиболее пространной.

В настоящее время оба издания, содержащие хронику Быховца, стали библиографической редкостью.

Палеографическое описание рукописи было дано Нарбутом первый раз в третьем томе «Древней истории литовского народа» (1838 г.), а второй — в 1846 г. в виде приложения к изданию хроники. В 1838 г. Нарбут дал следующее описание: «Рукопись в четвертку, 20 листов (следует понимать тетрадей.— *Н. У.*), польским письмом XVII в., писано мелко, ровно и сжато, очень чисто, на старой бумаге, водяной знак которой показывает местную польскую фабрику». В сноске к этому месту сказано: «Хотя бумага везде одинакова, но на одних листах находится знак — рыба в красивой рамке, а на других — круг, разделенный на четыре равные части, внутри которого находятся зубцы, изображающие как будто верх какого-то укрепления». Оба эти знака по данным Нарбута представляют собой шляхетские гербы. На обороте последнего листа почерком XVII в. было написано: «Хроника литовская с русского языка переведена на польский»[15], хотя в действительности рукопись была не переведена, а лишь передана в польской транскрипции.

К этому описанию в издании 1846 г. сделаны некоторые дополнения. Сказано, что бумажный знак на одной стороне листа изображает карася, а на другой буквы GG (следовательно, описания 1838 и 1846 гг. не совпадают), затем добавлено, что нумерации страниц не было и отмечены лишь тетради и, наконец, что в руках издателя было не более половины рукописи, так как вторая половина утеряна[16]. Очевидно, размеры потерь Нарбутом преувеличены. Сравнивая тексты хроник Быховца и Стрыйковского, видно, что в начале хроники Быховца недостает около полутора страниц, в середине текста иногда недостает нескольких строк

---

[14] ПСРЛ. Том семнадцатый. Западнорусские летописи. СПб. 1907.

[15] T. N a r b u t t. Dzieje starożytne narodu litewskiego, t. III, str. 578, 579.

[16] Pomniki do dziejów litewskich, str. I—II.

и лишь под конец потери можно определить в размере страниц. Всего более неясно, сколько листов утеряно в конце, потому что не только отсутствует конец описания Клецкой битвы, но нет и того рассказа о Михаиле Глинском, который обещал дать автор (стб. 561)[17]. У Стрыйковского описание Клецкой битвы сделано стихами, и поэтому сравнивать с хроникой Быховца невозможно, что же касается текста, посвященного восстанию князя Михаила Глинского (очевидно, об этом намеревался писать и автор хроники Быховца), то у Стрыйковского (т. 2, стр. 345—352) он занимает около 7 страниц, что в переводе на рукопись Быховца составит около 16—18 страниц, а всего, следовательно, недостает 30—35 страниц. Возможна утрата еще нескольких страниц, так как и после 1506 г. у Стрыйковского имеются записи о событиях, связанных с восстанием М. Глинского и о нападениях татар[18]

В рукописи, бывшей у Нарбута, всех страниц (проставлены они, видимо, самим Нарбутом) было 160, причем 159-я заполнена до половины, а 160-я осталась чистой. Значит, всего в рукописи было около 190—200 страниц, а потеря равняется примерно четверти текста. Понятно, что это лишь самое приблизительное определение, потому что в хронике могли быть описаны события, происходившие и после восстания Глинского. Нельзя забывать также, что хроника Быховца вообще не идентична «русскому летописцу» Заславских, имевшемуся у Стрыйковского.

В конце издания 1846 г. приложено факсимиле части листа 25 оригинала, по которому сейчас только и можно судить о внешнем виде рукописи.

Начинается рукопись со слов: «были у том месте. Бачечы так великую силу людей его, были огорнены страхом великим». А заканчивается словами: «Татарове же, которые не были в битве, а ходили еще по загоном и не ведаючы о том приходили с полоном, да...» Далее следует приписка Нарбута: «В самом конце рукописной хроники, как будто в виде приписки, приведено следующее: ,,А се родословие князей витебских''[19]».

На полях первых девяти страниц рукописи были сделаны отметки о содержании. Отметки эти написаны на польском языке,

---

[17] Ссылки везде даны на столбцы XVII тома ПСРЛ.

[18] M. Stryjkowski. Указ. соч., t. II, str. 357, 361, 362.

[19] Родословие приведено в конце нашего издания в виде приложения.

из чего следует, что в оригинале их не было, потому что оригинал писан по-белорусски. Нарбут, издавая хронику, сохранил эти приписки, тогда как в томе XVII ПСРЛ их нет.

Публикуя рукопись, Нарбут часто передавал два слова слитно, иногда же разделял одно слово на два. Так, слова «с пиняны», т. е. с жителями Пинска, он напечатал как одно «спиняны» (стр. 9), дав, однако, при этом примечание, разъясняющее значение этого выражения как двух слов. Предложение «на реце на Рпени» (стр. 15) передано у него как «на реце Нарпени», а в то же время из слова «самострелы» сделано два: «само стрелы» (стр. 8); точно так же из слова «полочане» получилось два: «полча не». Слитно два слова напечатаны очень часто, из чего следует, что это были не типографские опечатки, а своего рода система. Совершенно непонятно, по какой системе в издании Нарбута ставились большие и строчные буквы. Так, слово «князь» (стр. 19) в середине предложения напечатано то с большой, то со строчной букв, как и слово «смольняне» (стр. 53), а в то же время название реки Белая Вода (Висла) написано со строчной (стр. 28). Также непонятно расставлены и знаки препинания.

При печатании хроники в томе XVII ПСРЛ редакция старалась передать текст Быховца буквально, т. е. даже со всеми опечатками (например, слово «всими» напечатано, как у Нарбута, «свими» и т. д.), отмечая эти опечатки вопросительным знаком или словом sic. Однако, поставив перед собой задачу передать текст Быховца буквально, редакция тома XVII в то же время давала раздельно те слова, которые у Нарбута напечатаны слитно, и местами ставила большие и строчные буквы и знаки препинания не так, как у Нарбута. Отмечая ошибки в издании Нарбута, редакция тома XVII сама допустила немало их. Так, в издании Нарбута напечатано слово «три» (стр. 36), а в т. XVII ПСРЛ «тр» (стб. 518); у Нарбута «руских» (стр. 35), а в т. XVII «русских» (стб. 517); у Нарбута «над» (стр. 20), в т. XVII «нап», у Нарбута «своего князя», в т. XVII «своег окнязя» (стб. 509). В некоторых случаях в томе XVII ПСРЛ ошибки сделаны такие, что слову придано польское звучание. Так, у Нарбута (стр. 17) напечатано слово «рече» (recze), а в т. XVII (стб. 494) «жече» (rzecze); у Нарбута (стр. 9) слово «приеди» (pryiedi), а в т. XVII (стб. 454) «пшиеди» (przyiedi). В обоих случаях (стб. 491) ошибочно написаны слова «a kniaźi Bojare» (а князи бояре). Это тем более непонятно, что над буквой з (опять-

таки в обоих случаях) стоит знак смягчения (ź), т. е. напечатано «а князьи бояре». Правильно следует читать «а князь и бояре».

Большие и строчные буквы поставлены в томе XVII более правильно, чем у Нарбута, и тем не менее название реки (как уже упоминалось) «Белая Вода» (Висла) и даже города — «Царьград» (car horod) напечатаны со строчной (стб. 508, 549), а слово «срамоту» (soromotu) (стб. 528) — с большой. На столбце 570 т. XVII два раза встречается слово «тайстра» в середине предложения, и оба раза оно напечатано с большой буквы (так же, как у Нарбута), а между тем это слово означает «сума», вернее «холщовая сума». Возможно, в обоих случаях издатели не понимали значения этого слова, тем более, что в живом белорусском языке обычно употребляется слово не «тайстра», а «кайстра».

Пунктуация тома XVII ПСРЛ лучше, чем у Нарбута, но и там иногда запятые поставлены так, что искажают смысл текста. Так, на стб. 558 напечатано «с Новым городком, Северским с Рыльском» (должно быть «с Новым городком Северским, с Рыльском»). При всех этих промахах текст хроники в ПСРЛ передан значительно лучше, чем у Нарбута, тем более, что редакция тома XVII ПСРЛ дала примечания, отметила сходства и различия с другими летописями, а также с хроникой Стрыйковского, облегчив, таким образом, как пользование хроникой Быховца, так и вообще материалами, опубликованными в этом томе. Естественно, что Нарбут в свое время проделать такой работы не мог хотя бы потому, что большинство публикуемых в томе XVII ПСРЛ списков летописей в то время было неизвестно.

Печатая хронику, Нарбут в ряде мест сделал примечания, часть которых может служить лишним показателем его склонности к поспешным выводам. Так, встретив в самом начале хроники имя «Торого», он делает примечание: «Торого название рода, от него произошло название Таурогена, известного сейчас города в Жемайтии» (стр. 1), тогда как у Стрыйковского[20] и в других белорусско-литовских летописях это лицо называется Гектор. Встретив имя Ердивид, Нарбут делает примечание, что это не Ердивид, а Арвид (стр. 7), хотя для такой поправки никаких данных нет. Название Витебска он выводит от города Висби на Готланде (стр. 33). Но в то же время некоторые из его примечаний дают вер-

[20] M. Stryjkowski. Указ. соч., t. I, str. 55.

ные справки о местонахождении населенных пунктов или о лицах (стр. 33 и др.).

Все отмеченные недочеты издания Нарбута не могут заслонить огромной заслуги этого исследователя, опубликовавшего рукопись и, таким образом, спасшего ее от вероятной гибели.

Поскольку оригинал хроники был написан кириллицей, а мы сейчас имеем лишь текст, переданный польской графикой, то весьма существенным является вопрос, как переписчик переписал его, т. е. какими буквами латинского алфавита были переданы буквы оригинала.

Единственным известным источником хроники Быховца является Ипатьевская летопись, откуда хронист заимствовал сведения о правлении князя Миндовга и событиях происшедших после его смерти [21]. Естественно, что при решении поставленного вопроса именно это место хроники представляет наибольший интерес. Приведем несколько параллельных отрывков из летописи и хроники.

Ипатьевская летопись	*Хроника Быховца*
и посла на нѣ вои своѣ, хотя оубитии я, онѣма же оувѣдавшима и бѣжаста ко князю Данилоу и Василкови, и приѣхаша во Володимеръ. Миндогови же прiславшю слы своя, река: «Не чини има милости». Не послоушавъшима има Даниловии Василкови, зане сестра бѣ ею за Даниломъ. Потом же Данило сгада с братомъ си и посла в Ляхы ко княземь лядьськьмъ река: «Яко время есть христьяномь на поганѣѣ, яко сами имѣють рать межи собою».	y posła na nich woj swoj, chotia ubity ich, onimo że uwedawszyma y beżasta ko kniaziu Daniłu i Wasilku, y pryiechali wo Wołodymer. Mindohowi że prysławszy posły swoj, reka: «Ne czyni ima miłosty». Ne posłuszawszym im Daniła y Wasilkowi, zane sestra bi ieho za Daniłom. Potom że Daniło zdumał z bratom swoim, y posłali w Lachi ko kniazem ladskim, reka: «Jak wremia jest chrystianom na pohanyia ity, iako sami imijut meży soboiu rat»

[21] Редакция тома XVII ПСРЛ считала, что хронист использовал не Ипатьевскую летопись, а сходную с ней (стр. IX). Подобное заключение могло явиться в результате того, что тексты хроники и летописи при передаче одного и того же места иногда разнятся. Однако такое различие всего вероятнее было следствием замены хронистом устарелых слов и оборотов более современными.

Ляхове же обещашаста нъ нѣ исполниша. (стб. 815)
во осень оубитъ бысть великии князь Литовьски Миньдовгъ, самодержечь бысть во всеи земли Литовьскои. Оубиство же его сиче скажемь. Бысть княящю емоу в земьли Литовьскои, и нача избивати братью свою и сыновцѣ свoi, а дроугия выгна и землѣ и нача княжити одинъ во всеи землѣ Литовьскои... (стб. 858)
и тако бысть конѣць оубитья Тренятина. Се же оуслышавъ Воишелкъ поиде с пиняны к Новоугородоу и оттолѣ поя со собою новгородцѣ и поиде в Литвоу княжити. (стб. 861)

Lachowe że obecalisa da ne yspołnili. (стб. 482)
Uw oseni ubit byst weliki kniaź litowski Mindowh, samoderżec byw wsey zemli Litowskoy. Ubijstwo że ieho skażem. Sice. Byst kniażaszczu jemu w zemli Litowskoy y naczał zbiwaty bratiju swoiu y synowcy swoj, a druhija wyhnał yz zemli (стб. 483).
Tako byst konec ubitia Treniatyna. Se że słyszaw Wojsiełk poyde s piniany ko Nowohorodku, y odtola poia so soboiu nowohorodcy, y poyde w Litwu kniażyty (стб. 484).

При сравнении летописи и хроники видно, что хотя тексты их очень близки, однако местами они не совпадают. Так, в летописи сказано «на нѣ», а в хронике «на них»; в летописи «приѣхаша», в хронике «приехали»; в летописи «слы», в хронике «послы»; в летописи «сгада», в хронике «сдумал»; в летописи «с братомъ си», в хронике «з братом своим»; в летописи «нъ нѣ исполниша», в хронике «да не исполнили» и т. д.

Второй отрывок приводимого здесь текста начинается в летописи со слов «во осень». В издании Нарбута эти слова переданы как «у восени», а в томе XVII ПСРЛ «ув осени». Неизвестно, получилось ли так в ПСРЛ в результате опечатки или же редакция сделала поправку сознательно, но во всяком случае правильно эти слова переданы в издании Нарбута (белорусы произносят слово «осень» с придыханием: «восень»). Затем в летописи написано «нача», в хронике «начал», в летописи «и землѣ», в хронике «из земли».

В других местах, описывая события XIII века, автор хроники употребляет выражения «маршалок», т. е. маршал, «воевода»

(в смысле «руководитель воеводства») и т. д., тогда как в XIII в. ни маршалов, ни воеводств еще не существовало. В общем, хронист, передавая древний текст, частично переделывал его, придавал ему современное звучание, причем все эти переделки производились по линии замены древнерусской терминологии и оборотов белорусскими, а не польскими, из чего следует, что они делались тогда, когда рукопись писалась кириллицей. И тем не менее можно предположить, что в отдельных случаях переписчик заменял белорусские или древнерусские слова польскими. Так, например, в огромном большинстве случаев Польша в хронике называется «Коруна Польская» или же «Ляхи», но в конце текста это государство несколько раз названо по-польски — Polska,— что, всего вероятнее, сделал последний переписчик.

Переписывая текст хроники латинскими буквами, писец не придерживался определенной системы, т. е. передавал одну и ту же букву оригинала несколькими буквами латинского алфавита. Так союз **и** он передавал всегда буквой y (игрек), но в строке та же буква **и** чаще передается знаком i, иногда же и y; тем же знаком y всегда передается буква **ы**, и поэтому, читая текст, невозможно определить, где в оригинале стояла буква **и**, а где **ы**. Буква **й** передается и буквой y и j. Для примера приведем отрывок предложения, напечатанного на столбце 484 тома XVII ПСРЛ: syn Woyszełk że y dszczy. Значит здесь в первом случае знаком y (игрек) передана буква **ы**, во втором **й** и в третьем **и**. В слове «избитых» (yzbytych, стб. 517) знаком y два раза переданы буквы **и**, а один раз **ы**. Очень по-разному передавалась и буква **ѣ**: посредством e, i, y, o, je, ja; лѣто — leta; собѣ— sobe; роздѣливѣ — rozdeliwo; оттолѣ — odtoli; приѣди — przyedi; оусмотрѣвше — usmotriwsze; своѣ — swoja и т. д. (ПСРЛ, т. II, стб. 858—861; т. XVII, стб. 481—484). В белорусском языке есть **г** глухое и **г** взрывное, причем взрывное встречается очень редко. Кириллицей первый звук передавался знаком **г**, а второй **кг**. В польской транскрипции эти звуки переданы, как это соответствует латинскому алфавиту, т. е. в первом случае буквой h, а во втором g, но в начале рукописи писец пытался повторять знаки оригинала буквально, т. е. в том случае, когда в оригинале стояло **кг**, он передавал их латинскими буквами kh (Khrawż, Khrùmp), но в то же время производное от «Гравжа» слово «Гровжишки» на той же странице написано как Growżyszki и фамилия Гаштольд как Gasztolt (стб. 478).

Первым исследователем, изучавшим хронику Быховца, был Ипполит Климашевский, который в своих примечаниях к переводу опубликованного им текста отметил, что хронисту были известны Ипатьевская и Супрасльская летописи. Тот же Климашевский поставил вопрос, не была ли хроника Быховца (в его названии Литовская) одним из источников хроники Стрыйковского [22]

Гораздо более пространные, но гораздо менее основательные, суждения о хронике высказал в своей «Древней истории» Т. Нарбут. По мнению этого исследователя, начальную часть ее составляла хроника, написанная на основании «чистых источников», преданий и им подобных памятников. Писалась эта часть жрецами «на краевом языке», т. е. на литовском. Нарбут считал, что начальная часть писалась особыми письменами, употребляемыми только «в своем народе» или же готическими рунами, на дощечках, которые позже складывались в книгу. В связи с неурядицами, происходившими в Литве во второй половине XIII в., начальная часть рукописи была повреждена, дощечки оказались разрозненными, а часть их вообще затерялась. Оставшиеся кто-то собрал, дополнил сохранившиеся в них сведения данными из русских хроник, как мог упорядочил этот материал и довел сообщения до 1320 г. Затем один из русских монахов использовал эту хронику как начало своей работы, возможно сократил и затем создал повествование обычным для летописцев того времени способом [23].

Предположения Нарбута о первоначальном характере рукописи и в частности о том, что она была написана на дощечках, встретили резкую отповедь И. Даниловича [24], и Нарбут, издавая впоследствии хронику, опустил большую часть своих рассуждений, высказанных в 1838 г. В своем предисловии к изданию 1846 г. Нарбут написал, что хроника состоит из трех частей, первая из которых заканчивается смертью Миндовга или последними годами его правления, вторая охватывает период от смерти Миндовга и до 1320 г. и третья от 1320 г. до 1506, т. е. до самого конца. Первая часть написана на основании старой и очень краткой хроники, из которой позднейший составитель еще делал выборки, и поэтому она очень сжата. Вторая часть изложена несколько более пространно, как видно на основании другой хроники, писанной по-

[22] Noworocznik Litewski na rok 1831, str. 92, 93.

[23] T. Narbutt. Dzieje starożytne narodu litewskiego, t. III, str. 581.

[24] И. Данилович. О литовских летописях. ЖМНП, 1840, № 11, стр. 86—93.

русски, и, наконец, третья создана, видимо, самим автором на основании различных писаных источников, преданий и т. п.[25]

Нарбут свято верил всему, написанному в хронике, включая и то, что помещено в начальной части, где говорится, как предки литовского народа, руководимые Палемоном, прибыли из Венеции в Литву. Поправки, иногда вносимые Нарбутом в текст хроники, нисколько не изменяют этого положения.

Когда И. Данилович писал свою первую статью (1840 г.), он был знаком с хроникой лишь по тем материалам, которые содержались в вышедших томах «Древней истории» Нарбута и публикации Климашевского. Располагая такими незначительными данными, Данилович успешно опроверг фантастические представления Нарбута, но некоторые (не фантастические или не столь фантастические) принял и даже развил. Так, Нарбут утверждал, что копия хроники, которая была у него (т. е. Быховца.— *Н. У.*) в свое время «явилась для Стрыйковского основой его работы по истории Литвы»[26]. Данилович по этому вопросу высказался гораздо более определенно. «Смело и с убеждением утверждаю,— писал он,— что эта летопись есть именно та самая, которая названа Быховцем (!) и которой лучше и полнее по удостоверению г. Нарбута Стрыйковский не видел и не имел»[27]. Впоследствии, мнение, что именно той рукописью, которая позже была названа хроникой Быховца, пользовался Стрыйковский, повторяли и другие исследователи (ссылаясь на Нарбута и Даниловича)[28]. В действительности же Стрыйковский имел источник, очень близкий по содержанию к хронике Быховца, но все же иной[29].

Данилович (так же как и Нарбут и вообще все исследователи) делит хронику Быховца на три части. В первой из них содержатся

---

[25] Pomniki do dziejów litewskich, str. II.

[26] T. N a r b u t t. Dzieje starożytne narodu litewskiego, t. III, str. 579; Pomniki do dziejów litewskich, str. III.

[27] И. Д а н и л о в и ч. О литовских летописях. ЖМНП, 1840, № 11, стр. 89, 90.

[28] Н. И. К о с т о м а р о в. Лекции по русской истории. СПб., 1861, стр. 577.

[29] J. J a k u b o w s k i. Kroniki litewskie. «Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie». 1909. Wilno, 1910, str. 70; А. И. Р о г о в: «Хроника» Стрыйковского как исторический источник по истории России, Украины, Белоруссии и Литвы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1964, стр. 12.

сведения от Палемона до правления Миндовга (примерно до середины XIII в.). Этот период Данилович называет баснословным. По его мнению, для этой части хронист использовал литовские народные предания о походах Литвы на Русь. По мысли Даниловича хронист «слепил первую часть, остальное заимствовал из летописей прусских и венгерских, а чего там недоставало, дополнил выдумками». Во второй части содержатся данные за период от правления Миндовга до Гедимина. Материалы для этой части почерпнуты, видимо, из Волынской (Ипатьевской) летописи и каких-то неизвестных литовских источников и русских летописей. Дальнейшее изложение — по летописи, опубликованной в 1823 г. Даниловичем (Супрасльской.— *Н. У.*). Начиная с правления Казимира (середина XV в.), автор хроники писал, очевидно, сам [30]. Эта статья Даниловича в следующем (1841 г.) была напечатана на польском языке в виленском журнале «Атеней» (Atheneum), причем автор добавил несколько параграфов, в которых полемизировал с польскими исследователями, утверждавшими, что у литовцев письменные источники появились лишь после принятия христианства [31]. При издании хроники Стрыйковского в 1846 г. статья Даниловича, помещенная в «Атенее», была перепечатана в виде предисловия к этой хронике [32].

Весьма основательный анализ хроники был сделан в конце XIX в. профессором Киевского университета В. Б. Антоновичем. По мнению Антоновича, хроника Быховца является источником «темным и исполненным анахронизмов и искусственных сближений». Антонович считал, что хронист «собрал множество легенд сложившихся в качестве местных и родовых преданий многих областей и фамилий литовских, но вместо того, чтобы передать материал в том виде, в каком он его собрал, составитель подвергнул его насильственной, искусственной группировке»[33]. Всего больше

---

[30] И. Данилович. О литовских летописях. ЖМНП, 1840, № 11, стр. 94, 95. Если принять эту версию И. Даниловича, то окажется, что автор хроники делал свои записи по крайней мере в течение 60 лет — с середины XV в. до 1506 г., что совершенно нереально.

[31] J. Daniłowicz. Wiadomości o właściwych litewskich latopiscach, «Atheneum», 1841, N 6, str. 13—29.

[32] M. Stryjkowski. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi, t. I, str. 31—63.

[33] Б. В. Антонович. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885, стр. 14.

возражений у Антоновича встречает то место хроники, где говорится о захвате Киева Гедимином. Антонович указывает на многочисленные хронологические и топографические ошибки (например, хронист утверждает, что Гедимин в числе прочих захватил город Снепород, тогда как, по словам Антоновича, такого города на Украине не было, а есть река Снепород)[34]. Ссылаясь на это, Антонович считает, что Киев никогда Гедимину не принадлежал и что впервые его захватил Ольгерд. По мнению Антоновича, Евнутий никогда не был великим князем литовским, потому что Гедимин перед смертью никого не назначил великим князем, а был Явнутий лишь правителем города Вильно, и т. д. Вместе с тем Антонович считал, что хроника Быховца представляет собой единственный источник «за время, предшествовавшее возникновению Литовского государства»[35], т. е. содержащей уникальные сведения.

Выступивший вскоре после Антоновича другой киевский профессор, Н. Дашкевич, во многом разошелся со своим предшественником в оценке хроники. Он утверждал, что предания как об основании населенных пунктов, так и фамильные представляют собой весьма сомнительный источник, потому что они (в частности, фамильные) в большинстве написаны в XVI ст., когда многие семьи создавали свою генеалогию. Вместе с тем он считал, что известия хроники о завоевании украинских земель Гедимином имеют под собой основания, хотя даты, указанные в ней, и ошибочны. Поэтому, по мнению Дашкевича, к данным хроники Быховца следует отнестись «не как к строгому документальному или летописному свидетельству современника, а как к позднейшей передаче и своду первоначальных данных». Точно так же оценивает он показания хроники о завоевании Гедимином Волыни, признавая вымыслом лишь сведения о подчинении Гедимину Владимира-Волынского тотчас после поражения владимирского князя[36].

Гораздо более положительно оценил достоверность данных хроники о завоевании Киева Гедимином М. К. Любавский, который считал, что хронист «неискусно сгруппировал... подробности, перепутал и исказил имена, но едва ли выдумал самый факт (захват Киева Гедимином.— *Н. У.*), о котором встречаются краткие изве-

---

[34] Там же, стр. 55, 56.

[35] Там же, стр. 15.

[36] Н. Дашкевич. Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885, стр. 13, 14, 42, 43, 46, 49.

стия и в других летописях». Любавский считал, что вообще в хронике приводятся сведения, заслуживающие доверия, но они требуют критического отношения, потому что автор неумело передал события, известные ему по другим источникам [37].

В 1901 г. была опубликована работа И. Тихомирова, в значительной мере посвященная хронике Быховца [38]. Дав обзор литературы, автор изложил свою точку зрения на этот вопрос, в частности на вопрос о источниках, времени создания хроники и заимствованиях Стрыйковского из хроники Быховца.

По мнению И. Тихомирова, источники, на основании которых была написана хроника, разделялись на четыре группы: 1. Народные сказания и предания. 2. Заимствования из Ипатьевской летописи. 3. Отдельные сказания и записи. 4. Погодные записи (это касается последних событий, которые описаны в хронике)[39] Значительная часть известий, содержащихся в хронике Быховца, имеется и в других источниках, но некоторые есть только в одной этой хронике. К последним относятся рассказ о битве под Грюнвальдом; о распре Свидригайлы с Ягайлом; об убийстве Сигизмунда; о борьбе Михаила Сигизмундовича с Казимиром; о борьбе короля Казимира с Тевтонским орденом и чешским королем Иржи и некоторые другие.

В 1910 г. в «Ежегоднике» Виленского общества любителей наук была напечатана небольшая работа польского ученого И. Якубовского, озаглавленная «Литовские хроники». По наблюдениям этого автора, хроника Быховца принадлежит к тому же типу, к которому принадлежала и Заславская (хроника, принадлежавшая Заславским, которой в свое время пользовался Стрыйковский). Якубовский отметил, что хроника Быховца отличается от других богатством подробностей и вообще содержит много новых сообщений, частично мемуарного, частично хроникального характера. По мнению Якубовского, хроника Быховца является сводом, завершающим дело предыдущих хронистов. Хроника Быховца очень близка к хронике Стрыйковского, однако это не одно и то же [40].

---

[37] М. К. Любавский. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910, стр. 23.

[38] И. Тихомиров. О составе западнорусских, так называемых литовских летописей. ЖМНП, 1901, № 3, стр. 1—36; № 5, стр. 70—119.

[39] Там же, № 5, стр. 76, 77.

[40] J. Jakubowski. Kroniki litewskie, str. 70, 74, 75.

Единственной монографией, посвященной литовско-белорусским (западнорусским) летописям является исследование Т. Сушицкого [41]. В начале этой работы (написанной в основном до революции) помещен историографический очерк, в сущности обзор всей дореволюционной литературы, так как вне поля зрения Сушицкого, кажется, осталась лишь упомянутая статья Якубовского. Весьма значительное место в своей монографии Т. Сушицкий уделил хронике Быховца, которая, по мнению этого исследователя, является «самой сложной по содержанию и самой полной по материалам» из западнорусских летописей [42]. Что касается источников хроники Быховца, то Сушицкий считал, что хронист «в продолжение всей своей работы имел перед глазами несколько списков, сходных со всеми известными нам типическими списками западнорусских летописей. Он пользовался ими в различной мере, в зависимости от степени их полноты и оригинальности» [43]. Промежутки их заполнялись из других, посторонних, источников. Подытоживая свои наблюдения Сушицкий пишет: «Таким образом, решительно компилятивная переделка предыдущих списков, краткого и сложного сводов наших летописей и заимствования из польских хроник и южнорусской летописи, а вследствие этого и наибольшая полнота материалов — вот характерные особенности списка Быховца. Они-то и создают из этого списка третью, полную редакцию, западнорусских летописей...» [44]

Исследователи, изучавшие хронику Быховца, почти целиком обошли молчанием вопрос о месте, где была написана хроника, о ее языке и о предполагаемом авторе. Т. Нарбут высказался, что хроника была написана уроженцем Турова или Пинска, т. е. в южной Белоруссии. Такое предположение основано на том, что, по мнению Нарбута, в языке хроники чувствуется украинское языковое влияние [45]. Е. Ф. Карский поддержал это предположение Нарбута, вернее сослался на его мнение, так как сам он языком хроники Быховца не занимался [46].

---

[41] Т. Сушицький. Західньо-руські літописи як пам'ятки літератури, ч. I. Київ, 1921; ч. II, 1929.

[42] Т. Сушицький. Західньо-руські літописи, ч. I, стр. 83.

[43] Там же.

[44] Там же.

[45] T. Narbutt. Dzieje starożytne narodu litewskiego, t. III, str. 579.

[46] Е. Ф. Карский. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, стр. 211.

Весьма неясно изложил свои взгляды на вопрос о языке хроники И. Данилович, что, впрочем, в значительной мере было следствием смешения в его время понятий «литовский» и «белорусский». Когда Нарбут высказал предположение, что начальная часть хроники Быховца была написана на «краевом», т. е. литовском, языке, то Данилович оспаривал это, утверждая, что документов, писанных на литовском языке тогда не было [47] Но в то же время, полемизируя со Шлецером и Крашевским, которые считали, что в Литве до христианизации письменности не было, вернее, что до этого года в Литве вообще не умели писать и не писали ни на каком языке, Данилович уверял: «Исчезнут такие и им подобные домыслы, так как я докажу, что чисто литовские летописи существовали, и смогу убедить, что приводимые Стрыйковским в разных местах его работы выписки показывают, что хронисты употребляли **литовский** (подчеркнуто Даниловичем.— *Н. У.*) диалект, каким никогда не писали русские летописцы». Далее он укоряет Стрыйковского, который «не хотел или не умел показать особенности, отличающие литовские летописи от русских» [48].

Значит, говоря о «литовском диалекте», Данилович имел в виду не литовский язык, а белорусский, потому что спутать языки русский и литовский невозможно.

Замечание И. Тихомирова, что «Родиной этих записей (сообщений хроники с 1492 г. и до конца.— *Н.У.*) следует считать Волынскую землю» [49], как не подтвержденное никакими доводами и вообще не соответствующее содержанию этих записей, принимать нельзя.

По моему представлению хроника написана уроженцем Западной или юго-западной Белоруссии, всего вероятнее в районе Новогрудок — Слуцк.

На чем основано такое убеждение?

Прежде всего, на языке хроники, в котором отражены лексические особенности именно этого района. Не менее существенным является попытка хрониста вывести родословие великих князей

---

[47] J. Daniłowicz. Wiadomości o właściwych litewskich latopiscach, str. 23, 24.

[48] Там же, стр. 14—16.

[49] И. Тихомиров. О составе западнорусских, так называемых литовских летописей. ЖМНП, 1901, № 5, стр. 74.

литовских от новогрудской линии, а вместе с тем изобразить Новогрудок как столицу независимого княжества, распространявшего свое влияние на всю юго-западную Белоруссию и находившегося в союзных отношениях с Литвой и Жемайтией.

События в хронике изображены следующим образом. Князь Ердивил, сын Монтвила, внук Гимбута (князей жемайтских), правнук Куноса и праправнук Палемона, с группой своих вассалов, знатных литовцев, основал город Новогрудок и назвался князем Новогрудским. Затем он восстановил разрушенные татарами города юго-западной Белоруссии (Брест, Гродно, Дорогичин и Мельник) и стал княжить в этих городах и областях, прилегающих к ним. Литвой же и Жемайтией в это время владел Викинт, а после него Живибуд.

Сын Ердивила Мингайло завоевал Полоцк и стал называться князем Полоцким и Новогрудским. После смерти Мингайло один сын его, Гинвил, княжил в Полоцке, а второй, Скирмунт,— в Новогрудке, причем Гинвил скоро крестился «в рускую веру». К его сыну, князю Борису, хронист относится с большой симпатией, говорит, что он был очень ласков со своими подданными и разрешил им управляться вечем. Сочувственно относится он и к язычнику Скирмунту.

Князь Луцкий и Пинский Мстислав, желая возвратить себе отчину, пошел войной против Скирмунта, но тот с помощью литовского и жемайтского князя Живибуда разбил Мстислава, после чего занял города Туров и Пинск. Через некоторое время Скирмунт разгромил недалеко от Минска войска татарского полководца Койдана. После смерти Скирмунта в Новогрудке стал править сын его Тройнат. Затем в рукописи пропуск, после которого говорится, что князем Новогрудским был Рынгольт, победоносно разгромивший на Немане у деревни Могильно коалицию русских князей. Сыном Рынгольта был Миндовг, основатель Литовского государства.

Хронист ставил Новогрудок так высоко, что когда (по его рассказу) князь Наримунт перенес столицу из Новогрудка в Кернов, т. е. в Литву, то он стал титуловаться князем Новогрудским, Литовским и Жемайтским, т. е. титул князя Новогрудского был поставлен выше князя Литвы (стб. 478—481).

Вполне естественно предположить, что такая версия могла быть создана только в Новогрудке. Таким образом, предположе-

ние В. Т. Пашуто, что в Новогрудке велось летописание, получает дополнительное подтверждение [50].

В дальнейшем же, и в частности после описания убийства князя Войшелка, Новогрудок упоминается гораздо реже и в центре внимания хрониста становятся события, происходившие в Троках или Вильно, т. е. в столицах Литвы. Целый ряд событий общегосударственного значения всего вероятнее был написан в Вильно или в других местах на основании записей, сделанных в государственной канцелярии, однако последние записи, а также, видимо, и хроника в целом были написаны в Новогрудке или Слуцке.

Хронист прекрасно знал район по линии Новогрудок — Слуцк и далее местность к югу и западу от этой линии. Так, он знает, что от Припяти до Слуцка 25 миль, а от Слуцка до Копыля 5 миль (и это соответствует действительности). Описывая поход армии Великого княжества Литовского от Лиды до Клецка, где произошла победоносная битва с татарами, хронист точно называет деревни, через которые проходила армия, и лишь в одном случае делает ошибку: деревню Полонечку называет Полонкой, что, однако, может быть опиской или опечаткой. Он знает, что татары ушли к Гричинскому болоту, что в 1502 г. они расположились кошем у Слуцка «за Умолем» и т. д. Все это может служить показателем того, что автор или вырос в этом районе, или же длительное время жил там. Нет сомнения и в том, что автор или сам участвовал в походе 1506 г. против татар, или же пользовался записями участников этого похода, потому что подобные записи мог сделать только очевидец. Так, в хронике сказано, что армия выступила из Новогрудка против татар «в понедельник вечером уже перед тем, как начало смеркаться» (стб. 570).

Хронист, если сам не принадлежал к верхушке феодалов Великого княжества, то был тесно связан с ней, во всяком случае он выступает энергичным защитником интересов именно этой части феодалов, хотя обычно говорит о шляхте вообще. С особенной силой стремление прославить аристократов Великого княжества отражено в рассказе о приеме великим князем Витовтом в Луцке

---

[50] В. Т. Пашуто. Очерки из истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 120; он же. Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 42 и др.

германского императора Сигизмунда и других знатных гостей из Восточной и Центральной Европы. Согласно рассказу, император советовал Витовту, чтобы литовская шляхта взяла себе гербы у польской, уверяя, что такое заимствование приведет к установлению хороших отношений между обоими народами; при этом император ссылался на пример, когда принятие польской шляхтой гербов у шляхты чешской имело самые благие последствия. Однако литовские аристократы (а не вообще шляхта), к которым будто бы обратился Витовт, ответили, что польской шляхте был смысл брать гербы у чешской, потому что польская шляхта простого происхождения и ранее гербов не имела, тогда как предками литовской были римляне и свои гербы она принесла из Рима, а следовательно, ей брать гербы у кого бы то ни было нет смысла (стб. 527).

В самом выгодном свете показаны литовские аристократы во время войны с чехами, когда они, в первом случае, спасли короля Казимира от плена, а во втором помогли полякам одержать победу (стб. 546—549). Во время конфликта великого князя Александра с панами, когда паны не позволили великому князю отдать во временное пользование город Лиду «простому человеку» Дрозду, хронист очень определенно стоит на стороне панов (стб. 566, 567). Еще более отчетливо противником великого князя и сторонником аристократов выступает хронист при описании убийства князя Сигизмунда и смерти его сына князя Михаила.

С другой стороны, тот же хронист высказывал крайнее негодование по поводу того, что великий князь Сигизмунд будто бы хотел не только погубить весь шляхетский «рожай», но в то же время возвысить «мужичье сословие, собачью кровь» (стб. 533). Гнев автора тем более необоснован, что Сигизмунд никогда не намеревался стать «мужичьим» государем.

Существенным для характеристики автора является его принадлежность к православию. В целом ряде мест хроники рассыпаны замечания, которые мог сделать только православный. Так, хронист пишет, что Ягайло после переговоров с польскими представителями согласился принять «их латинскую веру» (стб. 509). Виленские жители не хотели креститься по католическому обряду (стб. 500). Князь Витовт сначала крестился по православному обряду и лишь позже по католическому (стб. 501). Очевидно, автор-католик опустил бы все это. В ряде случаев католические костелы названы церквами, что тоже для католиков недопустимо,

так как они иногда и православные церкви называли костелами. Великий князь Ягайло, например, одарил виленский костел церковными вещами (стб. 509) и т. д. Автор подчеркнуто симпатизирует тем из литовских князей, которые приняли православие — об оценке автором князя Бориса Полоцкого уже сказано; князь Семен Михайлович Слуцкий назван «благоверным и христолюбивым» (стб. 566); так в хронике не назван ни один из великих князей литовских.

Подводя итоги этих наблюдений, можно сказать, что принадлежность составителя хроники к православию кажется безусловной. Очевидно, хронист не принадлежал к аристократам (едва ли кто-либо из панов занялся бы в то время составлением хроники), но был тесно связан с ними, в частности был близок к князю Семену Михайловичу Слуцкому. Описывая нападение татар в 1502 г. на Слуцк, хронист пишет, что этот князь увидел татар, скакавших по городу, убивавших и хватавших его жителей, когда он находился в замке в церкви святого Юрия. Очевидно, так мог написать человек, бывший рядом с князем. Дата смерти князя Семена Михайловича показана с очень большой точностью: «в 1504 году четырнадцатого ноября со среды на четверг» (стб. 566). Такого рода записи говорят о том, что они всего вероятнее были сделаны очень скоро после описываемых событий и что их сделал очевидец.

Православие хрониста, его желание возвысить Новогрудок нисколько не отражается на его отношениях к государственным интересам Великого княжества Литовского. Он всегда подчеркивает величие Литовского государства, стремительный рост его территории, ум, смелость, политическую проницательность великих князей литовских. В особенности высоко оценивает хронист князей Гедимина, Ольгерда и Кейстута.

По мнению почти всех исследователей, хроника была написана в середине XVI в. Это положение у отдельных авторов уточняется или растягивается на неопределенное время. И. Тихомиров считал, что определить время ее составления можно лишь приблизительно, но в общем в XVI в.[51] По мнению В. Б. Антоновича, хроника была создана в XVI в.[52] М. Д. Приселков считал, что хро-

---

[51] И. Тихомиров. О составе западнорусских, так называемых литовских летописей. ЖМНП, 1901, № 3, стр. 27.

[52] В. Б. Антонович. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, стр. 14.

ника была написана во второй половине XVI в., однако до заключения Люблинской унии [53], т. е. в промежутке от 1550 до 1569 гг. По данным В. Т. Пашуто ее создали во время Ливонской войны [54] (продолжавшейся с 1558 по 1583 г.).

Наиболее определенно время создания хроники назвал А. Прохаска — 1550 г. [55]

В какой-то мере время, когда хроника была переписана латинскими буквами, можно определить по филиграням, однако Нарбут (на основании записей которого только и можно сделать такое заключение) дал разноречивое описание: в 1838 г. он писал, что на одних листах книжный знак представляет собой рыбу в красивой рамке, а на других — круг, разделенный на четыре части, тогда как по данным 1846 г. на одной стороне листа изображен карась, а на другой — буквы GG (см. выше). У Тромонина есть знак, подобный тому, который описан в издании 1846 г.: окружность, внутри которой находится карась, а над ним буквы GG. Знак этот имеется на бумаге, на которой отпечатано Виленское евангелие 1575 г. [56] При неточности описания Нарбута можно принять (условно), что знаки, описанные им в 1846 г., и знак Тромонина совпадают, а если так, то хроника Быховца была в последний раз переписана примерно тогда же, когда печаталось Евангелие, т. е. в 70-е годы XVI в. Но кириллицей рукопись была написана значительно раньше. Отсутствие начала и конца, а также отдельных строк в середине говорит о том, что во время переписи польскими буквами она была сильно потрепана. Это может служить доказательством того, что оригинал был написан задолго до 70-х годов, едва ли ранее середины XVI в. Косвенным доказательством того, что хроника Быховца написана до 1565 г., является упоминание в ней (стб. 478) поветов Ейшишского и Гровжишского, не существовавших после административной реформы 1565—1566 гг. [57]

---

[53] М. Д. Приселков. Летописание Западной Белоруссии и Западной Украины. «Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, серия истор., вып. 7, Л., 1941, стр. 20.

[54] В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства, стр. 70.

[55] A. Prochaska. Z powodu wydawnictwa latopisów litewskich, «Przegląd historyczny», t. XII, zesz. I. Warszawa, 1911, str. 116.

[56] К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. М., 1844, № 1584.

[57] М. К. Любавский. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно, стр. 269.

* * *

Перевод сделан по тексту, содержащемуся в томе XVII Полного Собрания Русских Летописей, сверяя с текстом Нарбута. Названия городов и личных имен, которые в разных местах Хроники даются по разному, унифицированы. Приписки, сделанные на первых девяти страницах рукописи на польском языке, опущены. В тех случаях, когда рассказ начинается со слов «в лето» и назван год, когда произошло это событие, год вынесен на поля. Вынесены на поля также отметки о листах, хотя это (как уже было оговорено) указаны не листы, а страницы рукописи. Слова, написанные с ошибками, которые искажают текст или делают непонятным смысл предложения, исправлены, о чем под строкой сделаны примечания. Слова, взятые в квадратные скобки, добавлены переводчиком. Комментарии содержат справки преимущественно географического порядка; справки о географических названиях даются только при первом упоминании в них.

В тексте встречаются такие обороты: «И господствуя великому князю Миндовгу в Новогрудке» (стб. 481), «И затем вышереченное княже Пилемон» (стб. 475) и т. д. Перевод таких предложений сделан применительно к современному строю русского языка либо деепричастным оборотом, либо сложноподчиненным предложением. Например, «И князь великий Миндовг, господствуя в Новогрудке», «И затем вышеупомянутый князь Палемон» и т. д.

При подготовке рукописи к печати, и в частности при установлении местонахождения упоминаемых в Хронике географических пунктов, большую помощь оказали М. А. Ючас, В. Е. Абрамавичус, Г. Т. Рябков, М. Р. Судник, И. И. Барановский и Р. Батура[1], за что приношу им искреннюю благодарность.

---

[1] Фото Т. Нарбута и замков Вильнюсского и Тракайского присланы Р. Батурой.

Хроника Быховца

[В году господнем 401 * появился Аттила, прозванный Бичем Божим, вышел он от реки Югры[1], а Юра[2] и сейчас находится в земле царя Ивака[3]; отца его звали Мандазиг. Вышел он с тремя своими братьями, Ачаром, Рохасом и Бледоном, вышел морем океаном и пришел в море Земское[4], которое находится между Францией и Испанией. А когда вошел в то море, в то время из Британии несли королевну по имени Урсула, которую выдавали за сына английского короля, и было при той королевне одиннадцать тысяч девушек. Аттила убил и королевну и всех тех одиннадцать тысяч девушек, которые находились при ней, и они во имя Христа стали мученицами. Это первое преступление, которое совершил Аттила над христианским народом. Затем [он] обошел земли Французскую и Итальянскую и пошел морем до земли Хорватской, там высадился из моря и силой взял Хорватскую землю. Завоевал также землю Венгерскую и построил замок Будзынь и назвался королем венгерским; а братья его Ачар и Рохас умерли. И когда строил Будзынь и сооружал стену около города, в то время убил третьего своего брата Бледона, и стал править всей землей Венгерской один; и подчинил себе еще несколько государств и овладел ими. И как начал он, придя в то царство, преследовать христиан, так и в дальнейшем не только не изменил своего поведения, но преследовал христиан еще более жестоко.

И собрав пятьсот своих человек, направился в землю Итальянскую и пришел к городу, называемому Аквилея, принадлежавшему в то время императору Маркиану, и осадил Аквилею. А тот город был очень крепкий, и в нем находилось много римских рыцарей, и поэтому [он] не мог его быстро взять, и, не желая больше

---

* *Начало хроники Быховца утеряно. Вместо отсутствующей части в нашем издании (так же как и в ПСРЛ, т. XVII) приведено то место из хроники Стрыйковского (т. I, стр. 56, 57), которое, видимо, соответствует утерянному месту хроники Быховца, потому что последующий текст обеих хроник совпадает.*

терять время, пошел дальше в землю Итальянскую к Риму. А кня-
1 зья и сенаторы, [которые]* находились в том городе, видя, что у него так много людей, были сильно напуганы и разбежались из города, а некоторые убежали в те места, где у них были рыбные ловы и там на острове начали строить жилища, и это место назвалось Венеция.

А князь по имени Аполлон [5], который тоже забрался в то место со всем... ** И было с ним пятьсот человек римских дворян [6], и между ними на острове оказалось четыре рода римских дворян: из герба Китовраса Довспрунк, из герба Колюмнов Прешпор Цезарин, а из герба Урсеинов Юлиан, а из герба Розы Торого [7]. И пошел морем между землей ***, и взял с собой одного астронома, который астроном понимал по звездам, и пошли на кораблях морем на север, и обойдя Францию и Англию, и вошли в королевство Датское [8], а в королевстве Датском вошли в море океан [9], и морем океаном дошли до устья, где река Неман впадает в море океан. Затем пошли вверх по реке Неману, до самого моря, называемого Малое [10], которое называется Неманское море, и по той причине то море называется Неманским, что в то море впадает Неман двенадцатью устьями и каждое [из них] называется особым именем и из тех двенадцати устий одно устье назвали по имени Гилия. И пошли тем устьем вверх и дошли до целого Немана, где он уже весь течет в одном русле. И, идя вверх по Неману, дошли до реки Дубиссы [11], и, войдя в ту реку Дубиссу, нашли над ней горы вы-
2 сокие || и на тех горах равнины большие и дубравы роскошные, изобилующие всяческого рода зверями, то есть прежде всего турами, зубрами, лосями, оленями, сернами, рысями, куницами, лисицами, белками, горностаями и прочими различными породами, и здесь же в реках масса необычных рыб. И это только такие рыбы, которые в тех реках водились, но еще множество различных удивительных рыб приходило из моря, потому что недалеко находилось устье Немана, где Неман впадает в море. Над этими реками, над Дубиссою и над Неманом и над Юрою, там поселились и начали размножаться. Это место над теми большими ре-

---

* *Здесь заканчивается текст, заимствованный у Стрыйковского.*

** *У Стрыйковского далее* домом и своими родными (*т. I, стр. 57*)

*** *У Стрыйковского и в других летописях* морем Средиземным.

ками очень понравилось им и назвали ту землю Жемайтской землей [12].

И затем вышеназванный князь Палемон породил трех сыновей: старший Борк, второй Кунос, третий Спера. Старший же сын Борк создал на реке Юре замок и объединилось имя того князя с рекой, которая называется Юра, и князя Борк, и назвали тот замок Юрборк [13]. А средний сын Кунос пришел на устье реки Невяжи [14], где она впадает в Неман, и тот создал замок и назвал его своим именем, Куносов замок [15]. А третий сын Спера пошел дальше в пущу на восход солнца и перешел реку Невяжу, и реку Святую[16], и третью реку Ширвинту [17], и нашел озеро, украшенное лугами и различными деревьями, и полюбил то место, и над тем озером поселился, и назвал то озеро своим именем, Спера [18].
А Довспрунк из [герба] Китовраса, || пошел рекою Святою и нашел 3
место очень красивое, подобное городищу [19], и оно очень понравилось ему, и он там поселился, и создал себе замок, и назвал тот замок Вилькомир [20], а сам назвался князем Девялтовским [21], и там начал размножаться. Мы же возвратимся на предыдущее.

И господствовал Спера много лет, и был очень ласков со своими подданными, а затем умер не оставив потомства, и подданные его, любя его, создали, согласно римскому обычаю в память его идола и назвали Спера. А потом те люди, живя около него, начали приносить ему жертвы и считать его богом, а затем, когда тот идол истлел, они почитали то озеро и место и считали богом. А затем не имели у себя господина и жили без государя.

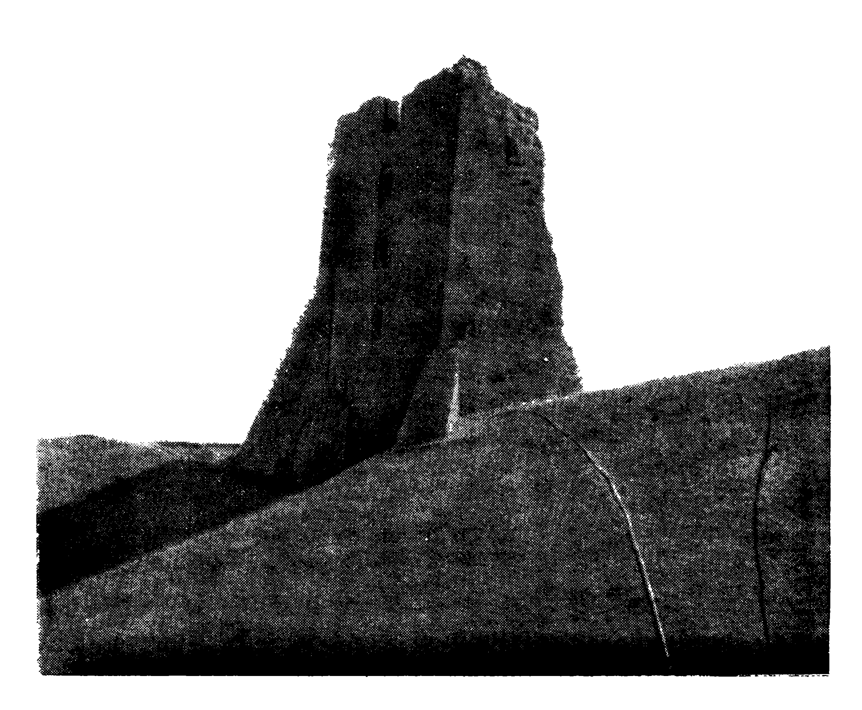
И возвратимся на предыдущее. Спустя немного времени, умер брат его Борк, который жил в Юрборке, не имея детей, и брат его Кунос взял и ту часть брата своего Борка, и замок Юрборк, и начал господствовать в той его части.

А у того князя Куноса было два сына, один Кернус, а второй Гимбут. И, господствуя в земле Жемайтской, начал размножаться и расширяться и переходить за реку Вилию [22], в землю Завилейскую [23], и перейдя выше реку Святую, нашел место очень красивое и понравилось ему очень то место, и он || там поселил своего 4
сына Кернуса, и назвали тот город по имени Кернуса Кернов [24]. А затем Кунос умер, и после него на всей земле Завилейской, по границу латвийскую [25] и по Завилейский Браслав [26] и до самой реки Двины правил сын его Кернус. А брат его Гимбут [правил] в Юрборке и в Кунове [27] и во всей земле Жемайтской. А в то вре-

мя, когда Кернус господствовал в Завилейской стороне, люди те его осели за Вилией и играли на трубах дубасных [28], и назвал тот Кернус берег на своем итальянском языке по-латински, Литус, где люди размножаются, а трубы, на которых играли,— туба, и назвал тех людей по-своему, по-латински, соединив берег с трубою,— Листубаня [29]. А простые люди не умели говорить по-латински и начали называться просто Литвою, и с того времени начало называться государство Литовским и увеличиваться со стороны Жемайтии. А потом князь великий Кернус и Гимбут, желая расширить свое отечество, собрали силы свои литовские и жемайтские и пошли на Русь к Браславу и к Полоцку, и много вреда русским сделали и землю их разорили, и множество людей увели в плен. А в то время, когда он находился на Руси, некоторые люди, называвшиеся латышами и сидевшие над морским берегом, услышав, что князя Кернуса в Литве, а князя великого Гимбута в Жемайтии нет, собравшись, все пошли в землю Жемайтскую и много зла причинили земле Жемайтской. А потом князь Гимбут ||
5 приехал из Руси в Жемайтию и увидя разорение земли Жемайтской, тогда же пошел к латышам и всех искоренил, истребил, а иных увел в плен в Жемайтию, и, сделав землю их пустой, возвратился в Жемайтию.

А после ухода его из Латвии к тому берегу пришли из-за моря немцы и осели на том берегу, где жили латыши, и стали господами, и назвались ливонцами [30].

А князь великий Кернус господствовал в Литве, а князь Гимбут в Жемайтии, и правили немалое время, и жили между собой в мире. Потом князь Кернус жил много лет в Литве и умер в глубокой старости своею смертью, а после себя оставил на великом княжении литовском сына своего Живибуда. А Гимбут был князем Жемайтии также много лет, и умер, и оставил на княжестве Жемайтском сына своего Монтвила. И во время правления Монтвила поднялся царь Батый, и пошел на Русскую землю, и всю землю Русскую повоевал, и многих князей русских убил, а иных в плен увел, а столицу всей земли Русской, город Киев, сжег и сделал пустым. А князь великий киевский Дмитрий, испугавшись большой силы и могущества его, убежал из Киева в город Чернигов, и потом узнал, что город Киевский сожжен и вся земля Русская опустошена. И услышал, что мужики живут без государя, и зовутся дручане, и он собрал людей и пошел к Друцку [31], и осел

Руины замка в Новогрудке
(современное состояние)

в земле Друцкой, и срубил город Друцк и назвался великим кня-
зем Друцким. || А в то время узнал князь великий Жемайтский 6
Монтвил, что Русская сторона опустела, и князья русские разог-
наны, и он, дав войско сыну своему Ердивилу, послал с ним панов
своих радных [32], прежде всего из [герба] Колюмнов по имени
Грумпя, а второго из Урсеинов по имени Ейкшис, а третьего из
Розы по имени Гровжис. И зашли [они] за реку Вилию, и потом
перешли реку Неман и нашли в четырех милях от реки Немана го-
ру красивую, и понравилось им, и создали на ней город и назвали
его Новогрудок [33]. И устроил себе князь великий Ердивил столицу
и назвался великим князем Новогрудским [34].

И пошел из Новогрудка, и срубил город Городень [35], и потом пошел к Бресту [36], и нашел Берестец [37] и Дорогичин [38] и Мельник [39] опустошенными и разоренными Батыем; и он те города срубил и начал в них княжить. И потом великий князь жемайтский

Монтвил умер и после него сел на великом княжении жемайтском
сын его Викинт. А другой вышеназванный сын его Ердивил должен
был княжить в Новогрудке и во всех тех вышеназванных городах,
и раздал панам своим, которые с ним пришли, острова [40] пущи.
Грумпю дал остров около реки Ошмяны [41], который сейчас назы-
вается Ошмянами [42], и все, что прилегает к Ошмянам, что сейчас
князья и паны держат в Ошмянском повете [43]. А Ейкшису дал
остров, который назван по его имени Ейшишками [44], и все приле-
гающее к Ейшишскому повету. А Гровжису дал остров, который ||
7 тоже назван по его имени Гровжишками [45], и весь повет, прилежа-
щий к Гровжишкам. А от Грумпя родился Гаштольд, а от Ейкши-
са родился Довоин, а от Гровжиса родился Монвид. Возвратимся
на прежнее.

И господствовали великий князь Викинт в Жемайтской земле,
а Ердивил в Новогрудке и в тех вышеназванных городах. А затем
умер князь великий Викинт, и после него начал княжить Живи-
буд, великий князь литовский, в обоих тех княжествах, Литве и
Жемайтии, а Ердивил в Новогрудке и во всех тех вышеназванных
русских городах; и много лет [правил] князь Ердивил, живя
в тех городах, и умер. А после него начал княжить сын его Мин-
гайло. И после смерти своего отца князь великий Мингайло соб-
рал войска свои и пошел на город Полоцк и на мужей полоцких,
которые управлялись вечем, как Великий Новгород и Псков.
И прежде всего пришли к их городу называемому Городень [46].
И мужи полоцкие, собрав свои полки, встретили их под Город-
цом, и был между ними великий бой и сеча, и помог бог великому
князю Мингайлу, который разбил всех мужей полочан наголову
и сжег город их Городень, и город Полоцк взял и сделался великим
князем Полоцким. И был он великим князем Полоцким и Новогруд-
8 ским, и княжил много лет и умер. || И оставил после себя двоих
сыновей своих, одного Скирмунта, а второго Гинвила, и Скирмунт
начал княжить в Новогрудке, а Гинвил в Полоцке, и взял Гин-
вил у великого князя Тверского у Борка в жены [47] дочь по имени
Марию, из-за которой окрестился в русскую веру [48], и дали ему
имя Юрий; и тот Юрий правил немного времени, и умер. А после
себя оставил в Полоцке сына своего Бориса [49], и тот князь Борис
создал город по своему имени на реке Березине, и назвал его Бо-
рисов [50]. И будучи русским [по вере], был очень набожным, и
создал в Полоцке церковь каменную святую Софию, а другую —

святого Спаса и девичий монастырь вверх по реке Полоте за полмили от города, третью церковь святых Бориса и Глеба — в монастыре в Бельчицах [51].

И, правя в Полоцке, был ласков со своими подданными и дал им, своим подданным, вольности и право собирать вече и звонить в колокол и обсуждать дела, как в Великом Новгороде и Пскове, а потом князь Борис Полоцкий умер.

А после себя оставил в Полоцке сына своего Рогволода, называемого Василием, и тот князь Василий Полоцкий жил немало в Полоцке и умер. А после себя оставил сына Глеба и дочь Прасковию, и та дочь обещала сохранить свою девственность до смерти и постриглась в монахини у святого Спаса в монастыре над
Полотой, || и жила там семь лет служа богу, переписывая книги 9
на церковь. А потом собралась в Рим, и, находясь в Риме, служила богу усердно, и жила там несколько лет, и стала святой, которую зовут святой Пракседой, а по-русски Прасковией, которой в Риме и церковь построили в честь ее святой, и там же ее похоронили [52]. А брат ее, князь Глеб Полоцкий, умер молодым и похоронен в святой Софии в Полоцке в одном гробу со своим отцом. А полочане начали управляться вечем как в Великом Новгороде и Пскове, а государя над собой не имели. И обратимся на предыдущее.

Скирмунт же княжил в Новогрудке. И Мстислав *, князь Луцкий и Пинский, начал войну с князем Скирмунтом, намереваясь выгнать его со своей отчины из Бреста, из Мельника, из Гродно и из Новогрудка. И Скирмунт отправил своих послов к Живибуду, великому князю литовскому, прося его, чтобы дал ему помощь против Руси. И Живибуд великий князь литовский и жемайтский послал ему на помощь своего старшего сына Куковойта со всеми силами своими литовскими и жемайтскими. И пошел князь великий Скирмунт с Куковойтом и со всеми сила-
ми против Мстислава ** князя Луцкого и Пинского || и на сей сто- 10
роне реки Ясельды [53] разбил князь Скирмунт князя Луцкого и Пинского наголову и всю силу и рать их русскую. Только князь Мстислав с небольшой дружиной едва смог убежать в город

---

* *В тексте* Мстиславль.

** *В тексте* Мстиславля.

Луцк[54]. А князь великий Скирмунт забрал город Пинск [55] и город Туров [56] и огласилась Русь плачем великим, что так все побиты безбожной Литвой.

А князь великий Скирмунт чествовал Куковойта, сына великого князя литовского Живибуда, и одарив безчисленным множеством золота и серебра и резвыми конями, и отпустил с честью к отцу его великому князю литовскому и жемайтскому. И когда он приехал к своему отцу и немного пожил при нем, и отец, князь великий литовский и жемайтский Живибуд, умер, а сын его Куковойт сел на великом княжении Литовском и Жемайтском.

И в то время царем Заволжским был царь по имени Балаклай, и прислал послов своих к великому князю Скирмунту, [требуя] чтобы тот давал ему дань и баскаков его содержал в тех городах, так же как с тех городов шла дань при его [предшественниках], князьях русских. И князь великий Скирмунт исполнить этого не захотел, и тем послам его приказал обрезать носы, губы, уши и отпустил обратно. И тот царь на следующий год собрался с многими силами и ордами татарскими, и пошел на Русскую землю, и
11 много зла причинил Русской земле. || И князь великий Скирмунт, собрав все войска свои, встретил его на своей границе, в Койданове [57], и разгромил того царя и всю силу его татарскую побил, и самого царя убил и после такой великой победы пошел на Русскую землю и взял города Мозырь [58], Чернигов, Стародуб [59], Карачев [60], и одержав победу вернулся назад, сохранив всех в целости.

И было у князя великого Скирмунта трое сыновей: старший Тройнат, второй Любарт, третий Писимонт. А затем великий князь Скирмунт умер. И Любарт сел в Карачеве и назвался князем Карачевским, а Писимонт сел в Турове, а Троинат в Новогрудке и княжили в тех городах много лет. И Куковойт великий князь литовский и жемайтский, находясь на великом * новогрудском княжении. Рынгольт [61] немалое время [княжил] в Новогрудке и во многих городах русских. И сговорились между собой князья русские начать борьбу против великого князя Рынгольта, намереваясь согнать его со своих отчин, русских городов, прежде всего

---

* На великом — *два раза. Далее перерыв. В т. XVII ПСРЛ примечание* Отсюда текст испорчен и сравнительно с другими списками большой пропуск (*стб. 481*).

Святослав Киевский и Лев Владимирский, и Дмитрий Друцкий.
И собравшись все трое со своими полками, пошли против великого
князя Рынгольта. И взяли те князья русские на помощь себе от
царя Заволжского несколько тысяч татар. И князь великий Рын-
гольт встретил их на реке Немане || у Могильно [62] и был с ними 12
бой лютый, и бились между собой очень крепко, начав рано утром
и до самого вечера. И помог бог великому князю Рынгольту, ко-
торый разгромил князей русских и всю силу их и орду татарскую
наголову, и сам, одержав победу, с большим веселием, добыв
золото и серебро и много сокровищ, возвратился восвояси и жил
много лет в Новогрудке и умер, а после себя оставил на Новогруд-
ском княжении своего сына Миндовга.

И князь великий Миндовг, господствуя в Новогрудке и в рус-
ских городах, начал избивать своих родичей и в том же году изг-
нал Миндовг племянника своего Товтивила и Ердивила [63], по-
слав их с Викинтом на войну против Руси воевать к Смоленску
И сказал: «Кто что захватит, оставит у себя. Вражда за вражду»
А с ними [послал] и литву и бесчисленное множество литовцев
с ними. И было у них много * богатств и послал на них [Миндовг]
своих воинов, намереваясь их убить. Они же, узнав, бежали к кня-
зю Даниилу и Васильку и приехали во Владимир [64]. Миндовг же
прислал своих послов, говоря: «Не делай им милости». И не послу-
шали его Даниил и Василько, потому что его ** сестра была за
Даниилом замужем. Потом же Даниил, обсудив с братом своим,
послал [послов] в Польшу к || польским князьям, говоря: «Время 13
уже христианам идти на поганых, потому что у них сейчас идет
междоусобная война». Поляки пообещали, но не выполнили [обе-
щания]. Даниил же и Василько послали Викинта к ятвягам
и в Жемайтию и к немцам в Ригу, и Викинт одарил *** их сереб-
ром и дарами многими, ятвягов и половину Жемайтии. А немцы

---

* *Т. Нарбут отмечает (стр. 7), что здесь заканчивается сильно испорченный текст и начинается более исправный. В т. XVII ПСРЛ к этому месту дано следующее примечание* Отсюда далее в др[угих] зап[адно]-русск[их] сп[исках] нет всего рассказа о Миндовге; Стр[ыйковский] знал этот рассказ: потом, будучи великим князем Литовским, Жемайтским и Русским Новогрудским, находясь в зрелом возрасте, умер, оставив после себя в тех государствах сына Миндовга (*стб. 481, 482*).

** *По смыслу должно быть* их сестра, *т. е. Товтивила и Ердивила.*

*** *В тексте* ударил.

отвечали Даниилу: «Как можем ради тебя заключить мир с Викинтом, который погубил много нашей братии?» Сказали так потому, что обещали помочь Товтивилу. Даниил же и Василько пошли к Новогрудку. Даниил же с братом Васильком, раздумав, послал на Волковыск [65], а сына — на Слоним [66], а сам пошел к Здитову [67]; и взяли много городов и возвратились домой. Потом же прислал Викинт, говоря, что немцы хотят оказать помощь Товтивилу. И послал Даниил Ердивила и в помощь ему русских и половцев, и много воевали они между собой. Оттуда же Товтивил пошел с пленными Даниила в Ригу, и приняли его рижане с великою честию, и был он крещен. Миндовг же, узнав, что ему [Товтивилу] хотят помогать рыцари и епископ и все воины рижские, испугался, и послал втайне к рижскому магистру Андрею, и дал ему многие дары, и тем ему угодил. Послал ему много золота и серебра, и красивые серебряные, и золотые сосуды, и коней много
14 и сказал: «Если убьешь или прогонишь || Товтивила, то получишь и еще больше». И сказал ему рижский магистр: «Не спасешься и не одолеешь врага, если не пошлешь к папе и не примешь христианство. А дружбу * к тебе чувствую, и хотя ослепил очи свои золотом, которое получил от тебя, все же я тебе благоприятствую»**. И Миндовг послал к папе и принял крещение, но крещение его было лукавым потому, что он постоянно приносил своим богам втайне жертвы, первому Нонадаеву, Телявели и Диверкизу [68], заячьему богу и Медину, и когда [Миндовг] выезжал в поле и перед ним заяц пробегал по полю в лес, и он в тот лес не входил и людям запрещал, чтобы там даже и прута не ломали, и богам своим приносил жертвы, и тела мертвых сжигал и язычество свое явно соблюдал. Товтивила же исповедал епископ, и священник Виржанский, видя его больным, разжалобился. Товтивил, изгнанный из Литовской земли, был в их руках и принял крещение неволею. Все это не сделало Литву христианской. Андрей был лишен сана своей братиею. Товтивил же примчался

---

* *В тексте* службу; *исправлено по Ипатьевской летописи.*

** *У Стрыйковского это место изложено несколько иначе* Но ливонский магистр сказал: «Пока живу, с нами мира не будет, и не будет тебе спасения, потому что ты язычник. И если ты не крестишься во всеобщую христианскую веру (*видимо, в католическую.— Н. У.*) и не пошлешь к папе с обещанием послушания, тогда я, хотя бы тем золотом, которое мне даешь, засыпал свои глаза, никогда тебе способствовать не буду» (т. 1, стр. 288,

в Жемайтию к своему дяде Викинту, взял ятвягов и жемайтов и помощь Даниила, которую дал ему Даниил ранее, и пошел на Миндовга. Миндовг же изготовился, но решил не биться с ними и ушел в город по имени Борута [69] и выслал своего || шурина *. 15
И разогнал и русь ** и ятвягов, наутро же выехали [войска Миндовга] на немцев с самострелами. И ехала русь и половцы со стрелами, а ятвяги с сулицами, и гонялись по полю, как будто играя, и оттуда возвратились в Жемайтию восвояси ***.

После того сейма [70] прошло немало времени, и осенью был убит великий князь литовский Миндовг, самодержец всей земли Литовской. О убийстве же его скажем. Было так. Княжил он в земле Литовской и начал избивать своих братьев и племянников своих, а других изгнал из земли и начал княжить во всей земле Литовской один, и очень возгордился, вознесясь славою и гордостью великою, не терпя против себя никого. Был же у него сын Войшелк и дочь; дочь он отдал за Шварна Даниловича в Холм; Войшелк же начал княжить в Новогрудке, будучи язычником. И начал проливать кровь: иногда убивал всякий день по три и по четыре [человека], а в который день если не убивал, тогда был печален, если же убивал, то был весел.

Но затем в его сердце вошел страх божий, и он размыслил, и захотел принять святое крещение. И крестился в Новогрудке, и стал христианином, и затем пошел Войшелк в Галич [71] к Даниилу, к князю Васильку, намереваясь принять монашество. || Тогда 16
же Войшелк крестил Юрия Львовича, а затем пошел в Полонину к Григорию в монастырь и постригся в монахи, и был в монастыре три года, и оттуда пошел к Острой Горе [72], и принял благословение от Григория. Григорий же человек святой, какого не было ранее и не будет позже. Войшелк же не мог дойти до Святой горы, потому что в тех землях тогда был большой мятеж, и пришел опять в Новогрудок и создал ****...

Троинат же направил к своему брату к Товтивилу в Полоцк посла, сказав так: «Ты, брат, приезжай сюда, разделим себе землю и имущество Миндовга»; тот приехал к нему. И начал думать Тов-

---

* *Далее перерыв, отмеченный у Нарбута многоточием.*

** *В тексте* Руша.

*** *Т. Нарбут отмечает, что далее, очевидно, утеряна часть текста.*

**** *Т. Нарбут отмечает, что далее недостает части текста (стр. 9).*

тивил, намереваясь убить Тройната, а Тройнат тоже думал о Товтивиле.

И сообщил о намерении Товтивила боярин его Прокопий полочанин; Тройнат же, предупредив Товтивила, убил его и начал княжить один. Затем начали думать конюхи Миндовга, четыре работника, как бы им убить Тройната. Тот пошел в баню мыться, они же, выбрав время, убили Тройната; такой был конец убийства Тройната.

Услышав же это, Войшелк пошел с жителями Пинска к Новогрудку и оттуда, забрав с собой новогрудчан, пошел княжить
17 в Литву. Литва же вся приняла || своего господина с великою радостью. Войшелк начал княжить во всей земле Литовской, и начал избивать своих врагов, и избил их безчисленное множество, а прочие разбежались кто куда, и того Евстафия [73] окаянного убил, того беззаконного воеводу Миндовга.

И когда княжил Войшелк в Новогрудке и в русских городах и, договорившись с князьями русскими, вел много войн с князем польским Болеславом[74]. И много войн вел, и много крови пролил в Польской земле, и землю опустошил и города польские, Ильзу и другие, многократно сжигал. А потому, когда он правил, крестился в русскую веру и принял монашеское звание, и постригся в монахи, и пошел в монастырь в Угровск, в церковь святого Даниила. А в монастыре настоятелем был Григорий Полонин; и, находясь в монастыре, был очень набожен, и жил в монастыре немало.

И через непродолжительное время прислал князь Лев Владимирский к Васильку, своему брату, желая с ним встретиться, и прося, чтобы он послал для какого-то совета Войшелка, чтобы и тот туда же к ним приехал. И князь Василько Галицкий просил Войшелка, чтобы он там же к ним приехал и с ними увиделся, а Вой-
18 шелк не хотел туда ехать, так как не любил || князя Льва и не намеревался туда ехать ради князя Льва, но поехал по зову Василька и Шварна в город Владимир. И приехал в святое воскресенье и стал в монастыре святого Михаила Великого. И вскоре после встречи просил всех тех князей на обед Маркольт немец; и были у него на обеде и много веселились. А затем Василько, напившись, поехал в свое подворье, а Войшелк поехал в монастырь святого Михаила, где остановился. И потом приехал к Войшелку в монастырь Лев, и сказал Войшелку: «Выпьем еще, кум». И Войшелк

вышел к нему, и Лев по дьявольскому наущению вспомнил, что отец его и он сам громили Русские земли и вредили ему самому, и здесь, в монастыре святого Михаила, убил его. И так закончился род князя Римского Палемона, и там же его, в монастыре у святого Михаила, Василько и похоронил.

И паны, жалея прирожденного своего государя, взяли себе государем Свинторога, сына великого князя литовского и жемайтского Утенуса, из [герба] Китовраса. И после того, как Свинторог немного пробыл князем в Новогрудке и в русских городах, отец его великий князь литовский и жемайтский Утенус умер...* ||

На имя того великого князя. И когда тело какого-либо князя 19
литовского или пана сжигали, при них клали когти рысей или медведей, так как верили, что должен наступить судный день, и представляли себе так, что должен прийти бог и сесть на высокой горе и судить живых и мертвых. На гору же эту будет трудно взобраться без тех рысьих или медвежьих когтей, и поэтому подле них клали те когти, с которыми они должны были на ту гору лезть и явиться на суд бога. И хотя они были язычниками, и лишь позже крестились, но и ранее верили в единого бога, и верили, что придет судный день, и верили в воскресение мертвых, и в единого бога, который судит живых и мертвых.

И затем правил великий князь Скирмунт и оставил двух сыновей, Трабуса и Гилигина, и когда Трабус начал княжить в Жемайтской земле, Гилигин был в земле Литовской и Русской; и княжил Гилигин много лет, и умер. После него начал княжить сын его Роман. И вскоре умер великий князь жемайтский Трабус, дядя князя Романа. И начал править в земле Литовской, Жемайтской и Русской великий князь Роман. И породил Роман пять сыновей: старшего Наримунта, второго Довмонта, третьего Гольшана, четвертого Гедруса, пятого Тройдена. И после смерти Романа начал княжить его старший сын Наримунт, и создал город Кернов, и
перенес столицу из Но||вогрудка в Кернов, и начал княжить, и 20
назвался великим князем новогрудским, литовским и жемайтским. А брат его Довмонт сел на отчине своей на Утянах [75], и назвался князем Утянским. А третий брат его, Гедрус, срубил город

---

* *Далее пропуск. Т. Нарбут считал, что недостает значительной части текста (стр. 10), но в других списках текст, пропущенный в хронике Быховца, изложен на двух столбцах (см. ПСРЛ, т. XVII, стб. 485—486).*

и назвал его своим именем, Гедройцы [76], и назвался князем Гедройцким. А четвертый брат, Гольшис, перешел реку Вилию и нашел гору красивую между горами над рекой Вильно [77] за милю до впадения ее в реку Вилию, против Роконтишек [78], и создал город, и назвал своим именем, Гольшаны [79], и пробыл там немного. И оттуда ездил на охоту в пущу за десять миль от того своего города, и нашел красивую гору, окруженную великими равнинами и наполненную богатствами, и понравилось ему там, и он там поселился, и на той горе создал город над рекою Кораблем [80], и переселился оттуда, и там начал княжить, и назвался князем Гольшанским. А пятый брат Тройден жил при брате своем, великом князе Наримунте. И узнал великий князь Наримунт, что князья ятвяжские вымерли, а люди их живут без государя, и князь Наримунт пошел на них, и они подчинились без сопротивления и поклонились ему, и он, став их государем и подчинив их, дал их земли брату своему Тройдену за дань. И князь великий Тройден нашел красивую гору над рекою Бобром [81], и очень ему там понравилось, и срубил город, и назвал его Райгород [82], и стал называться великим кня-
21 зем ятвяжским и дейновским. || И находясь там на том княжении, вел великие войны с поляками и с русью и с мазурами и всегда побеждал и совершал над их землями большие жестокости, что выше описано в русской хронике [83]. И был он для тех земель хуже и более жесток, чем Антиох Сирийский и Ирод Иерусалимский и Нерон Римский, такой был жестокий и воинственный.

Князь же великий Наримунт взял в жены у помянутого ливонца Фледра дочь его, а брат его Довмонт взял у того же Фледра вторую дочь его. И спустя немало времени разболелась жена князя Довмонта Утянского и умерла.

И князь великий Наримунт, будучи и сам болен, услышав о смерти своей невестки *, очень опечалился и послал жену свою к брату своему Довмонту, чтобы выразить свою скорбь. И когда жена Наримунта приехала в Утяны, выражая соболезнование своему деверю князю Довмонту, князь Довмонт, видя невестку свою, очень обрадовался и сказал так: «Мне нужно было искать жену, а тут мне бог дал жену», и взял ее в жены. И вследствие этого начался великий раздор и вражда между братьями, великим князем Наримунтом и князем Довмонтом. Князь великий Наримунт рас-

* *В тексте* невесты.

сердясь на то, что брат силой взял в жены его жену, сообщил [об
этом] братии своей и князю Гедройцу, и князю Гольшису, и кня-
зю Тройдену, || и тестю своему Фледру-ливонцу. И собравшись 22
с братиею и со всеми своими людьми, пошел на брата своего князя
Довмонта и осадил его в его городе Утянах. И тогда князь Дов-
монт уразумел, что он не в силах обороняться, он просил своих
горожан, чтобы они не сдавали города, пока он не пройдет сквозь
войска Наримунта. И сам спустился из города и, пройдя сквозь
войска Наримунта, побежал, и пришел к городу Пскову. И мужи
псковские, видя его, мужа честного и разумного, взяли его себе
государем и назвали его великим князем псковским. А Наримунт,
взяв город Утяны и жену свою, княжил в Кернове и в Новогрудке
и в Жемайтии, а Довмонт — во Пскове; и оба княжили немалое
время.

Тройден женился на дочери князя мазовецкого и имел от нее
сына, названного Рымонтом. И когда сын его Рымонт вырос до
определенных лет, отец его Тройден отдал его для обучения рус-
скому языку Льву Мстиславичу, который заложил город, наз-
ванный по его имени, Львов [84]. И, живя у князя Льва, Рымонт
научился русскому языку, и понравилась ему вера христианская,
и, крестившись, [он] понял, что эта жизнь ничего не значит, и,
оставив мир, постригся в монахи, и дали ему имя Лавр. И, будучи
монахом, пришел к своему дяде Наримунту и просил его, чтобы
дал ему || в Новогрудском повете место в пуще около реки Нема- 23
на, где бы ему построить монастырь. И прежде всего поставил
церковь святого Воскресения, и оттого назвали Лавришев мона-
стырь, и когда он находился в монастыре, дядя его, великий
князь Наримунт, умер.

А паны литовские и жемайтские взяли себе великим князем
Тройдена и правил великий князь Тройден. И князь великий Дов-
монт, придя из Пскова, взял город Полоцк, и начал княжить во
Пскове и в Полоцке, и очень жаль ему было того, что брат его млад-
ший Тройден стал княжить в Литве; и начал думать о том, как бы
его умертвить. А в то время, когда Тройден правил в Литве, умер-
ли оба его брата, князь Гольшис и князь Гедрис. А из-за вышеопи-
санной неприязни князь великий Довмонт направил шестерых
мужей, чтобы они убили брата его Тройдена; и когда он беспечно
шел из бани, и те шесть мужей предательски убили его. А сам
Довмонт, собрав войско свое псковское и полоцкое, пошел в Литву,

намереваясь стать князем литовским и жемайтским. И помянутый
монах Лавр, называемый по-литовски Рымонт, а по-русски Василий,
жалея о смерти отца своего великого князя Тройдена, оставил мо-
нашеский чин, пришел к панам и, собрав все силы литовские, по-
24 шел против || Довмонта, желая отомстить за кровь своего отца.
И ополчился со своими силами, и встретились с Довмонтом под
Озером, и сошлись они со своими полками с обеих сторон, и был
между ними бой и сеча немалая, с утра и до вечера, и помог бог
Лавру, и он все войско дяди своего Довмонта разгромил и самого
убил, и город Полоцк взял, и возвратился в столицу отца своего
в Кернов, и сказал панам своим: «Если бог дал, после кровавой
смерти отца своего *, я отрекаюсь от этого мира, одеваю на себя
черную рясу и государем быть не хочу; возьмите себе государем
кого хотите, но сам я советую вам так. Хотя у меня есть братья,
Ольшин сын Миндовга и Гедров сын Гинвила, но они еще малы и не
годятся в правители. Мой дядя Наримунт, когда сел на великом
княжении литовском, то герб свой Китовраса оставил своей бра-
тии, а себе сделал герб,— человека на коне с мечом [85]. А тот герб
означает взрослого государя, который может защищать свою ро-
дину мечом, а поэтому изберите себе государя взрослого, кто бы
мог защищать государство, Великое княжество Литовское. И так
мне кажется, что для этого годен Витень, который был марша-
лом [86] у моего отца». Паны, не желая преступать волю и совет сво-
его прирожденного государя, сына великого князя Тройдена,
сделали как он хотел. И видя Витеня, мужа мудрого и годного,
25 который был из рода и из поколения Колюмнов, || владевшего
в Жемайтии Эйраголой [87], взяли его себе великим князем литов-
ским и жемайтским, потому что князь великий Тройден, будучи
в Жемайтии, ехал через имение его Эйраголу, и увидел того Ви-
теня еще маленьким мальчиком, и увидев, что этот ребенок очень
красив и возраста соответственного, взял его к себе. И был у него
[мальчик] коморником [88], и, будучи при дворе, каждую вещь сво-
его господина удивительно хранил и все исполнял. И тот, видя
его добродетель и умение держать себя, сделал его у себя марша-
лом и был [Витень] у него в милости и наблюдал за всякими хо-

---

* *В других списках* отомстить за кровь отца (*см. ПСРЛ, т. XVII, стб. 489*).

зяйственными делами, а затем, после его смерти, был взят на великое княжение. И здесь кончился род Китовраса и началось великое княжение Витеня.

РОД ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ ЛИТОВСКИХ, ИЗ ПОКОЛЕНИЯ И ИЗ РОДА... *

И началось великое княжение Витенеса. Князь великий Витенес княжил в Великом княжестве Литовском и Жемайтском и Русском многие годы и родился от него сын по имени Гедимин. И умер великий князь Витенес от удара молнии; после него стал править Великим княжеством Литовским, Жемайтским и Русским вышеназванный сын его Гедимин. ||

Начало княжения великого князя Гедимина в княжестве Ли- 26
товском, Жемайтском и Русском.

Великий князь Гедимин после смерти отца своего Витенеса стал княжить в Великом княжестве Литовском, Жемайтском и Русском, и сидел на престоле отца своего в Кернове. И правил он немного лет после смерти отца своего, и поднялись против него немцы, пруссы и ливонцы, и вошли с великим множеством людей своих в землю Жемайтскую, намереваясь захватить ее. И Гедимин не успел быстро собрать свое войско против них, и послал наивысшего своего гетмана [89] с небольшим количеством людей в город Куноса, чтобы укрепить его против немцев. И был тот гетман его Гаштольд из рода Колюмнов, а немцы того гетмана и тот замок Куноса окружили и из больших пороков весь разбили, и того гетмана его из того замка забрали и увели в плен, и овладели Жемайтской землей. И князь великий Гедимин заключил договор с немцами относительно того своего гетмана, и дал за него тридцать тысяч золотых.

И на другой год, собрав все свои силы литовские и русские, пошел на немцев, а немцы и ливонцы и пруссы, взяв с собою жемайтов, встретили великого князя Гедимина на реке Отмене [90] на этой стороне Жеймов [91] за две мили. И помог бог великому князю
Гедимину, который всех немцев || наголову разгромил, а Жемай- 27
тия от немцев отступилась и присоединилась к своему прирожденному государю Гедимину, который всех немцев наголову поразил и побил все войско немецкое. И здесь тоже одержав над немцами

* *Многоточие в тексте.*

победу и присоединив к себе Жемайтию, пошел тогда же с теми силами и с жемайтами в Немецкую землю и взял город Тильзит [92] и другой — Рагнету [93], и иных городов много забрал, и землю всю опустошил, и [людей] в плен увел, и, совершив неимоверное кровопролитие в Германии и одержав победу, с великим весельем отошел восвояси.

И оградив землю Жемайтскую от немцев, пошел на князей русских, и пришел сначала к городу Владимиру, и князь Владимир Владимирский собрался со своими людьми и дал бой лютый великому князю Гедимину. И помог бог великому князю Гедимину, и он князя Владимира Владимирского самого убил, и рать его всю побил, и город Владимир взял.

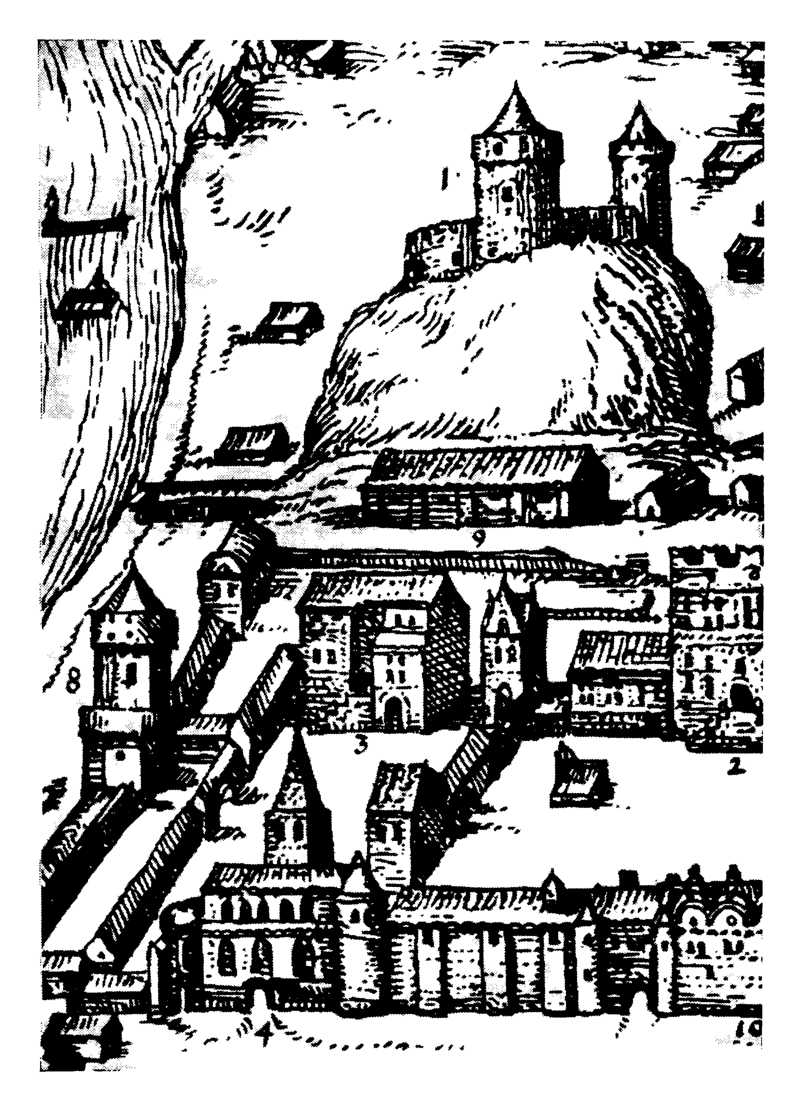
И затем пошел на князя Льва Луцкого, и князь Лев, услышав, что князя Владимира литва убила и город Владимир взяла, и он не посмел выступить против него [Гедимина], и убежал к князю Роману, к своему зятю, в Брянск, а князь и бояре волынские били
28 челом великому князю Гедимину, || чтобы у них правил и был государем, а землю их не разорял. И князь великий Гедимин, укрепив их присягой и оставив своих наместников у них, начал там княжить, а потом, распустив все свои войска, ушел на зиму к Бресту и сам зимовал в Бресте. И как только прошла пасха и он, собрав все силы свои, литовские, жемайтские и русские и на другой неделе после пасхи пошел на князя Станислава Киевского, и, придя, взял город Овруч [94] и город Житомир. И князь Станислав Киевский, сговорившись с князем Олегом Переяславским и с князем Романом Брянским и с князем Львом Волынским, которого великий князь Гедимин выгнал из Луцка, и собрались все с великим множеством людей своих русских, и встретились с великим князем Гедимином на реке на Ирпени [95] под Белгородом [96] в шести милях от Киева. И был бой и сеча великая, и помог бог великому князю Гедимину, побил всех князей русских наголову и все войско их побитое на месте осталось, и князя Льва Луцкого и князя Олега Переяславского убил, а Станислав Киевский и Роман Брянский с небольшим отрядом убежали в Брянск [97]. И князь великий Гедимин осадил город Белгород, и горожане, видя, что государь их из войска убежал, а войско все наголову разбито, и те, не же-
29 лая противиться || такому могучему литовскому войску, предались с городом князю Гедимину и присягнули служить Великому княжеству Литовскому. Затем князь Гедимин пошел со всеми

своими силами к Киеву и осадил город Киев, а киевляне начали его защищать; и лежал [98] князь великий Гедимин под Киевом месяц. А затем решили между собой горожане киевские, что против силы великого князя без государя своего великого князя Станислава Киевского более терпеть не могут. И услышав то, что государь их князь Станислав убежал от Гедимина, и что войско государя их все побито, и им в помощь никакой силы князь их не оставил, и они, сговорившись единодушно, предались великому князю Гедимину. И вышли из города с крестами игумены, попы и дьяконы, и открыли ворота городские и встретили великого князя Гедимина с честию, и ударили ему челом, и начали служить ему и на том присягнули великому князю, и били челом, чтобы у них отчин их не отнимал. И князь Гедимин их при том оставил и сам с честию въехал в город Киев.

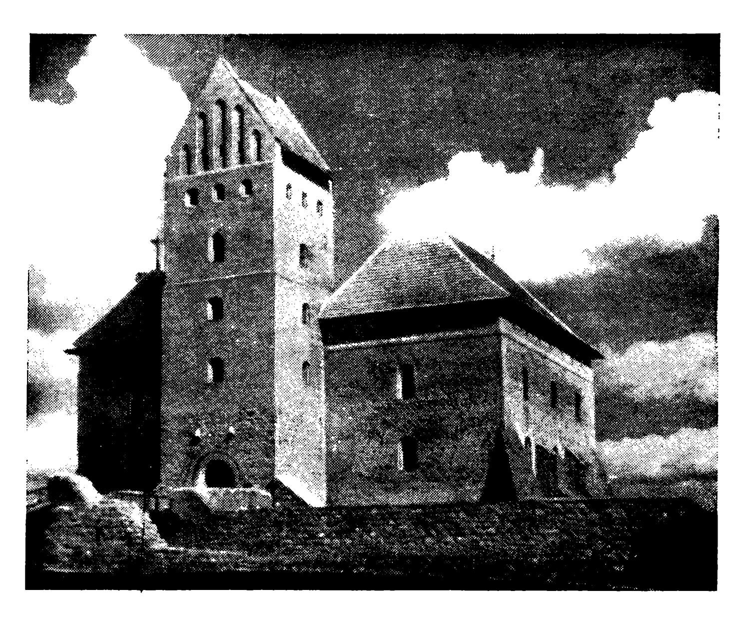
И услышали о том пригороды Киевские, Вышгород [99], Черкассы [100], Канев [101], Путивль [102], Слеповрод [103], что киевляне передались с городом, а о государе своем слышали, что он убежал в Брянск и что силу его всю побили, и все пришли к великому князю Гедимину и начали служить с теми названными киевскими пригородами, || и присягнули на том великому князю Гедимину. 30
А переяславцы [104], услышав, что Киев и пригороды киевские подчинились великому князю Гедимину, а государь их князь Олег убит великим князем Гедимином, и они, приехав, начали с городом служить великому князю Гедимину, и на том присягнули.

И князь великий Гедимин, взяв Киев и Переяславль и все те перечисленные пригородки, и посадил в них сына Миндовга князя Ольгимонта, великого князя Гольшанского, а сам с великим весельем возвратился в Литву. И в то время великий князь киевский Станислав, изгнанный великим князем Гедимином, находился в Брянске, и прислал к нему [посла] князь Иван Рязанский. Будучи старым, он просил Станислава, чтобы тот приехал к нему и взял замуж его дочь по имени Ольгу, потому что сына не имел, а только одну ту дочь, и чтобы Станислав был после его смерти великим князем рязанским. И князь Станислав к нему поехал, и дочь его взял в жены, и после его смерти был великим князем рязанским.

А князь великий Гедимин, прогнав князей русских и оградив землю от немцев, правил много лет в спокойствии. И однажды поехал князь великий Гедимин из своей столицы Кернова на охо-

Вильнюсские замки, Верхний и Нижний (из атласа Брауна)

Тракайский замок на острове. Дворцовая часть (после реставрации)

ту за пять миль за реку Вилию, и нашел в пуще красивую гору,
окруженную дубравами и равнинами, и понравилось ему очень,
и он там поселился, и заложил город, и назвал его Троки [105],
где были Старые Троки; || и перенес из Кернова столицу свою 31
в Троки. Вскоре после того поехал князь великий Гедимин на охо-
ту из Трок за четыре мили, и нашел гору красивую над рекою
Вильно, на которой встретил зверя большого, тура, и убил его на
той горе, которую и сейчас зовут Турова гора. И было очень позд-
но ехать в Троки, и стал он в долине Свинторога, где первых ве-
ликих князей сжигали, и там заночевал. И приснился ему там
сон, что на горе, которую звали Кривая, а сейчас Лысая, стоит
большой железный волк и в нем ревет, как будто сто волков выло.
И очнувшись от сна своего, он сказал волхву своему по имени
Лиздейко, который был найден в орлином гнезде, и был тот Лиз-
дейко у князя Гедимина волхвом и найвысшим языческим попом:
«Видел я сон удивительный»; и сказал ему все, что во сне видел.
А тот волхв Лиздейко сказал государю: «Князь великий, железный
волк означает, что будет здесь столичный город, а что у него внут-
ри ревет,— то слава о нем разнесется на весь мир». И князь вели-
кий Гедимин завтра же, не уезжая, послал за людьми и заложил

замок, один на Свинтороге, Нижний, а другой — на Кривой горе, которую теперь зовут Лысой, и дал имя тем городам Вильно. И построив города, перенес свою столицу из Трок в Вильно, и первым воеводою в Вильно назначил гетмана [106] своего Гаштольда из герба Колюмнов, родившегося от Крумпя, который был схвачен
32 немцами в Куносове. || И был князь великий Гедимин князем литовским, русским и жемайтским много лет, и был он князем справедливым, и вел много войн, всегда побеждая, и правил счастливо до своей самой глубокой старости. И породил он семь сыновей и восьмую дочь, по имени Анну, которую выдал в Польшу, в жены Казимиру Владиславу Локетку [107], как записано в 1323 году * от рождества Христова. И будучи глубоким стариком, князь великий Гедимин при жизни своей разделил владения между своими сыновьями и пяти сыновьям дал уделы, то есть старшему сыну Монтвиду дал в удел Карачев и Слоним, а Наримунту — Пинск, а Ольгерду — Крево, а к тому же у князя Витебского сыновей не было, а только дочь, и он отдал за него свою дочь, и принял его в земле Витебскую; Кориату дал Новогрудок, Любарту — Владимир и Луцк и землю Волынскую. А тех двоих сыновей своих посадил на великих княжествах: Евнутия в своей столице в Вильно и в великом княжестве Литовском, а Кейстута в Троках и во всей земле Жемайтской, и, разделив их, сам умер в почете.

И когда Кейстут правил в Троках и в Жемайтии, услышал он о девушке из Паланги [108] по имени Бирута, которая по языческому обычаю обещала своим богам сохранить девственность и сама числилась у людей богиней **. ||

33 И приехал сам князь Кейстут и понравилась великому князю девушка, так как была очень красивая и умная, и просил ее, чтобы она стала его женой, но она не соглашалась и отказала ему: «Я жена своих богов и обещала сохранить девственность до самой смерти»— [сказала она]. И князь Кейстут взял ее силой из того города и привез ее с большим почетом в свою столицу в Троки, и, пригласив братьев своих, устроил большую свадьбу со своими братьями, и сделал ту Бируту своею женою. И когда князь Кейстут отъехал за милю от Трок, понравилось ему очень одно место меж-

---

* *Год обозначен буквами славянского алфавита.*

** *Внизу листа другим почерком приписано* N B. Бирута: замуж вышла в 1343 г., овдовела в 1382 г., умерла в 1416. *Прим. Т. Нарбута (стр. 17).*

ду озер, и он там поселился, и город заложил, и назвал его Новые Троки, и перенес свою столицу из Старых Трок в Новые Троки; а вот сын его Витовт родился в Старых Троках. И на том месте, где он родился, Витовт после смерти отца своего заложил костел Благовещения божией матери и поселил монахов ордена святого Августина того же ордена, у которого в Кракове есть монастырь святого Августина на Тынце.

Князь Евнутий правил в Вильно и в Великом княжестве Литовском. И не понравилось великому князю Ольгерду, старшему брату их, и великому князю Кейстуту, не понравилось им по некоторым причинам в Вильно и в княжестве Литовском, потому что княгиня Евна умерла *. ||

И не желая, чтобы он на том месте был старшим, и домысли- 34
ли между собой и князь великий Ольгерд и князь великий Кей-
стут, чтобы брата своего князя великого Евнутия из Вильно и из
великого княжества изгнать и одному из них сесть государем. И,
сговорившись между собой, назначили срок, в какой день, прибыв
в Вильно, отнять город у брата, великого князя Евнутия. И князь
великий Ольгерд из Витебска не успел [прибыть] к тому сроку
к Вильно, а князь великий Кейстут, примчавшись быстро к Виль-
но, занял город Вильно, а князь великий Евнутий, услышав
о том, бежал на Турову гору и там ночью простыл, и там, взяв его,
привезли к брату его князю великому Кейстуту. И тот, ожидая
брата своего старшего, великого князя Ольгерда, посадил его, то-
го брата своего Евнутия, под стражу, а навстречу брату своему
великому князю Ольгерду послал гонца, сообщая, что он Вильно
занял и брата, великого князя Евнутия, захватил. И встретил
его гонец в Крево [109], и князь великий Ольгерд поспешил, и вско-
ре приехал к брату своему великому князю Кейстуту. И князь
великий Кейстут сказал брату своему великому князю Ольгерду
«Тебе надлежит быть великим князем в Вильно, ты нам старший
брат, а я с тобой буду заодно». || И посадил его на великом княже- 35
нии в Вильно, а Евнутию [они] дали Заславль [110]. И договорились
между собой, что все братья должны быть послушны великому
князю Ольгерду, а волости и села разделили между собой, и креп-
ко между собой условились, что из приобретенных городов и во-
лостей все делить поровну и быть им до смерти правдивыми и по-

---

* *Текст искажен.*

братски любить друг друга. И на том присягнули, что им друг против друга ничего плохого не замышлять; и так они и жили, не нарушая договора до самой смерти.

1351 год. * Князь великий Ольгерд, собрав силы свои литовские, пошел и побил татар на Синих водах [111], трех братьев, Хачибея, Кутлубугу и Дмитрия. А те три брата в Орде правили и были отчичами и дедичами Подольской земли, и от них на Подолии были назначены атаманы, которые ведали всеми доходами, и к ним приезжали татарские баскаки и, забирая у тех атаманов дань, отвозили в Орду. Брат же великого князя Ольгерда князь Кориат владел Новогрудком Литовским, и было у него четыре сына: князь Юрий, князь Александр, князь Константин и князь Федор. И вот те князья Кориатовичи, три брата, с разрешения великого князя Ольгерда, своего дяди, и с литовскою помощью пошли в Подольскую землю, а в то время в Подольской земле не было ни одного
36 города ни из дерева рубленного, ни из камня построенного. || Тогда те князья, придя в Подольскую землю, вошли в дружественные отношения с атаманами и начали защищать Подольскую землю от татар, а баскакам выхода не стали давать. Прежде всего они нашли себе крепкое место на реке Смотричи [112] и здесь заложили себе город Смотрич [113]. В другом месте, в горе, жили монахи, и в том месте [князья] создали город Бокоту [114]. И, охотясь, приходилось им загонять много оленей на том острове, где сейчас находится Каменец [115], и, срубив лес, построили каменный город Каменец, а затем все города подольские создали и завладели всей землей Подольской.

А затем король польский Казимир Локеткович [116] узнал, что их три брата Кориатовича в Подольской земле, люди сильные, и он прислал к князю Константину письма с печатями, прося его очень настоятельно, чтобы он к нему приехал, размыслив о том со всеми панами, что у него сына нет, а только одна дочь, и намереваясь отдать за него дочь, а после своей смерти оставить его королем. И князь Константин ездил к польскому королю, но не хотел принять его веру, и опять по тем же грамотам уехал из Польской земли в свои владения, и там на Подолии умер. А князя Юрия молдаване взяли себе воеводой и там отравили** его. А брат

---

* *Год обозначен буквами славянского алфавита.*

** *В тексте* окормили.

их четвертый, князь Федор Кориатович, владел в Литве Новогрудком; и услышал князь Федор, || что братьев его в Подольской зем- 37
ле не стало в живых, и он ушел в Подольскую землю и там осел.

И в то время княжил на Литве и в Руси великий князь Ольгерд, и князь Федор Подольский, овладев Подольской землей, не хотел быть вместе с Подольской землей послушным великому князю Ольгерду. И князь великий Ольгерд пошел со всеми силами литовскими на Подолию, и, то услышав, князь Федор Кориатович убежал из Подольской земли к венграм, а в городах посадил молдаван. И князь великий Ольгерд пришел прежде всего к Брацлаву [117], и, заняв Брацлав, пришел к Сокольцу [118], и, забрав Соколец, пришел к Каменцу ночью, и Каменец взял. А затем Смотрич и Скалу [119], и Черленый город занял, и все города забрал, и воеводу князя Федора по имени Нестан, который в тех городах был, захватил, и по всем городам князь великий Ольгерд посадил своих старост. И дал тогда князь великий Ольгерд от себя держать Каменец Подольский Гаштольду Гаштольдовичу; и во всех тех городах своих старост посадил, и отошел восвояси. Мы же на предыдущее возвратимся.

И тогда князь Ольгерд взял себе в жены княжну Ульяну Витебскую [120], из-за которой князь Ольгерд крестился в русскую веру, а паны литовские все оставались язычниками. И князь ||
великий Ольгерд не насиловал их, и в свою веру не обращал, 38
а римской веры в Литве уже не было, осталась [121] только русская. И когда Гаштольд держал Каменец Подольский, он часто ездил к пану Бучацкому, у которого была дочь, весьма красивая девушка, и староста каменецкий Гаштольд просил пана Бучацкого, чтобы он ту дочь свою отдал ему в жены. И Бучацкий сказал: «Я бы за тебя и рад отдать свою дочь, но не годится мне отдавать свою дочь христианку за тебя язычника, хотя ты и большой пан, но если ты крестишься в нашу веру, я тебе ее дам». И староста каменецкий Гаштольд крестился, и ту дочь пана Бучацкого взял себе в жены. И тогда крестился в польскую веру, и дали ему имя Петр.

И спустя немного времени, дал князь великий Ольгерд Петру Гаштольдовичу Вильно. И, будучи воеводой в Вильно, он впервые привел из Польши 14 монахов францисканцев и заложил в Вильно на своей усадьбе, где сейчас двор виленского епископа, с разрешения великого князя Ольгерда, монастырь Божией матери, а сам поставил двор свой над Винкером [122] на песках, где

сейчас монастырь Божией матери. И тот Петр Гаштольд первым принял римскую веру и принес ее в Литву.

И в те времена князь великий Ольгерд Гедиминович литовский и русский держал свое государство в большом порядке. ||
39 И немалое время правил он Великим княжеством Литовским и был в мире и в хороших отношениях с великим князем Дмитрием Ивановичем Московским. Этот же князь великий, без всякой причины, нарушив договор и дружбу, прислал к великому князю Ольгерду посла своего с грамотой и прислал к нему огонь и саблю, и дал ему понять, что «буду в твоей земле после красной весны, после тихого лета». И князь великий Ольгерд вынул из огнива губку и кремень, и зажег губку, и дал послу, и сказал так: «Дай это государю и скажи ему, что у нас в Литве огонь есть, а что он извещает меня [о том], что хочет быть в моей земле после красной весны, после тихого лета, то я даст бог у него буду на пасху и поцелую его красным яйцом сквозь щит сулицею и с божиею помощью к городу его Москве копье свое прислоню, потому что не тот воин, кто воюет в удобное время, но тот воин, кто в неподходящее время воюет со своими противниками». И отпустив посла, собрал все войска свои литовские и русские и пошел из Витебска прямо на Москву. И на самую пасху рано утром князь великий с боярами и князьями шел от заутрени из церкви, а князь великий Ольгерд со всеми силами своими, распустив знамена свои, показался на Поклонной горе.

И увидя то, великий князь Московский сильно испугался и ужаснулся, видя великого князя Ольгерда с его великою силою, пришедшего к нему таким могучим, выполняя свое обещание.
40 И не будучи в силах || дать ему отпор, послал к нему [послов], прося его [о мире] и обещая дать ему великие дары, прося его, чтобы его из вотчины его Москвы не выгнал, перестал бы гневаться и взял бы у него, что хотел.

И князь великий Ольгерд сжалился, и милость свою оказал, и не добывал его из Москвы, и заключил мир с ним. А затем, когда заключили договор, сам князь великий Московский к нему выехал, и с ним виделся и одарил князя великого Ольгерда дарами многими, бесчисленными, золотом, серебром и дорогим жемчугом и соболями и прочими дорогими и удивительными мехами, и убытки, которые причинил Ольгерд, идя по земле Московской, ему простил. И затем князь великий Ольгерд сказал великому князю мо-

сковскому: «Хотя мы с тобой замирились, но мне иначе сделать нельзя, и должен я к твоему городу Москве свое копье прислонить, и то отметить, что князь великий литовский и русский и жемайтский Ольгерд копье свое к Москве прислонил». И сев на коня, и взяв в руки копье, подъехал к городу и копье свое к стене прислонил, и, отъезжая назад, сказал громким голосом так: «Князь великий московский, помни о том, что литовское копье стояло у Москвы!» А затем князь великий Ольгерд со всеми своими войсками, с великою честью, с массой пленных и с несказанной добычей, забрав много городов || и установив границу по Можайск 41
и по Коломну, и много людей забрав в плен, сохранив своих людей всех в целости, отошел восвояси.

И в то время, когда князь великий Ольгерд был в Москве, и при нем был его воевода Петр Гаштольд, собрались виленские мещане язычники в большом количестве и пришли в монастырь, не желая, чтобы были христиане римской веры, и сожгли монастырь, и убили семь монахов, а других семь монахов, привязав * ко кресту, пустили вниз по Вилии, говоря: «С заката солнца пришли и на закат пойдете, за то, что истребляли наших богов». А где их убили, в саду епископском, там и теперь Божья мука [123] стоит. И когда приехал князь великий Ольгерд в Вильно, тогда Гаштольд бил челом князю великому Ольгерду, чтобы тех язычников за те их жестокости велел покарать, за то, что невинных монахов так жестоко и немилосердно замучили. И князь великий Ольгерд сам очень о том сожалел, что так жестоко тех монахов-христиан убили, очень он гневался, что так жестоко поступили с христианами. И выдал пятьсот виленских жителей на смерть, чтобы их покарали, с тем, чтобы, имея такой пример, никто христианам никакого вреда не делал, и те покараны были различными муками. ||

И затем Петр Гаштольд привел других монахов-францискан- 42
цев, но не посмел уже ставить монастырь на том месте, где убили первых, а создал им монастырь на том месте, где построил себе дом, на песках, над Винкером, где сейчас находится монастырь Божией матери, и с того времени стоит в Вильно первый христианский монастырь Божией матери, римской веры.

И было у великого князя Ольгерда двенадцать сыновей, и вот сыновья его от той жены, которую он взял у князя Витебского,

* *В тексте* развязав.

за которой и Витебск получил, имел шесть сыновей [124]. Первый был Владимир, который получил в удел Киев. Второй князь Иван Жедевид, который получил Подольскую землю. Третий князь Семен-Лингвений, его удел Мстиславль [125]. Четвертый Вингольт-Андрей, удел его Трубчевск [126]. Пятый Константин, удел его Чернигов и Чарторыйск [127]. Шестой Федор Сангушко, удел его Любомль [128].

После смерти великой княгини Анны *[129] великий князь Ольгерд взял в жены дочь великого князя Тверского княжну Ульяну Ольевну [130] и имел от нее шесть сыновей. Старший Ягайло-Владислав, второй Скиргайло, третий Свидригайло, четвертый Корибут, пятый князь Дмитрий Корецкий, шестой князь Василий. У брата же великого князя Ольгерда, у Кейстута, который
43 был в Троках || и в земле Жемайтской, сыновей было шесть. Первый Витовт, а когда он стал русским [131], то ему дали имя Юрий, а когда окрестился в польскую веру [132], тогда назвали его Александром. Второй князь брат его Андрей Горбатый, который княжил в Полоцке; третий Сигизмунд, четвертый Патрикей, пятый Товтивил, шестой Войдат; те все три умерли молодыми, не получив уделов. А из всех сыновей своих любил князь великий Ольгерд сына своего Ягайла, а князь великий Кейстут — сына своего Витовта, и постановили они при жизни, что быть им на их местах, на великих княжениях.

Князь же Ягайло и князь Витовт при жизни отцов своих были в великой дружбе. А затем князь великий Ольгерд в 1377** году умер. Князь великий Кейстут, помня договор и любовь брата своего и то, что до самой смерти его они все делали вместе, признал великим князем в Вильно сына его великого князя Ягайла, и приезжал к нему как и ранее советоваться о делах, как приезжал к старшему брату. Был некто пан, холоп [133] у князя великого Ольгерда, раб невольный, звали его Войдило. Вначале он был пекарем, потом [князь] приставил его стелить постель и давать пить воду, а затем очень полюбил его князь великий и дал ему в держание Лиду [134] и вознес его высоко. Потом, после смерти
44 великого князя Ольгерда, || через два года и даже больше, великий князь Ягайло вознес его очень высоко и отдал за него родную

---

* *На полях рукописи исправлено* Марии. *Прим. Т. Нарбута (стр. 22).*

** *Год обозначен буквами славянского алфавита.*

сестру свою княгиню Марию, которая была замужем за князем Давидом. Князю великому Кейстуту это не понравилось, и очень жаль ему стало той племянницы, сестры Ягайла, что ее отдали за холопа. И был тот Войдило в большой силе у великого князя Ягайла. И начал [Ягайло] с немцами совещаться и пересылать грамоты против великого князя Кейстута.

Был некий пан, комтур Остродский, по имени Либестин, и был он князю Кейстуту [кумом], крестил княгиню Янушеву[135], дочь его. И тот сообщил великому князю Кейстуту: «Ты того не знаешь, что князь великий Ягайло часто посылает к нам Войдила, и уже сговорился с нами, как тебя свести с твоих княжений». И ему досталось и с сестрою великого князя Ягайла, которая была замужем за Войдилом *.

Князь великий Кейстут узнал, что князь великий Витовт живет в дружбе с князем великим Ягайлом. И начал он жаловаться великому князю Витовту, своему сыну: «Ты с ним в дружбе живешь, а он заключил с немцами союз против нас». И князь великий Витовт сказал отцу своему: «Не верь тому, не думаю, чтобы это так было, потому что он со мной живет в дружбе, и сказал бы мне». Затем появилось большое знамение. Князь великий Ягайло дал было Полоцк брату своему Скиргайлу, а они [полочане] || его не приняли, и князь великий Ягайло послал свою рать литов- 45
скую и русскую с братом своим великим князем Скиргайлом к Полоцку; и она осадила город. И князь великий Кейстут опять начал жаловаться с плачем сыну своему великому князю Витовту на князя Ягайло: «Он прежде нанес мне большой урон, отдал мою племянницу, а свою сестру за холопа, я хорошо знаю, что теперь он вступил в сговор с немцами против нас; а третье: мы третий раз воюем с немцами, а он с ними Полоцк добывает, который принадлежит моему сыну, а твоему брату, Андрею Горбатому. Это уже второй знак его неприязни к нам. Уже этим совершенно ясно показано, что они вместе с немцами стали против нас». И князь великий Витовт ответил своему отцу, великому князю Кейстуту: «И тому не верю». И сказав так, великий князь Витовт поехал к Гродно и к Дорогичину. Князь же великий Кейстут, собрав свои силы, примчался в город Вильно и захватил великого князя Ягайла с братиею и с матерью, и грамоты те нашел, дого-

* *Текст испорчен.*

воры с немцами. И послал гонца к сыну своему князю великому
Витовту в Дорогичин, сообщая ему какие произошли события.
Гонец тот нашел великого князя Витовта в Гродно, он уже прие-
46 хал в Гродно из Дорогичина; || и князь великий Витовт за один
день примчался из Гродно к отцу своему великому князю Кей-
стуту. Он же сыну своему великому князю Витовту сказал: «Ты
мне не верил, а вот те грамоты, которые писались против нас, но
боги нас остерегли. Но я великому князю Ягайлу ничего не сде-
лал, не тронул ни его казны, ни стад, а сам он у меня в неволе на-
ходится только под небольшим караулом. А отчину его Витебск
и Крево и все города его, которые были у отца его, то все ему даю,
и ни во что не вступаюсь, а сделал я это, оберегая свою голову,
узнав, что на меня замышляют зло». И князь великий Ягайло
очень обрадовался приезду великого князя Витовта, и присягнул
великий князь Ягайло отцу своему великому князю Кейстуту,
что никогда не будет его противником и всегда будет поступать
по его воле. И князь великий Кейстут отпустил его с матерью,
и с братьями, и со всею казною, и князь великий Ягайло пошел
к Крево, а князь великий Витовт проводил его до Крево. И князь
великий Ягайло пошел из Крево к Витебску, а князь великий
Кейстут как только сел в Вильно послал двух человек к Полоцку,
одного — в войско, а второго — в замок. И полочане возрадова-
лись, и кликнули рати, и люди ратные отступились от Скиргайла
и пошли к Вильно, к великому князю Кейстуту, а князь Скир-
47 гайло пошел к немцам в Ливонию с небольшим числом || слуг.
Князь же великий Кейстут пошел к Новгороду Северскому [136] на
князя Корибута, а сына своего князя великого Витовта оставил
в Литве. И идя к Новгороду [он] велел казнить Войдилу, а князь
Ягайло должен был пойти с ним.

Но князь великий Ягайло забыл о своей присяге и к нему не
пошел, а подговорил виленских мещан, Ганулевых слуг [137],
и засели они в Вильно. А князь великий Ягайло из Витебска со
всем своим войском примчался к Вильно, а князь великий Витовт
послал к Новгороду Северскому к отцу своему великому князю
Кейстуту. А немцы и пруссы услышали об этом и маршал прус-
ский быстро пошел с войском на помощь великому князю Ягайлу.
А князь великий Витовт, как только услышал о том, что немцы из
Пруссии идут к Вильно и к Трокам, а князь великий Ягайло тоже
идет к Трокам из Вильно на соединение с немцами, ушел с матерью

своею к Гродно, и как [войска] подступили к Трокам, то Троки
сдались великому князю Ягайлу. А князь великий Кейстут при-
шел к Гродно к сыну своему, а жену свою послал к Бресту, наде-
ясь на князя Януша Мазовецкого, своего зятя; сам он пошел
в Жемайтию, а сына своего великого князя Витовта оставил в
Гродно. Князь же Януш, зять его, забыв добро и приязнь тестя
своего и тещи своей, двинулся, и пошел с войском к Дорогичину.
Осадив и взяв Дорогичин, повоевал затем Сураж [138] и Каме-
нец [139], осадил Брест || и, не добыв его и не захватив свою тещу, 48
пошел прочь, оставив в тех городах, Дорогичине и Мельнике,
гарнизоны...

И князь великий Кейстут, собрав свою Жемайтскую землю и
все войска, пошел к реке к Вилии, а князь великий Витовт, соб-
рав свою рать со своей отчины, пошел из Гродно навстречу своему
отцу, и сошлись они на Вилии за две мили и там переправились
с войском [через Вилию] и пошли к Трокам, и, прийдя, осадили
Троки. И услышал Кейстут, что князь великий Ягайло идет из
Вильно с войском, а с ним помощь прусская и немецкая, хотя
ранее немцы обоим были неприятелями, князю великому Кей-
стуту и князю великому Ягайлу. Первой пришла ливонская рать
к Полоцку на помощь князю Скиргайлу, а затем пришло с мар-
шалом прусское войско к Трокам, и это уже третья ливонская
рать с ним пришла, и это означало, что они с ними стали вместе
против великого князя Кейстута. И тогда уже изготовились к
бою: князь великий Кейстут со своим сыном князем Витовтом
против великого князя Ягайла. И когда оба войска сошлись на
три или на четыре выстрела, примчались князья и бояре от вели-
кого князя Ягайла к войску великого князя Кейстута и начали
спрашивать великого князя Витовта, желая с ним поговорить.
И начали они говорить великому князю Витовту: «Князь великий
Ягайло послал нас к тебе, чтобы ты помирил нас со своим отцом,
чтобы он держал свое, а вы свое, а бою чтобы между нас не было,
и кровопролития, чтобы не происходило, || и ты бы приехал к 49
брату своему великому князю Ягайлу, а мы присягнем, что ты
возвратишься обратно к своей рати, и так у вас может все хорошо
закончиться». Князь великий Витовт сказал: «Присягу у вас при-
нимаю, но пускай бы князь Скиргайло тоже приехал к нам и при-
сягнул, и тогда я приеду». И они послали к князю Скиргайлу,
и князь Скиргайло тоже принес присягу великому князю Витов-

ту, как и они, и князь великий Витовт поехал к великому князю Ягайлу, к его войску, и полки с обеих сторон продолжали стоять, ничего не предпринимая. И князь великий Ягайло начал просить Витовта закончить дело миром, чтобы не было кровопролития. И князь великий Витовт принял присягу у князя великого Ягайла, что отец его великий князь Кейстут после встречи опять уедет и еще сказал великий князь Витовт великому князю Ягайлу: «Еще, брат, пошли Скиргайла, чтобы он приехал и присягнул бы отцу своему, чтобы ему было безопасно приехать и опять уехать, и чтобы князь Скиргайло присягнул от твоего имени». И князь великий Витовт с великим князем Скиргайлом приехали к отцу своему великому князю Кейстуту в войско и присягнул [Скиргайло] отцу своему от имени великого князя Ягайла и от себя, и князь великий Витовт со своим отцом великим князем Кейсту-
50 том оба поехали || в войско к Ягайлу, надеясь на те присяги. Князь же великий Ягайло нарушил те присяги, говоря: «Поедем в Вильно и там заключим договор», и так войска, ничего не предприняв, разъехались. А когда приехали в Вильно, то князь великий Ягайло своего дядю великого князя Кейстута заковал и послал в Крево, и посадил в башню, а князя великого Витовта оставил еще в Вильно. И там, в Крево, на пятую ночь, великого князя Кейстута удавили коморники великого князя Ягайла, один из них назывался Прокша, который давал ему воду, а были и другие: брат Мостер* и Кучук и Лисица Жибентяй. Такой был конец великого князя Кейстута.

После смерти великого князя Кейстута великий князь Ягайло послал в Крево Витовта с женою и велел его крепко стеречь в комнате. Мстя за Войдилу, которому он отдал свою сестру, двоих велел на колесе изломать, одного, Видимонта, дядю матери великого князя Витовта, женатого на Ульяне, которая потом была за Монивидом, и прочих многих бояр казнил, мстя за Войдилу.

Князь великий Витовт находился в Крево и за ним ухаживали две женщины, которые укладывали его с княгиней в комнате, и, уложив, из комнаты уходили, а сторожа находились рядом.

И вот великая княгиня его услышала от людей, которые говорили между собой: «Если князь великий Витовт будет сидеть

---

* *В оригинале на полях приписано (по-польски.— Н. У.)* крестоносец. *Прим. Т. Нарбута.*

здесь дольше, то ему будет то же, что и его отцу». И посоветовала || ему так, что как придут женщины их укладывать, то ему нужно одеть платье одной из них и так уйти с другой женщиной, а вто- 51
рой женщине остаться с нею. И он по тому совету нарядился в платье одной из женщин, со второю вышел, и спустился из замка и бежал к немцам в Пруссию. И когда он находился у немцев в городе Мальборке [140], у магистра, приехали к нему многие князья и бояре литовские, и он с помощью немцев начал воевать в Литовской земле. А князь великий Ягайло в то время находился со своею матерью великою княгинею Ульяною в Витебске, а брат его князь Скиргайло в Литве, в Троках. И великому князю Ягайлу и Скиргайлу оказалось невозможным бороться против него, потому что у него тогда собралась большая сила, и князь великий Ягайло призвал его из Германии и дал ему Луцк и всю Волынскую землю.

И владея всею Литовскою землею, всем Великим княжеством Литовским, начал Ягайло войну с Мазовией [141] и с Польшей, из-за того, что князь Мазовецкий забрал с помощью Польши Дорогичин и Мельник. И много раз ходил [он] в Польскую землю, и много вреда причинил земле Польской и Мазовецкой, и много крови пролил в земле христианской веры римской от границы литовской и до реки Вислы. И пришел к реке Висле против Завихоста с большим войском, и начал думать, как бы реку перейти. И один литовец*, сойдя с коня, завернул хвост его себе около руки и сказал так: «Тут воде не быть», и ударил коня и быстро переплыл с конем реку. И все войско, видя как сделал их товарищ, и каждый ту реку || со своими конями таким же образом быстро 52
переплыл, и, переплыв реку Вислу, пришли под город Завихост. И сказал великий князь Ягайло: «Не нужно нам того города добывать пушками». И приказал всему своему войску, чтобы каждый взял палку и бросил ее в город. И когда войско литовское, взяв по палке, бросило в город, и накидало полный город палок, и зажгло весь город Завихост, а после того, как сожгли Завихост, пошли под Опатов и сожгли его, и иные многие города и села выжгли до самой Вислицы, а паней и паненок многих забрали в плен. И когда Ягайло с войском шел обратно мимо Святого Креста,

* *На полях рукописи приписка* Это, видимо, был Радзивилл; потому что с этого времени начинают упоминаться Радзивиллы. *Прим. Т. Нарбута (стр. 27).*

некоторые из войска заехали на гору к Святому Кресту, и был между ними один пан из рода Довойнов, и он взял дерево святого креста, которое было оправлено в серебро, и взял то дерево не из-за того, что это была святыня, но из-за серебра. И он не берег того дерева и положил его в узел между прочими простыми вещами. И взял он там в плен девушку, знаменитую панну высокого рода герба Габданка, и панну эту он содержал в большом почете. А князь Ягайло, опустошив Польскую землю, взяв много пленных, золота и серебра и дорогих камней, и, забрав несказанное количество сокровищ, пришел без потерь в свою столицу Вильно.

И жители Вильно встречали великого князя Ягайла по старому языческому обычаю с женами и с детьми перед городом, распевая песни и бия в ладони, восхваляя великого князя, что одержал такую победу, и было очень тесно на улицах Вильно в
53 то время. И кто-то из язычников || дотронулся до тех узлов, в которых находилось дерево святого креста, и сразу умер. И удивлялся князь великий Ягайло тому, что при той встрече так много народа внезапно умерло, и спрашивал у своих, отчего это произошло. И пришел тот пан из Довойнов, который взял тот святой крест, и стал рассказывать об этих чудесах той панне из Габданка, которую взял в плен, и она сказала: «Я во сне видела ангела господня, который сказал, что тот гнев свой бог напустил на тех язычников потому, что они дерево святого креста, которое у себя имеют, хранят без почтения»; и тот пан из Довойнов передал это сообщение девицы великому князю Ягайлу. И князь великий Ягайло приказал тому пану тот крест, в котором было божье дерево, к себе принести и привести ту панну, которая у него была пленницей. И князь Ягайло, осмотрев дерево святого креста и ту панну из Габданка, и дал тот святой крест той панне, и приказал тому пану из Довойнов освободить ее и сам князь Ягайло ту панну, одарив, отпустил с почетом и наказал ей, чтобы она тот крест с почетом отнесла и поставила на том месте, где он был раньше. И та панна, видя того пана из Довойнов, пленницей которого она была, такого степенного, который ее у себя так хорошо и с таким участием содержал, и сказала, что она у отца единственная дочь, и просила его, чтобы он с ней поехал к ее отцу, и там у отца стал бы ее мужем. ||

54 И тот пан из Довойнов с той панной поехали к ее отцу, и то дерево святого креста с почетом отнесли и поставили в костеле

Святого креста. А затем ту панну взял в жены и тогда же придали к тому [гербу] Габданков крест, и поэтому назвали тот герб Дубня. И так закончилось пленение литовцами святого креста из Польши. И возвратимся на прежнее.

И после того пленения провел Ягайло границу с Польшей по Белую воду, то есть по реку Вислу. А в то время у поляков короля не было, потому что король их Казимир Великий умер, оставив после себя дочь молодую королевну по имени Ядвига [142]. И поляки взяли было себе князя Поморского, по имени Фридрих, с тем, чтобы он на той королевне женился, когда она достигнет соответственного возраста, и стал бы их государем. Но затем, видя такое разорение своей земли, какое совершил князь великий Ягайло, стали совещаться о том, как бы могли они землю свою от Литвы охранить, потому что силой противиться ей никоим образом не могли. И замыслили так, что князя того Поморского из своей земли выгнали вон, и собрали сейм в Петркове, и на том сейме решили взять себе государем на королевство великого князя Ягайла при том условии, если бы он захотел окреститься в веру христианскую закона римского и на королевне их Ядвиге жениться. И с этой целью послали к нему послов своих великих, и князь великий Ягайло согласился это их желание выполнить, принять их веру латинскую и жениться на королевне. ||

И взяв с собой двоюродного брата своего великого князя Ви- 55
товта и родного брата своего Скиргайла, и князя Ивана Ольгимонтовича Гольшанского, и своих двоих племянников, князя Ивана Владимировича Бельского и брата его князя Андрея Владимировича Могилевского, и с многими иными князьями, и панами литовскими, поехал на коронацию в Краков. И архиепископы и епископы все и вся рада польская встретили с процессиями великого князя Ягайла перед городом Краковом, и там его приветствовали и приняли и проводили его с почетом и с весельем великим в замок в костел святого Станислава. И там Ягайло, войдя в церковь, принял римскую веру и крестился, и дали ему имя Владислав, и потом его короновали, и королевну Ядвигу дали ему в жены. И тогда же и князь великий Витовт крестился и принял веру римскую, и дали ему имя Александр, и многие иные паны литовские, которые там были, крестились. А потом король Ягайло, когда уже стал королем польским, отпустил великого князя

Витовта и брата своего Скиргайла, и отпустил в Литву всех князей и панов, чествовав их и одарив многими дарами.

И спустя немного времени приехал в Литву сам и заложил в Вильно костел святого Станислава и одарил его дорогими ве-
56 щами церковными, || и основал Виленское епископство, и назначил в тот костел каноников, и сделал первым виленским епископом монаха ордена святого Франциска из виленского монастыря Божией матери по имени Матвея. И к тому же основал епископства Луцкое и Киевское, и начал распространять в Литовском государстве римскую веру. И затем уехал в Польшу, оставив губернатором в Вильно и в Великом княжестве Литовском своего брата Скиргайла. А князь великий Витовт, находясь в Луцке, просватал свою дочь княжну Софию за великого князя Василия Дмитриевича Московского.

И в ту же зиму, когда король Ягайло находился с многими литовскими панами в Кракове, князь Андрей Полоцкий, придя с немцами из Ливонии и со всеми латышами в землю Литовскую, повоевал и сжег много городов и сел, замкам же литовским ничего не сделал и затем возвратились восвояси. В ту же зиму князь Святослав Смоленский вступил в соглашение с князем Андреем Полоцким. Он пошел в Литву, а князь Святослав к Орше, и много зла причинили христианам, поступая не по-человечески и не по-христиански: мучили христиан, собирая запирали в избах и зажигали, а иных хватали, и, приподняв большие хоромы, клали пленных под стены головами и зажимали, а о иных различных
57 нехристианских муках из-за великого страха не пишу: || ни Антиох Ассирийский, ни Юлиан Отступник так народ не мучили. И повоевав и забрав в плен жителей, возвратились восвояси, замкам же ничего не сделали.

В ту же зиму в великий пост начал замышлять Святослав со смоленскими боярами о кровопролитии христиан, и пошел к городу Мстиславлю. И став у города Мстиславля, начал добывать его и бить пороками город, а по земле Мстиславской распустил своих воинов, и много крови христианской пролил. Князь же великий Скиргайло и князь великий Витовт приехали из Польши от брата своего короля Ягайла и услышали, что князь Святослав Смоленский ранее был под Витебском, а потом ходил к Орше, а теперь под Мстиславлем, бьет город пороками. И опечалился князь великий Скиргайло, и пошел со своею братиею, великим

князем Витовтом и с Константином, и с Корибутом, и с Лингвéнием, помянув слово божие, которое гласит: «В ню же мѣру мѣрите, и отмерится им»*. И сказали: «Мы не сделали ему никакого зла, а он, будучи с нами в мире, нарушил крестное целование и договор, воюет нашу землю и кровь христианскую проливает; мы идем на него, надеясь на бога и на силу христианскую». И пришли к городу Мстиславлю. А князь Святослав, который стоял у города || и бил замок Мстиславль пороками, услышал в пят- 58
ницу на третьей неделе [великого поста], что идет на него великий князь Скиргайло с братьею. Он же построил своих воинов и пошел против них, и так сошлись полки. Бог же сделал по словам пророка Давида, который сказал: «Обратится болезнь его на голову его и на верх его неправда его снидет». И еще: «Не копай яму другому, потому что сам в нее упадешь». И помог бог великому князю Скиргайлу и великому князю Витовту. А князь Святослав побежал со своими князьями и боярами смоленскими и со всем своим войском. Божиим же изволением и силою здесь произошло немалое чудо. И убито было многое множество воинов, князей и бояр, убили и самого князя Святослава, сына же его князя Юрия князь великий Скиргайло вылечил от ран и привел его к городу Смоленску, к матери его великой княгине жене Святослава; и посадил его на великом княжении Смоленском, потому что женой князя Юрия была дочь старшей сестры Скиргайла. И отойдя от города Смоленска, князь великий Скиргайло пошел в свою землю Литовскую и начал княжить в Троках, а в Вильно король Ягайло прислал своего польского старосту. А князь великий Витовт тогда владел Луцком и всей Волынской землей, а в Литовской земле своей отчиной. И было ему очень обидно и тяжело || видеть то, чего ранее не бывало в Литовской земле, 59
что посторонние владеют Великим княжеством Литовским. Тогда начал он советоваться с многими князьями и панами литовскими, и когда Скиргайло уехал в Полоцк, князь великий Витовт пришел к Вильно, намереваясь засесть [там], а княгиня великая его Анна в то время была в Гродно. Виленцы тогда не поддались ему, потому что присягнули королю Ягайло и Скиргайло. Он же, не взяв тогда Вильно, пришел к магистру со своею княгинею и со

---

* *Эти слова написаны кириллицей.*

всеми князьями*, и многими боярами своими, и оттуда с помощью немцев начал воевать Литовскую землю, и уже захватил было половину Литовской земли по реку по Вилию, и город Полоцк поддался ему. И увидели король Ягайло и князь великий Скиргайло, что уже им невозможно удержать Литовскую землю против великого князя Витовта, Витовт же, соединившись с немецкими силами, пошел к Вильно. И встретил его князь Скиргайло с братом своим Вигонтом и с литовскими войсками на реке Вилии у Городно [143], на месте, которое называлось Вейшишки; и сошлись оба войска. И помог бог великому князю Витовту, и разбил он наголову войско литовское, а прочие разбежались, и было их избито великое множество. А прочих князей и бояр взяли много живых: князя Семена Евнутьевича, князя Глеба Святославича, князя Смоленского Глеба Константиновича, князя Ивана Тету, Льва Плак-
60 сива, || и других многих князей забрали. И пошел князь Витовт к городу Вильно со всеми силами, и осадил город Вильно, и начал добывать Кривой город и бить в него из пушек. И взял Кривой город, а польский [гарнизон], который был тогда в Высоком городе, остался и не пустили в город князя Скиргайла**. Князь же великий Витовт, взяв Кривой город и землю повоевав, возвратился в Немецкую землю.

В то же лето, когда князь Витовт был в Немецкой земле в замке Мальборке, пришли послы из Москвы от великого князя Василия Дмитриевича, прося у великого князя дочь замуж за великого князя Василия Дмитриевича. Князь же великий Витовт отдал дочь свою княжну Софию и отпустил ее из замка Мальборка, а с нею послал князя Ивана Ольгимонтовича, и [они] из города Гданска пошли на кораблях морем и пришли к Пернову [144] и к городу Пскову. Псковичи же великую честь оказали им и проводили их честно до Великого Новгорода, новгородцы также оказали им большой почет и проводили их с честью до Москвы, к великому князю Василию Дмитриевичу. Князь великий Василий выслал для встречи ее свою братию, князя Владимира Андреевича, князя Андрея Дмитриевича и много иных князей и бояр, и встретили великую княжну Софию с великою честью. Тогда был

---

* *На полях рукописи приписано* Иван и Юрий сыновья. *Прим. Т. Нарбута (стр. 31).*

** *Так в тексте.*

преосвященный митрополит Киприан с архиепископами и епископами, с архимандритами, игуменами и со всем священным чином, || и встретили ее с почетом, с крестами перед городом Москвою,
и сотворили брак, и повенчали великого князя Василия Дмитрие- 61
вича с великою княжною Софиею, и была свадьба великая и знаменитая, чести достойная, и происходила она немалое время. Мы же на предыдущее возвратимся.

Князь великий Витовт, находясь в Германии у магистра в замке Мальборке, заключил союз с немцами и с ливонцами и с прусами, и всех их поднял, и заложил им землю Жемайтскую за триста тысяч золотых, и пошел со всеми теми вышеназванными немцами, и со всеми силами их немецкими и также со своими, и с пушками и с прочим многим снаряжением прямо к Вильно, добывать город Вильно и великое княжество.

И князь великий Скиргайло услышав, что идет с войсками великий князь Витовт, собрал силу свою великую литовскую и русскую, и пошел против великого князя Витовта. И встал Скиргайло со своим войском ополчившись, и перешел Вилию, затем стал на поле на Шешкинах [145], а князь великий Витовт с немецкими силами, с обозом и с пушками пошел с горы на Скиргайло. И начали немцы бить из пушек по войску Скиргайлы и многих в войске Скиргайлы убили, и не устояли войска Скиргайлы против немецких пушек, и начали разбегаться, а войска Витовта за ними погнались и избивали, и многое множество их избили, а другие сами в реке Вилии утонули.

А князь великий Скиргайло в одиночестве переплыл реку и убежал в Кривой город, а князь великий Витовт обложил* его ||
в Кривом городе; а Кривой город был деревянный. И советовали 62
немцы великому князю Витовту, чтобы в город из пушек не стрелял, потому что этим он деревянному городу ничего не сделает, а лучше бы бил из пушек в гору. И князь великий Витовт пушки закопал на Туровой горе [146], на которой князь великий Гедимин тура убил, почему ту гору и зовут Туровой. И приказал бить по горе Кривой, и немало той горы Кривой и с городнями разбил, и были напуганы люди в замке. И в то время князь великий Витовт начал штурм, и взял остальную часть города и князя Скиргайла захватил, и посадил его в тюрьму, а Кривой город сжег, и сам сел в Вильно и в Великом княжестве Литовском.

* *В тексте* обогнал.

И король Ягайло послал к нему послов своих, говоря так: «Не разоряй больше той земли Литовской, своей и нашей отчины. Пойди, брат, с нами на мир, и будь с нами в великой братской любви, и возьми себе великое княжение в Вильно, престол великого дяди своего князя Ольгерда и отца своего великого князя Кейстута». А князь великий Витовт уже сел в Вильно и в княжестве Литовском и при нем были князь Юрий Наримонтович Бельский и князь Иван Ольгимонтович; и когда сел на престоле дяди своего Ольгерда и отца своего Кейстута, рада была этому вся земля Литовская и Русская. Тогда князь Корибут Ольгердович начал что-
63 то замышлять || и проявлять ему непослушание, и начал собирать войско и, собрав, пошел против него. И сошлись войска в месте, называемом Докудово [147], и было разбито войско Корибута войском Витовта, сам же князь Корибут убежал в Новогрудок с княгиней и с детьми. Князь же великий Витовт, собрав свое войско, сам пошел к Новогрудку и, взяв город, князя Корибута и княгиню его и детей его захватил в плен.

Затем умерла великая княгиня жена Ольгерда, и король Ягайло отдал город Витебск своему сокольничему Федору Весне. В то время князь великий Витовт не владел Витебским княжеством, потому что Крево и Витебск после отца своего Ольгерда держал Свидригайло Ольгердович. Поэтому князь Свидригайло был очень огорчен и не мог того терпеть, что Федор Весна владеет городом и землею, а ему не подчиняется, и он Федора убил и город Витебск взял. И очень жалел король Ягайло, что так произошло, и написал он грамоту брату своему великому князю Витовту, чтобы тот отомстил за обиду; и князь великий Витовт, взяв с собою князя Скиргайла, собрал большое войско и пошел к городу Витебску на князя Свидригайла, и наперед пришел к городу Друцку. И друцкие князья встретили его, и стали к нему на
64 службу, и оттуда пошел к Орше. Оршанцы же запер||лись в замке и оборонялись два дня, а затем сдали замок. И потом он пошел к Витебску на князя Свидригайла. А князь Свидригайло затворился в замке. И начал великий князь добывать замок, и к нему на помощь пришел князь великий Юрий Святославович Смоленский со всеми силами смоленскими, и начал ему служить. И начали крепко добывать замок Витебский, и поставили пушки, витебляне же не утерпели и передались великому князю Витовту; князь же Свидригайло вышел вон из замка и покорился велико-

му князю Витовту; князь же великий Витовт взял замок Витебск и затем пошел к Вильно. В том же году ранней весной князь великий Витовт пошел в землю Подольскую, а князь Владимир Ольгердович, который был в Киеве, не захотел покориться и ударить челом великому князю Витовту. Князь же великий Витовт идя той же весной взял город Житомир и город Овруч. И приехал к нему князь Владимир из Киева; в том же году осенью вывел его князь великий Витовт из Киева и дал ему Копыль [148], а в Киеве посадил Скиргайла Ольгердовича, сам же князь великий Витовт пошел в Подольскую землю, а князю Скиргайлу велел идти из Киева к Черкассам и к Звенигороду [149]. Князь же великий Скиргайло с божиею помощью и по повелению великого князя Витовта взял Черкассы и Звенигород и возвратился опять в Киев. И когда он княжил в Киеве, был некто монах Фома Изуфов, || который являлся наместником митрополита у святой Со- 65
фии [150] на митрополичьем дворе. И захотелось князю Скиргайлу поехать за Днепр на охоту, тот же Фома позвал его на пир на митрополичий двор. И когда князь Скиргайло был на пиру и, так некоторые говорят, будто тот Фома дал князю Скиргайлу, выпить яд. И после пира поехал князь Скиргайло за Днепр к Милославичам, и там разболелся, и, приехав в Киев, на седьмой день умер. И понесли его на головах священники со свечами, поющие надгробные песни, из города из Киева к святой Богородице Печерской, и положен был добрый и чудный князь Скиргайло возле гроба святого Феодосия Печерского.

Князь великий Витовт, услышав, что князь Скиргайло умер, и послал в Киев князя Ивана Ольгимонтовича, и дал ему держать Киев. После этого возвратимся на предыдущее.

Князь великий Витовт, выйдя из Ордена на великое княжение, отпустил шурина* своего князя Глеба Святославича на великое княжение в Смоленск, а князю Юрию Святославичу дал город Рославль [151]. Князь Глеб, находясь в Смоленске, начал высказывать неповиновение великому князю Витовту, князь же великий Витовт отправил к нему своих послов для переговоров об этом, но тот не дал ему ни одного смиренного || ответа. Тогда князь 66
Витовт со всеми своими силами пошел к городу Смоленску на князя Глеба Святославича. И подходя к Смоленску, распустил слух, что идет на царя Темир-Кутлуя, который согнал с престола

* *В тексте* тестя.

в Литву брата своего царя Тохтамыша, а сам сел на царстве. И слыша это, князь Глеб Святославич Смоленский выехал к нему с небольшим отрядом. Он же, оказав ему почести и одарив, отпустил с любовью, сказав ему так: «Слышал я о том, что ты с братиею своею живешь не в согласии и не в дружбе. Придите ко мне все, и я разберусь в ваших делах, и устрою между вас согласие». И таким обманом он вызвал из города братьев Святославичей, потому что те, поверив ему, приехали к нему с дарами, а с ними все князья и бояре смоленские, так что ни один не остался в городе. Он же, захватив всех, послал их в Литву и только одному князю Глебу Святославичу дал город Полонное [152], великое же княжение Смоленское дал князю Ямонту и Василию Борейковичу. А князь Юрий Святославич был в то время в Рязани у тестя своего князя Олега Ивановича. Князь же великий Витовт послал князя Семена Лингвения с большим войском и со смоленскими силами на князя Олега Рязанского, и те с массой пленных рязанцев и с большой добычей возвратились к Витовту. ||

67 В том же году весной приехал великий князь Василий Дмитриевич Московский к своему отцу великому князю Витовту в Смоленск, и почтил великого князя большими дарами, золотыми цепями и поясами, соболями, камками и сосудами золотыми и бахматами [153]. Князь же великий Витовт зятя своего великого князя также почтил и одарил различными дарами: крупным жемчугом, дорогим бархатом, многоценными камками, лошадьми в золотых седлах и прочими различными удивительными вещами и, отпустив его в Москву с великой честью, сам поехал в Литву.

1398 В лето шесть тысяч девятьсот шестое было побоище между великим князем Витовтом и царем Темир-Кутлуем. Великий князь Витовт собрал бесчисленное войско, и царь Тохтамыш тоже был с ним со своим войском. И литва была, и поляне, и немцы, поляки, жемайты, татары, молдаване, и русских князей было пятьдесят. И со всеми этими силами, вооружась, пошел [Витовт] на царя Темир-Кутлуя, и похваляясь пошел на царство его, на орду. И сказал так: «Пойдем, пленим землю татарскую, побъем царя Темир-Кутлуя, посадим царя Тохтамыша, а он нас посадит на всей Русской земле». И так сказав, пошли воевать против татар. А в то время царь Темир-Кутлуй прибыл с многими полками, со всеми силами своими ордынскими, и встретились с Витовтом
68 в поле || на реке Ворскле; и произошел между ними бой великий
во вторник 12 августа. Долго бились они, едва не весь день, а по-

том помог бог татарам и побили они великого князя Витовта и все войско его, сам же великий князь убежал с небольшим отрядом. Царь же Темир-Кутлуй, побив князя Витовта, пришел к Киеву и взял с города окуп, три тысячи литовских рублей, а войска свои все распустил по Литовской земле [154], и воевали татары до самого Великого Луцка, и, сделав много зла, ушли в свою землю.

А вот имена убитых князей литовских: князь Андрей Кейстутьевич Полоцкий [155]; брат его князь Дмитрий Брянский; князь Иван Дмитриевич Скиндырь; князь Андрей Дмитриевич его пасынок; князь Иван Евлашкович; князь Иван Борисович Киевский; князь Глеб Святославич Смоленский; князь Глеб Кориатович; брат его князь Семен; князь Михаил Подберезский; брат его князь Дмитрий; князь Федор Патрикеевич Вольский; князь Ямонтович; князь Иван Юрьевич Бельский; пан Краковский из Польши, пан Спытко; тот там же убит.

В лето шесть тысяч девятьсот девятое князь Юрий Святосла- 1401
вич и князь Олег Рязанский пришли с войском к Смоленску.
А в то время [в Смоленске] был || мятеж и несогласие: некоторые 69
хотели Витовта, а другие — князя Юрия, отчича. Князь же Юрий связался со смольнянами, и они его приняли, и город ему отворыли. А князь Роман Брянский был здесь же, и Смоленск был заложен ему Витовтом, и они самого его убили, а княгиню и детей его отпустили, а наместников Витовта захватили, а бояр, которые не хотели отчича, князя Юрия, смольняне или брянцы всех изрубили. И князь великий Витовт, услышав о том, соединился с братом своим королем польским Ягайлом Владиславом, и в ту же осень со всеми войсками своими пришли к Смоленску, и князя Юрия Святославича и Олега Рязанского из Смоленска изгнали, и городом Смоленском и всей землей овладели, и, утвердив и укрепив всех людей в Смоленске, пошли обратно в Литву. И, возвращаясь обратно, приехали в Друцк и были там на обеде у князя Семена Дмитриевича Друцкого. А у короля Ягайла умерла уже третья жена, не дав потомства; и увидел он у князя Семена двух его красивых племянниц, старшую из них звали Василиса по прозванию Белуха, а другую — София. И просил Ягайло Витовта, говоря ему так: «Было у меня уже три жены, две польки, а третья немка, а потомства они не оставили. А теперь прошу тебя, высватай мне в жены у князя Семена младшую племянницу
Софию, || она из рода русского и может быть бог даст мне потом- 70

ство». И когда начал князь Витовт говорить о том князю Семену, князь Семен сказал так: «Государь, великий князь Витовт. Король Ягайло брат твой — коронованный и великий государь и не могло бы быть лучше моей племяннице, как за его милость выйти замуж, однако же не годится мне позорить старшую сестру ее, выдавать младшую раньше старшей, и поэтому пускай бы его милость взял старшую». И когда князь великий Витовт сообщил это королю Ягайло, тот сказал: «Сам знаю, что старшая красивее, но у нее усики, а это означает, что она девка крепкая, а я человек старый и не смею на нее покуситься». После этого князь великий Витовт, размыслив с князем Семеном, позвали к себе князя Ивана Владимировича Бельского, своего племянника, и посватали за него ту старшую сестру Василису Белуху, а Софию обручили с королем Ягайлом. А были те племянницы князя Семена дочери князя Андрея Ольгимонтовича Гольшанского. И затем король Ягайло прислал из Польши знаменитых панов, которые, забрав княжну Софию, отвезли к нему в Краков; он же устроил знаменитую свадьбу, взял ее в жены и короновал ее, и имел от нее двоих сыновей, Владислава, который позже был королем венгерским и
71 польским, и второго, || Казимира, который потом был королем польским и великим князем литовским.

1402 Лета шесть тысяч девятьсот десятого, седьмого июля, погибло солнце и скрыло свои лучи. Солнце ушло в третьем часу, когда поют обедню, и появились, как ночью, звезды и светили три часа. А после этого знамения с великим князем Витовтом произошло так. Великий князь находился в дружбе со своим зятем великим князем Василием Дмитриевичем Московским, и случилось так: московские люди пришли под Путивль и погромили на Тихой Сосне [156] Витовтовых севруков [157], взяли у них два бобра и три кади меда. И он посылал к великому князю московскому, чтобы тот приказал разыскать виновных и казнить их, а ущерб возместить севрукам. А великий князь московский на это не обратил внимания. И тогда великий князь Витовт, не желая терпеть этого, собрал свои войска и пошел против великого князя московского, мстя ему за свои обиды, и много пожег и повоевал и пополнил около рек Угры [158] и Оки.

И московский [князь], услышав о том, послал к тестю своему великому князю Витовту, говоря ему таким образом: «Господин великий князь Витовт. Ты мне как отец, и не гневись на меня,

я не виновен, что лихие люди без моего ведома сделали, и если
бы я тех лихих людей нашел, || которые твоим севрукам причи- 72
нили ущерб, и я бы их выдал тебе головой. А если не смогу найти, то велю тебе оплатить убытки, и ты из-за этого на меня не гневайся и земли моей не разоряй, и не порывай, твоя милость, со мной связей». И князь великий Витовт по его просьбе приехал к реке Угре, взяв с собой одного пана по имени Андрея. И князь великий московский, видя через реку тестя своего великого князя Витовта, взял с собой тоже одного боярина и вошли на конях в реку до середины Угры, и начал великого князя Витовта просить, чтобы он тоже въехал в реку и с ним бы повстречался. И князь великий Витовт въехал в реку с паном Андреем и поздоровался с великим князем московским, и они после длительного разговора между собой заключили мир и установили границу своих земель по реке Угре. И послал Витовт пана Андрея к своему войску сообщить, что уже с великим князем Василием Дмитриевичем Московским заключен мир. И здесь пан Андрей сказал великому князю Витовту: «Это не настоящий мир, потому что между государями и кровопролития не было». А князь великий Витовт сказал: «Милый брат, что произошло, того уже не вернуть, и я своего слова никоим образом отменить не хочу, пускай уже будет мир». И так, вследствие этого, пана того Андрея прозвали
Немиром, || и с того времени был назван его род панами Неми- 73
ровичами. А затем великий князь Витовт со своим зятем великим князем Василием Дмитриевичем Московским, заключив вечный мир и установив границу по реке Угре, разъехались со всеми своими людьми в разные стороны.

Затем великий князь Витовт отправил своих послов в Великий Новгород и Псков, чтобы там признали его своим государем и давали бы ему выход, говоря: «Вы даете выход зятю моему Василию Московскому, который является моим вассалом, а мне, прирожденному государю, давать не хотите». Но новгородцы и псковичи не обратили на тех послов внимания и выход давать не хотели. И князь великий Витовт собрался со всеми своими силами и пошел на землю Новгородскую и стал под городом Порховом[159], и стоял под Порховом шесть месяцев и, не добыв города, пошел по земле Новгородской и Псковской, казня, сжигая и пленя.

И на следующий год великий князь Витовт пошел под города псковские и взял города псковские — Велиж [160], Красный го-

род[161], и псковичи, не желая, чтобы он больше землю их разорял, прислали своих послов к великому князю Витовту с тем, чтобы он был у них государем, намереваясь быть у него в послушании ||
74 и выход ему давать каждый год, и наместника его принять к себе. И князь великий посадил наместником у них князя Юрия Пинского, по прозванию Нос, а сам со всеми силами пошел к Новгороду. И новгородцы, видя, что псковичи ему поддались и приняли его наместника и не желая больше переносить в своей земле разорения от великого князя Витовта, послали к нему своих послов, обещая служить ему и давать выход, и признать его государем, так же как и псковичи. И князь Витовт поставил у них наместником своего шурина князя Семена Гольшанского, по прозванию Лютый. И давали новгородцы выход великому князю Витовту каждый год по десять тысяч золотых и сорок гинштов [162], которых теперь называют фризами [163], и сорок шуб, и сорок сороков соболей, и сорок сороков рысей, и сорок сороков куниц, и сорок сороков лисиц, и сорок сороков горностаев, и сорок сороков белок. И давали по стольку в казну великого князя литовского Витовта новгородцы каждый год, а псковичи давали половину того, что давали новгородцы, как золотых и коней, так и мехов всего того половину, что давали новгородцы. И князь великий Витовт, расширив государство свое от моря до моря [164], жил много
75 го лет и был три || раза женат, первый раз на Анне, дочери князя Святослава Смоленского, второй раз на Марии, дочери князя Андрея Лукомского и Стародубского, а третий раз на Ульяне, дочери князя Ивана Ольгимонтовича Гольшанского, племяннице князя Семена Лютого и князя Андрея Вязанского, дочь этого князя Андрея, Софию, мать Владислава и Казимира, взял в жены король Ягайло.

1412 В лето от сотворения мира шесть тысяч девятьсот двадцать первое, а от рождества Христова тысяча четыреста двенадцатое [165] началась война короля польского Владислава Ягайлы и брата его великого князя литовского Витовта с прусскими немцами. И собрали обе стороны у себя много войска: король Ягайло со всеми силами королевства Польского, а князь великий Витовт со всеми силами литовскими и русскими и с многими татарами ордынскими, а прусский магистр также со своими силами и со всей Германской империей. И когда уже все войска с обеих сторон были готовы, тогда король Ягайло и великий князь Витовт дви-

нулись на битву и все шли плохими лесными дорогами и не могли найти ровного и широкого поля, где бы можно было остановиться и дать бой; и были большие и ровные поля только около немецкого города Дубровно. И немцы видели, что || поляки и литва не 76
могут нигде с таким большим войском выбрать места иначе как на том поле, и поэтому накопали там ям и прикрыли их землею, чтобы в них падали люди и кони. И вот король Ягайло и великий князь Витовт со своими войсками прошли через те леса и пришли на те Дубровенские поля. Тогда наивысшим гетманом в войске Ягайлы был пан Сокол Чех, а надворным гетманом [166] был пан Спыток Спыткович, а в войске Витовта наивысшим гетманом был князь Иван Жедивид, брат Ягайлы и Витовта, а надворным гетманом пан Ян Гаштольд. И начали вышеуказанные гетманы людей строить, а о тех ямах ничего не знали, что их немцы выкопали, и так, строя войска, наивысшие гетманы, князь Иван Жедивид и пан Сокол, в те ямы упали и поломали себе ноги, чем были очень оскорблены, от чего и умерли; и не только одним гетманам, но и еще многим людям от тех ям большой вред был. И видя то, король Ягайло и князь великий Витовт, что с гетманами их наивысшими беда приключилась, назначил король на их места двоих новых гетманов: пана Спытка и пана Яна Гаштольда, на место Сокола, а Витовт назначил Яна Гаштольда; и приказали войскам готовиться и ставить отряды к битве, а тех ям коварных беречься.
И затем те гетманы, приготовив войска, двинулись на || битву, 77
немцы так же видя то, начали с ними стычки. И началась битва сперва между немцами и литовским войском, и многое множество воинов с обеих сторон литовских и немецких пало. Затем князь Витовт видя, что из войска его очень многие погибли, а поляки им никакой помощи оказать не хотят, и тогда князь великий Витовт примчался к своему брату королю Ягайлу, а тот слушал мессу. И Витовт сказал так: «Ты мессу слушаешь, а князья и паны братья мои едва не все убитые лежат, и твои люди никакой помощи им оказать не хотят». А тот ему ответил: «Милый брат, ничего поделать не могу, потому что должен дослушать мессу». И приказал своему отряду коморному [167] двинуться на спасение, и тот отряд двинулся на помощь войску литовскому, и пошел к войскам литовским и немцев наголову разбили и самого магистра и всех его комтуров до смерти убили, и бесчисленное множество немцев взяли в плен и побили, а прочие польские войска им ни-

чем не помогали [168], только на это смотрели. А затем, всех их разгромив и забрав многие города и их земли, остальное сожгли, а людей забрали в плен. И так выжегши до конца и выпленив и сделав землю пустой, с великой честью и несказанной победой, заслужив на весь свет необыкновенную славу, поехали в свои земли. Половину немецких знамен и половину ободранных бород
78 магистра и всех комтуров его мертвых взяли || в Польшу, а половину в Литву, где те бороды и знамена их повесили в замке Краковском в костеле святого Станислава, а в Вильно также у святого Станислава.

И после того побоища зимой съехались Витовт с королем Ягайлом в городе Перемышле, еще будучи оба в добром здоровье, и начал король Ягайло говорить брату своему великому князю Витовту таким образом: «Милый брат, у меня было три жены, а теперь взял четвертую, русскую, но ни от одной не имею детей, а у тебя также детей нет. А поэтому договоримся между собой и присягнем, что если у меня будут дети, а у тебя не будет, то пусть мои дети после нашей смерти будут владеть Королевством польским и Великим княжеством, а если детей не будет у меня, а у тебя будут, то пускай твои дети будут владеть всем». И князь великий Витовт на это согласился, и паны польские и литовские принесли присягу, и король с Витовтом записали, что после их смерти, если бы король Ягайло не имел детей, а у Витовта они были бы, тогда поляки не должны избирать на престол польский никого иного, кроме как детей Витовта, которые владели бы Королевством польским и Великим княжеством Литовским. А если бы детей не было у Витовта, а у Ягайлы бы имелись, тогда Литва не должна избирать другого государя в Литовское княжество, кроме как сына короля. И паны польские и литовские слышали то и та-
79 ким же образом записали это || и принесли присягу своим государям, что после их смерти не изберут себе государем никого другого, а только одного из их детей, и больше никого, после чего разъехались.

На следующее лето жемайты избили немецких прусских наместников, не желая больше быть в подчинении у немцев. Немцы прусские и ливонские начали собирать против них в Паланге войска, намереваясь опять подчинить их себе, но жемайты, собравшись, поразили там же то немецкое войско с гор наголову камнями, и затем, разгромив с тех гор немецкое войско, послали

к Витовту с тем, что если бы он хотел владеть Жемайтией, то чтобы уже никому не отдавал их в залог, а правил бы сам и был бы их государем; и Витовт принял их к себе. А потом немцы прислали своих послов к великому князю Витовту, напоминая ему чтобы он отдал те триста золотых [169], за которые была отдана в залог Жемайтия. Великий князь Витовт ответил: «Жемайтию я вам заложил, но и по сей день не отнимаю ее обратно, смотрите себе и теперь на Жемайтию, а денег у меня нет, чтобы вам отдать». Но вскоре Витовт начал собирать деньги и, собрав полностью золотые, отослал их. И они, получив золотые, уже больше на Жемайтию не нападали, и оставили ее в покое, так как были разбиты и опустошены Ягайлом и Витовтом и жемайтами. И в том же году Витовт основал Жемайтское епископство, построил костел святого Петра в Медниках [170], которые жемайты сейчас называют
Ворнянами, и назначил каноников, || и наделил костел, и прика- 80
зал окрестить всю Жемайтию из веры языческой в веру христианскую, и окрестил всю землю Завилейскую, и создал много костелов, и поэтому Витовт назван вторым божиим апостолом, потому что он таких ожесточенных язычников тех земель превратил в христиан.

А затем великий князь Витовт пригласил короля Ягайла к себе на зиму для охоты на зубров в Белую Вежу [171], на потеху, и король Ягайло приехал к нему с королевой Софиею. И после охоты Витовт просил короля Ягайло, чтобы он поехал с ним в Вильно и чтобы он в Вильно провел всю зиму вместе с Витовтом, и они бы много веселились там в потешались.

И находясь в Вильно у Витовта, король Ягайло начал говорить брату своему великому князю Витовту: «Милый брат, женился я на молодой, а человек я уже в летах, и не знаю будут ли у меня дети, ты же сильнее меня и можешь от своей жены иметь детей, и поэтому я советую тебе обратиться к императору, чтобы ты мог стать королем, а я хочу помочь тебе у императора и у папы». А князь великий Витовт отвечал на это: «Как же я могу обратиться к императору, если ни я его не знаю, ни он меня, однако же хочу устроить большое торжество и хочу пригласить императора и прочих христианских государей к себе в Луцк». И королю Ягайлу это понравилось, и он советовал так и сделать, а затем
отпустил в Польшу короля Ягайло с великою честью, || дав ему 81
массу драгоценных подарков, а сам стал к тому готовиться, чтобы

принять у себя императора и тех государей христианских, угостить их.

И на следующую зиму разослал послов своих к христианскому императору, к королю датскому, к князьям поморским, к князьям силезским и немецким и к зятю своему великому князю московскому, и к великому князю тверскому и к великому князю рязанскому, и к царю перекопскому и к воеводе молдавскому и к прочим христианским государям, приглашая всех к себе. И Сигизмунд император христианский, который одновременно был королем венгерским и чешским, был у Витовта, и приехали Ягайло король польский брат Витовта, и король датский, и царь перекопский, и великий князь рязанский, и великий князь московский, зять Витовта, и великий князь тверской Борис Александрович, и магистр прусский и ливонский, и князь Одоевский, и Перемышльский, и Новосильские, и воевода молдавский, и послы великие от Иоанна Палеолога царя греческого, и князь мазовецкий и прочие князья и паны христианские и много разных гостей.

И когда те гости были у великого князя Витовта, князь великий Витовт всех их кормил, и выходило на них каждый день меда
82 сыченого семьсот бочек, кроме мускателя и || вин и мальвазии, и прочих различных напитков, а телок семьсот, баранов и вепров семьсот, зубров по шестьдесят, лосей по сто, кроме прочих различных зверей и иных мясных продуктов и домашних изделий. И держал тех гостей великий князь Витовт у себя семь недель. И император, видя, что князь Витовт оказывает им такой большой почет, и так хорошо угощает и большое его богатство, сам сказал Витовту: «Князь великий Витовт. Вижу по тебе, что ты князь богатый и великий, к тому же новый христианин, и надлежит тебе быть государем коронованным и между нами, королями христианскими, быть братом». И князь великий, услышав это от императора, и понял, что на то воля императора, и сразу же он вместе со своим братом королем Ягайлом просил императора, чтобы тот согласился дать ему корону, и чтобы послал к святому отцу папе, чтобы тот, освятив корону, дал ее великому князю Витовту. И император на то согласился, и в то же время отправили послов своих к папе, прося святого отца папу, чтобы он дал корону Витовту, согласно христианскому обычаю. И князь великий Витовт вместе с тем послом императора отправил своего посла в Рим к отцу папе со своим посольством пана Семена Едиголдовича и пана

Шедибора брата Кезгайла, а также с письмами христианских королей. ||

Затем император позвал к себе короля Ягайла и начал ему говорить: «Вижу сам, что живете вы с Витовтом в согласии, но паны литовские очень воинственны, и только бы они не подговорили своего государя великого князя Витовта начать против тебя войну и чтобы они не причинили тебе войной затруднений. А поэтому советую тебе, уговаривай великого князя Витовта, чтобы он своих панов литовских убедил объединиться с твоими панами польского королевства, и побратались бы они между собой и гербы бы взяли один у другого, и тем бы между собой дружбу и братство установили. И когда они таким образом побратаются между собой, тогда воевать против тебя и Польской земли уже будет невозможно». И Ягайло попросил императора, чтобы он то же самое сказал Витовту, и император, когда был у Витовта, сказал ему то же самое, а Витовт ему ответил: «Я этого не могу сделать без воли панов-рады своих». И просил императора, чтобы тот присутствовал, когда он будет те слова говорить своим панам, что государям христианским, его милости императору и брату моему королю Ягайлу видно то, что между государствами нашими должны быть мир, а между вами братство и дружба, и чтобы вы с польскими панами побратались и взяли бы у них гербы. || И император тоже начал говорить литовским панам, что паны польские не могли иначе установить мир между королевствами польским и чешским, и что между теми королевствами всегда шла война, а как паны польские с панами чешскими побратались и как только поляки взяли у панов чешских гербы, и когда гербы взяли и таким образом побратались, с того времени война между ними прекратилась и живут они между собой в мире.

83

84

Паны литовские сказали императору и князю великому Витовту таким образом: «Милостивый император и государь наш князь великий Витовт. Поляки не были шляхтой, но были люди простые, и они не имели своих гербов и получили их у чехов за великие дары. Чешские паны, получив такие большие дары от них, дали им свои гербы, признали их шляхтой и приняли их в свои гербы, но мы шляхта старинная, римская, и предки наши с теми гербами своими пришли в те государства, и здесь ими пользовались и поэтому мы и сейчас их имеем и пользуемся ими как своими и поэтому не нуждаемся в новых чужих гербах, но придер-

живаемся старых, которые нам оставили наши предки». И император сказал панам литовским: «Мы это и сами знаем, что вы старинная римская шляхта и гербы польские вам предлагаем не для того, чтобы вы стали шляхтой, так как вы шляхта более древняя,
85 чем польская, || но гербы у них берете для объединения и для братства между вами, потому что взяв гербы станете друг другу братьями и будете обязаны один другому благоприятствовать».

А затем уговорил Витовт своих панов, чтобы с поляками побратались и гербы у них взяли для того, чтобы враждебными отношениями не помешать получить ему корону, и сказал им так: «Вот, когда принесут корону, тогда вы можете отослать их грамоты обратно, и гербы их отбросить, а свои старые опять взять». И паны, слыша такие слова от своего государя, и желая, чтобы он получил корону, согласились на это. А затем князь великий Витовт императора и всех тех гостей, которые на том съезде были, одарил знаменитыми и многоценными дарами и отпустил. Между прочими дарами князь великий Витовт преподнес императору большой рог тура, того тура, которого князь великий Гедимин убил на горе в Вильно и которую сейчас называют Туровой горой. И после этого князь великий Витовт жил три года и пригласил к себе на охоту короля Ягайла. И когда Ягайло был у Витовта, Витовт разболелся и умер, от сотворения мира в шесть тысяч девятьсот первом году*, а от рождества Христова тысяча четы-
86 реста тридцатого года месяца августа 23 дня. || А пан Сенько с па-
1430 ном Шедибором, братом пана Кезгайла, ехали с короной из Рима от папы, а прожили в Риме три года, так как в то время в Италии шла война, и поэтому они опасались ехать с короной, и узнали о смерти великого князя Витовта во Львове. А поляки, не желая чтобы Литва была королевством, ту корону у них отняли, разрубили ее пополам и приложили половинки к короне краковского епископа, которая и сейчас находится в костеле святого Станислава при Краковском замке.

И король Ягайло брата своего князя великого Витовта жалел и плакал о нем, как брат о любимом брате. И похоронил его с большим плачем, и были там все слуги его и все епископы, и пели над ним положенные песни и положили его тело в замке в Вильно, в костеле святого Станислава в алтаре с левой стороны, около

* *Дата* от сотворения мира *в Хронике указана ошибочно. Должно быть* 6938.

ризничной двери. После смерти великого князя Витовта король Ягайло просил князей и панов литовских, чтобы они взяли себе брата родного, князя Свидригайла, и князья и паны литовские во время пребывания короля Ягайла посадили на великом княжении Литовском и Русском князя великого Свидригайла.

И правил великий князь Свидригайло во всех великих княжествах литовских два года, || а затем приехал к нему из Польши 87
в Великое княжество на охоту король Ягайло; и князь Свидригайло оказывал ему немалое время в городе Вильно великие почести. А потом пришел к королю Ягайлу в комнату, и начал ему говорить с гневом такие слова, потому что Ягайло еще не уехал, и был еще в Литве: «Милый брат, для чего ты держишь Подольскую землю, отчину той земли Литовской; верни ее мне, а если не хочешь вернуть ее мне, я тебя из Литвы не выпущу». После этого князь Свидригайло схватил короля Ягайло и посадил под стражу. И Ягайло начал ему говорить: «Милый брат, я Подольской земли у тебя не отнимаю, но есть племянница наша, владелица той Подольской земли, княгиня София Жедивидовна, жена князя Митка Зубревицкого, которая поручила ее в опеку мне, как своему дяде и защитнику, и хотя я ею [Подольскою землею] управляю, весь же доход получает она». И начал король Ягайло плача жаловаться князю Свидригайлу, и сказал ему: «Милый брат, ты мне младший брат, а я тебе как отец, а ты мне такой срам учинил. Как же ты посмел это сделать мне, своему старшему брату, как бы твоему отцу, как ты смел это сделать и бросился к моей бороде. Тебе не годится поступать так со мной, твоим старшим братом и к тому же божиим помазанником, христианским || государем, слав- 88
ным королем. А ты смел меня посадить в тюрьму, и я так считаю, что сделал ты это без согласования со своею радою, а сделал это по своему разумению». И начал говорить князьям и панам-раде литовским: «Князья и паны-рада Великого княжества, слуги верные брата моего. Помните, что когда жил брат мой великий князь Витовт, ваш государь, я заключил с ним договор в вашем присутствии с моим братом великим князем Витовтом на таких условиях: если бы у князя великого Витовта были сыновья, а я бы не имел, тогда дети великого князя Витовта должны были править после моей смерти Великим княжеством Литовским и королевством Польским, а если бы брат мой Витовт детей не имел, а имел бы я, тогда после нашей кончины мои дети должны были

править королевством Польским и Великим княжеством Литов-
ским. И вы все, рада великого княжества, и моя рада вся королев-
ства Польского были при заключении того договора и на все то
согласились, как моя рада, так и вы, рада моего брата, и на том
мне присягнули, а моя рада брату моему и вам. А вы об этом пом-
ните, потому что я вас от той присяги еще не освободил. И хотя
я имею двоих сыновей, и один из них может быть у вас государем,
согласно договора моего с моим братом и согласно вашей прися-
ге, однако, я на этом не настаиваю, потому что пока сын мой
очень молод, чтобы быть у вас государем. И я советую вам взять
89 себе государем брата моего старшего Сигизмунда, родного бра || та
великого князя Витовта». И паны слышали все это и очень скор-
бели об этом.

А затем князь Свидригайло понял, что сделал нехорошо и отпустил короля польского Ягайло с честью в Польшу. И вскоре приехал в Польшу и направил послов своих к папе, чтобы он снял с литовских панов присягу, и послы у папы были, а затем пришли с папским разрешением к королю и к панам литовским. И вскоре после прихода послов князья и паны литовские взяли себе с помощью короля Ягайла государем великого князя Сигизмунда, месяца сентября первого дня.

Князь великий Свидригайло умчался к Полоцку и к Смолен-
ску, и князья русские и бояре посадили князя Свидригайла на
великое княжение русское. В ту же осень собрал великий князь
Свидригайло сорок тысяч своих воинов и князь великий тверской
Борис Александрович дал ему брата своего князя Ярослава со
всею силою своею, в сорок тысяч и пошел к Литве со всеми теми
русскими силами. И, не дойдя за семь миль до Вильно, стал в
Ошмянах и там стоял неделю. И князь великий Сигизмунд при-
шел из Вильно с литовскою силою, в семь тысяч. И был у них бой
месяца декабря восьмого дня в понедельник, и помог бог великому
90 князю Сигизмунду, || и побежали князья и бояре великого князя
Свидригайла, а князей русских многих убили, а некоторых заб-
рали в плен: князя Юрия Лингвеньевича, князя Митка Зубревиц-
кого, князя Василия Красного, брата его Дедиголдовича пана
виленского, пана Юшка Гольцевича, пана Ивана Вяжевича. Тех
и множество иных живыми забрали, а других убили.

В ту же зиму на другой год князь великий Свидригайло собрал большую силу русскую, пошел на Литву и повоевал, и по-

жег, и попленил много земли Литовской. На следующий же год собрал большую силу русскую и [позвал] магистра ливонского со всею его силой, и князь великий тверской дал также ему свою силу, и пошли в литовскую землю и ночевали в Рудомино[172] за полторы мили от Вильно, и, не доходя Трок, повернули на Старые Троки, и, простояв под Троками четыре дня, отошли от Трок искать великого князя Сигизмунда и литовское войско. И, простояв в Ойшишках[173] четыре дня, пошли на Русь в свою землю. И, придя к Крево, стояли два дня, и, взяв каменный замок Крево, сожгли его, а людей многих убили и увели в плен, а оттуда пошли к Молодечно[174]. И пришла великому князю Свидригайлу весть, что литва идет за ним погоней, и князь великий Свидригайло послал на них князя Михаила воеводу киевского, а с ним послал прочих князей русских, и они, пойдя, побили || пана Петра Мон- 91
гирдовича, и литву, и прочих побили, а иных захватили на Копачах[175], а, идя оттуда, забрал Заславль и людей многих [Свидригайло] сжег и забрал в плен, и пришел к Минску[176], и город Минск сжег, и много волостей и сел попленил, и зла немало сотворили в Литовской земле. И пришли к Борисову, и там забрали князя Михаила Ивановича Гольшанского на реке на Березине, и послали его в Витебск, и там приказал утопить его в реке Двине под Витебском. А взяли его безвинно, не доходя за милю до Лукомля[177], в Озерах. Магистр же ливонский пошел в свою землю, а князь великий Свидригайло к Лукомлю, и там распустил свое войско, князей и бояр, а сам пошел к Киеву. И в ту же осень князь великий Сигизмунд, собрав большую силу литовскую и польскую, пошел на Русскую землю[178] и стал под Мстиславлем; простояв там три недели и не взяв замка, пошел в свою землю.

На следующий год князь великий Свидригайло, собравшись с русскими князьями и боярами и со всею силой русской, пошел к Литве. На помощь к нему пришел магистр ливонский, и сошлись они со Свидригайлом в Браславе. И божиею волею пал на землю большой дождь, из-за чего они не смогли пойти в землю Литовскую; князь Свидригайло возвратился в свою землю, а магистр в свою, и отпустил силу свою, князей и бояр, к Полоцку, а сам пошел к Киеву. А на третий год сжег князь Свидригайло митрополита Герасима в Витебске[179]. И собрался князь великий Свидригайло в Витебске с русскими князьями || и со всеми силами 92
русскими, и пошел к Браславу, и в Браславе пришел к нему на по-

мощь ливонский магистр со всею своею силою, и пошли по Завилейской стороне к Вилькомиру. А князь великий сам не пошел против Свидригайлы, и, собрав всю свою силу литовскую, послал с войском своего сына князя Михаила против Свидригайла; и князь Михаил пришел с литвою и поляками. И был им бой в первый день сентября на святого Семена. Бились за Вилькомиром на реке Святой, и помог бог великому князю Сигизмунду и его сыну князю Михаилу, и побили князя Свидригайла и всю силу его, и многих князей [они] захватили в плен и убили. Прежде всего убили ливонского магистра и маршала, и многих его комтуров, и племянника Свидригайлы Сигизмунда Корибутовича, и князя Ярослава Лингвеньевича, и князя Михаила Балабана, и князя Даниила Семеновича Гольшанского, и князя Михаила Львовича Вяземского, и прочих князей и бояр, и немцев бесчисленное множество побили, и к тому гостей, австрийцев, силезцев, чехов, а руками взяли сорок князей и киевского митрополита да двоих из главных взяли: князя Ивана Владимировича Киевского и брата его Федора Корибутовича, а прочих всех имена не записаны. И через три недели после того побоища князь великий Сигизмунд, собрав всю свою силу литовскую, послал сына своего
93 князя Михаила на Русь. И || князь Михаил, придя, стал в Орше, и смольняне встретили князя Михаила в Орше, и сдались великому князю Сигизмунду и сыну его князю Михаилу.

И князь Михаил не пошел к Смоленску, а пошел от Орши к Витебску, стоял [там] шесть недель и, не взяв замка, пошел прочь, и после того, в ту же зиму, князь великий Сигизмунд собрал опять свою силу литовскую и послал к городу Полоцку. И, придя, паны стояли под Полоцком неделю и, не взяв города, пошли прочь. А на следующий год полочане и витебляне, не видя себе ни от кого помощи, подчинились великому [князю] Сигизмунду Кейстутовичу, и начал великий князь Сигизмунд княжить в Великом княжестве Литовском и в Русском.

В лето шесть тысяч девятьсот сорок восьмое правил великий князь Сигизмунд в Вильно и в Троках, и во всех землях русских и литовских, и жемайтских, и совершал большие жестокости в отношении своих подданных, особенно над шляхетским сословием, хватал их и совершал над ними страшные жестокости, карал их невинно, убивал и мучил их так, как только мог придумать, и поступал так со всеми князьями и панятами и со всем шляхетским

сословием всех земель литовских, русских и жемайтских. И был в отношении того шляхетского сословия очень жесток, и всеми этими своими злыми поступками он равнялся Антиоху Сирийскому и Ироду Иерусалимскому и предку своему великому князю ||
литовскому Тройдену, который совершал различные страшные 94
жестокости в отношении земель польских и русских. И те подданные его, вся шляхта, терпели это как от своего господина верные рабы, и ничего злого против него не предпринимали и не замышляли. И он окаянный князь великий Сигизмунд не насытил злобы своей и мыслил в сердце своем по дьявольскому наущению, как бы погубить все шляхетское сословие и пролить его кровь и поднять мужичье сословие, собачью кровь. Прежде всего он захватил двоих князей, своих близких родственников, намереваясь их казнить: князя Юрия Лингвеньевича и князя Олелька Владимировича, и посадил князя Юрия Лингвеньевича в меньшем замке Трокском, а князя Олелька в Кернове, а княгиню его с двумя сыновьями, с Семеном и с Михаилом, в Утянах, и еще, считая, что этого недостаточно, в заключение своего злого умысла решил созвать великий сейм [180] и на том сейме уничтожить и искоренить всю шляхту и вознести мужичье сословие. И написал окаянный грамоты своим властям по всем своим землям Великого княжества, княжатам и панятам и всей шляхте, приказывая, чтобы все ехали на сейм, для решения земских дел; а злобу свою утаил, что против них замыслил. А в то время воеводой виленским был Довгирд, а воеводой трокским Лелюша. И те два пана, узнав достоверно, что тот сейм будет созван для гибели всего шляхетского
сословия и их самих, и позвали к себе || на совет князя Чарторый- 95
ского; и те три пана, посовещавшись, замыслили убить князя Сигизмунда; а прочих князей и панов в то время при Сигизмунде никого не было. И на том совещании решили, чтобы самим им занять города Вильно и Троки и держать их на князя Свидригайла, который после поражения, понесенного от Михаила Сигизмундовича у Побоиска, бежал в Молдавию. И решив так, направили дворянина родом из Киева по имени Скобейко и дали ему триста возов сена и на каждый воз под сено положили по пяти вооруженных человек, а один человек возом правил, и отправили того Скобейко в Троки, будто бы с дякольным сеном [181]. И отправив Скобейко, послали в Молдавию к князю Свидригайлу, искать его, а князь Александр Чарторыйский и Скобейко въехали в Трокский

замок в вербное воскресенье. В тот же момент сын князя Сигизмунда вышел из замка в костел, а сам князь Сигизмунд слушая мессу в замке в спальне. И князь Чарторыйский, въехав со Скобейко и со всеми теми возами в замок, замок затворили, и все те люди вышли из возов и пошли прямо к спальне князя Сигизмунда, где он слушал мессу. И был у князя Сигизмунда медведь, которого он очень любил, и когда он, приходя к спальне, дергал ла-
96 ной, то его всегда впускали. И так князь Чарторыйский, || прийдя со Скобейко и со всеми теми людьми, дернул рукою за дверь, и князь Сигизмунд подумал, что это медведь, и приказал открыть дверь. И в тот же момент бросились в спальню, и начал князь Чарторыйский говорить ему о всех его злых проступках, которые он совершал над всей шляхтой Великого княжества и о том, что еще замыслил, наконец, на том сейме всех князей и панов и все шляхетское сословие искоренить и кровь их пролить, а собачью кровь мужичью вознести, и сказав те слова, наконец произнес: «Что ты приготовил князьям, панам и всем нам испить, то ты теперь испей один». И бросился к нему, намереваясь его убить, но у него не было ничего, и поэтому Скобейко схватил вилы, которыми поправляли в камине дрова и теми вилами ударил его в тот момент, когда ксендз подносил облатку [причастие], и кровь брызнула с головы на стену, которая и до сего времени видна на стене в спальне его, в башне, в Большом замке Трокском. И в тот момент, не желая видеть смерть своего господина, упал на него его любимец по имени Славко, так как его очень любил великий князь Сигизмунд. А они того Славку взяли и выбросили из окна башни, и он там сломал шею; а князь Сигизмунд в то время закончил жизнь повелением воеводы виленского Довгирда, воеводы
97 трокского Лелюши и князя Чарто||рыйского, от руки киевлянина Скобейко был убит в вербное воскресенье месяца*...

А сын его Михайлушко, услышав об этом, заперся в Малом замке Трокском, а Лелюша в Большом замке Трокском, согласно уговору, как об этом с Довгирдом условились, когда сговаривались занять на князя Свидригайла. А Довгирд занял Высокий и Низкий замки Виленские также на Свидригайлу. Нарбут, приехав по живому мосту, занял Высокий замок Виленский на Михайлушку [182]. А паны-рада Великого княжества обо всем этом

* *В издании Нарбута далее многоточие.*

ничего не знали, ни о замысле князя Сигизмунда, ни [о намерениях] воевод виленского и трокского, потому что князь Сигизмунд писал грамоты по всем землям и украинным городам и ко всем панам, ничего не сообщая о своей злобе. И они еще не съехались, потому что многие были в дальних городах Великого княжества: Кезгайло староста жемайтский в Жемайтии, Ян Гаштольд в Смоленске, так как он в то время был наместником Смоленским. Князь великий Сигизмунд писал и к нему, чтобы он приехал на время к великому князю Сигизмунду, а на его место послал в Смоленск Андрея Саковича. И Ян Гаштольд, направляясь к князю Сигизмунду, заехал на пир к князьям Воложинским и, князья Воложинские устроили ему большой пир. || И когда он нахо- 98
дился в Воложине [183], пришла весть о смерти великого князя Сигизмунда, и Гаштольд поспешил в Гольшаны к князю Юрию Семеновичу Гольшанскому. И съехавшись там, послали спешно к пану виленскому старосте жемайтскому Кезгайле и к Николаю Немировичу и к земскому маршалу Радзивиллу. И те все паны съехались в Гольшаны к князю Юрию и размыслили и приняли единогласно решение взять себе государем в Великое княжество королевича Казимира, сына Ягайлы, отчича Литовской земли. И направили послов в Польшу к королевичу в Судомир, и отправили к нему посольство из панов Кезгайлов, Михаила и Яна.

И были схвачены Сигизмундом русские князья, князь Олелько посажен был в Кернове, а княгиня его с двумя сыновьями, с князем Семеном и Михаилом в Утянах, а князь Юрий Лингвеньевич в Троках. И паны вскоре после смерти Сигизмунда освободили их, и князь Лингвеньевич уехал в Мстиславль, а князь Олелько с княгиней и с сыновьями в Копыль, а все паны литовские и князь Юрий Гольшанский в Брест, вслед за своими послами.

И послы, приехав к королевичу в Судомир, начали просить его, чтобы он был у них государем, а паны польские не хотели его отпустить из своей земли, потому что король || их Владислав, 99
сын Ягайлы, который был государем земель Венгерской и Польской, погиб неизвестно где в то же лето [184], в поле, в битве с турками, и о нем еще не узнали точно, живой он или нет, и поэтому и не хотели отпустить королевича. И послы литовские начали рассказывать о Литовской земле, о роскошной охоте в Литве, об охоте на туров и зубров и на прочих различных зверей, и королевич Казимир очень полюбил охоту, так как очень любил охоту

и решил ехать с ними и без согласия польских панов. Он спустился к литовским панам из замка Судомира и те два пана быстро взяли его и с большим почетом доставили к панам в Брест, и там паны-рада, князь Юрий Гольшанский и пан виленский староста жемайтский Кезгайло и Иван Гаштольд и Николай Немирович и маршал земский Остик возвели королевича Казимира на великое княжение литовское. В то время было ему не больше тринадцати лет. И через короткое время приехали князья Сангушки с Волыни и все прочие князья и бояре волынские приехали и ударили челом великому князю Казимиру, что будут служить ему и присягу в том свою дали, верно служить ему и Великому княжеству
100 Литовскому. || И князь великий Казимир, приняв волынцев, и со всеми теми князьями и панами-радой литовскими поехал в Вильно на престол отца своего и дяди своего князя Витовта. А сын Сигизмунда Михайлушко, узнав о том достоверно, что уже князья и паны-рада литовские взяли государем себе королевича Казимира из Польши и возвели его на княжение Литовское в Бресте, и он из замка Трокского выехал и устремился в Мазовию к своей тетке княгине мазовецкой, жене Януша, потому что она была родная сестра его отца, мачеха княгини Болковой. И когда он проезжал через Рудницкий бор, встретился в том бору с великим князем Казимиром, и ударил челом великому князю Казимиру, и начал просить о милости, и князь Казимир обещал ему оказать свою милость, оставить его при его отчине. А затем великий князь Казимир приехал в Вильно и сел на престоле дяди и отца своего великого князя Витовта в Вильно и во всем Великом княжестве Литовском и Русском и Волынском. И когда он был в Вильно, старостою дорогицким и мельникским был поставленный еще Сигизмундом Юрий Носута. Тот же услышав, что королевича Казимира возвели на великое княжение, а Михайлушко Сигизмундович бежал в Мазовию, решил с теми городами служить Михай-
101 лушке Сигизмундовичу || и подговорил еще многие города княжеские и польские откупиться от Великого княжества Литовского и со всеми теми городами присоединился к Мазовии и начал служить Михайлушке. И, услышав о том достоверно, великий князь Казимир и паны-рада Великого княжества и спешно послали с войском Яна Гаштольда, которого при возведении на престол сделали дядькой великого князя Казимира, потому что князь Казимир был еще мал. И тот Гаштольд по приказанию великого

князя поехал к тем городам и взял их силой меча и все в целости подчинил Великому княжеству, а Юрий Носута бежал в Мазовию, так как был родом мазур. И, подчинив все эти города, приехал в Вильно к великому князю. И когда великий князь Казимир был в Вильно, начал говорить князю Казимиру виленский воевода Довгирд, снимая с себя то, что он якобы не был в соглашении с Лелюшей воеводою трокским, который зарезал великого князя Сигизмунда, и сказал великому князю Казимиру: «Лелюша не достоин заседать с нами в думе, потому что в его воеводстве в Трокском замке зарезали князя Сигизмунда, видимо, по его указанию». И был Довгирд силен среди шляхты и князь великий из-за наговора Довгирда отнял у Лелюши город || и дал своему 102
дядьке Ивану Гаштольду. А затем пришли вести из Жемайтии, что там не хотят подчиняться великому князю Казимиру, потому что служили они Михайлушке Сигизмундовичу, и наместников старосты Кезгайла выгнали, и избрали себе старостой Довмонта племянника Контовта... потому что Контовт был родом жемайт. И князь великий Казимир был очень опечален тем, что Жемайтия отступилась от Великого княжества Литовского, и в тот же час написал грамоты по всем владениям своим, всем властям Великого княжества, чтобы спешно приготовились к войне, намереваясь сделать их своей отчиной силой, как было ранее. И собрал силу немалую литовскую и пошел на Жемайтию и стал в Ковно, а Жемайтия собралась и стала на Невяже[185], намереваясь вступить в бой с великим князем Казимиром. И тогда начал говорить великому князю Казимиру дядька его Ян Гаштольд: «Государь, князь Казимир. Не годится тебе биться со своими подданными, потому что если они тебя побьют, то тебе государю нашему милостивому будет стыдно, а если ты их побьешь, то тебе не будет славы, так как ты побьешь войском своих подданных, но сделай так: дай, ваша милость, им старосту по их желанию Контовта, потому что теперь в Жемайтии вершит племянник || Контовта. А тот и их 103
самих и того племянника своего уговорит, чтобы они земли своей не дали разорять и чтобы против тебя, своего государя, не стояли, потому что если ты, государь наш, пойдешь на них со своим войском, то всю землю их разоришь и их самих заберешь в плен, а затем тебе, государю нашему, от них никакой пользы не будет». И князь великий Казимир, выслушав те слова, послал в Жемайтию пана Контовта, и Контовт, приехав к жемайтскому войску,

прежде всего сообщил им, что Михайлушко бежал, а князь великий Казимир сел в Вильно и в Троках и во всех княжествах литовских и русских. А затем уговорил племянника своего, которого жемайты избрали своим старостой, чтобы он не стоял за войну против такого великого государя и главное прирожденного отчича литовского. И тот племянник Контовта понял, что нельзя стоять против такого великого государя, и жемайты решили служить великому князю Казимиру, и все они приехали в Ковно к великому князю Казимиру, и все как один ударили челом служить ему верно, и присягнули ему на том. И князь великий Казимир их принял и им присягнул, что будет относиться к ним мило-
104 стиво и сохранит их имущество; || и так, утвердив их присягами и подчинив себе, приказал старосте жемайтскому Кезгайле, чтобы старостой в Жемайтии три года был Контовт, для того чтобы он убедил их верно служить великому князю Казимиру. И Кезгайло на то согласился, и как три года прошло, и Кезгайло по прежнему стал жемайтским старостою, а у Ковтовта отняли. Мы же на предыдущее возвратимся.

И когда Андрей Сакович был в Смоленске, посланный туда еще Сигизмундом вместо Яна Гаштольда, и, услышав о смерти Сигизмунда, начал приводить смольнян к присяге тому князю, которого князья и паны литовские изберут им государем, и от того не отступать, и иного государя кроме того им не искать, а меня держать вам у себя воеводою, пока великий князь не сядет в Вильно. И владыка смоленский Семион, и князья, и бояре, и мещане, и черные * люди присягали Андрею, держать его честно у себя воеводой в Смоленске. И после пасхи на святой неделе в среду вздумали смольняне, черные ** люди, кузнецы, кожемяки, сапожники, мясники, котельники Андрея силой выгнать из города и нарушить присягу; и вооружились они сулицами и стрелами, и косами, и топорами, и зазвонили в колокол. Андрей ||
105 начал советоваться со смоленскими боярами, и бояре ему сказали: «Прикажи своим дворянам вооружаться, а мы с тобой; разве лучше даться им в руки?». И пошли на конях с копьями против них, и сошлись они в городе у святого Бориса и Глеба и побили копьями много черных людей насмерть, а иные раненые остались живы,

* *В тексте* горные.

** *В тексте* горные.

и разбежались черные люди от Андрея; и в ту же ночь выехал Андрей из города с женой, и бояре смоленские с ним. И после того был большой мятеж в Смоленске, схватили смольняне Петрика, смоленского маршала, и утопили в Днепре, а воеводой у себя в Смоленске посадили князя Андрея Дмитриевича Дорогобужского. А бояре смоленские не хотели того князя Дорогобужского у себя иметь воеводой, потому что не они избрали его, но простые люди, и поехали они бить челом великому князю Казимиру, [жалуясь] что простые люди избрали себе в Смоленске воеводой без их воли того князя Андрея Дорогобужского. И простые люди, услышав то, что бояре смоленские поехали к великому князю Казимиру, испугались и очень того устрашились и [начали] искать себе большой помощи, и замыслили единогласно на совете взять себе государем князя Юрия Лингвеньевича, и когда тот князь Юрий Лингвеньевич к ним приехал, он стал у них государем. || И когда приехали от князя Казимира бояре, он их казнил, 106
а некоторых, схватив, сковал, отобрал у них все имущество и раздал своим боярам, и замыслил не подчиняться великому князю Казимиру. И князь Казимир об этом очень сожалел и послал панов-раду своих с войском к Смоленску. И паны-рада стояли с войском под Смоленском три недели, но городу ничего не сделали, а посады и монастыри пожгли, и людей множество увели в плен, и кровопролитие христианам учинили немалое, и отошли назад к великому князю Казимиру. И великий князь Казимир, собрав все свои силы литовские, в ту же осень пришел сам лично к Смоленску и взял Смоленск, а князь Юрий Лингвеньевич, боясь гнева Казимира, убежал с княгиней в Великий Новгород.

И князь великий Казимир дал от себя держать Смоленск опять Андрею Саковичу и пошел обратно в свою столицу в Вильно. А князь Юрий Лингвеньевич, находясь в Великом Новгороде, размышлял, что, выступив против великого князя Казимира за такие милости его, которые от него получил, поступил неразумно и что ту отчину его, которую у него великий князь Сигизмунд отнял, князь великий Казимир отчину ему возвратил. || И он, вспо- 107
миная милости великого князя Казимира и горько оплакивая это, замыслил по божиему вразумлению после праздника направить своих послов своему князю, к дядьке великого князя Казимира к Яну Гаштольду, потому что князь Юрий крестил детей у Яна Гаштольда, и поэтому они жили между собой в добром согла-

сии. И послал к нему, прося умильно, чтобы он доложил о нем великому князю и чтобы всех панов-раду уговорил ходатайствовать за него перед великим князем, чтобы тот гнев сменил и чтобы принял его по-прежнему милостиво. И Иван Гаштольд все это быстро сделал и панов уговорил, так что князь Казимир, слушая внушения дядьки своего Ивана Гаштольда и просьбу панов-рады своих, перестал гневаться на князя Юрия Лингвеньевича и велел к себе приехать. И когда князь Юрий приехал, князь великий Казимир возвратил ему отчину его Мстиславль.

1445 В лето шесть тысяч девятьсот пятьдесят третьего года князь великий Казимир был во враждебных отношениях с великим князем Московским. И пришли москвичи с татарами и повоевали землю Вяземскую. И князь великий Казимир в ту же зиму послал своих воевод, князей и панов с войском против них, воевать московские земли. И разорили Козельск[186], Верею[187], Калугу, Можайск и много зла сделали москвичам. И собралось пятьсот
108 москвичей и пошли в погоню || за литвой и помог бог литве, побили много москвичей, а иных руками взяли и привели их к Смоленску к великому князю Казимиру, и была поэтому честь и слава большая ему и всей земле.

И потом, [когда] князь великий Казимир свои государства успокоил, он вызвал к себе из Мазовии Михайлушку Сигизмундовича, жалуя его как своего двоюродного брата. И дал ему отчину его, удел отца [его] Сигизмунда, что отец его имел отдельно от братии своей, прежде всего Бельск[188], Бранск[189], Сураж[190], Клецк[191], Койданово, Брянск, Стародуб, и после чествования отпустил его в те города. И, находясь в Клецке, разжалобился [Михайлушко] и начал плакать, нарекать и жаловаться, что брат его младший королевич Казимир взят государем и что он владеет и правит государством. И замыслил он про себя злую думу относительно великого князя Казимира, чтобы умертвить его; и открыл свой замысел князьям Воложинским, по имени Сухты, и предложил убить князя Казимира на охоте, потому что князь Казимир очень любил охоту. И отправил князь Михайлушко князей Воложинских на великого князя Казимира в Мречь[192] с пятьюстами конных вооруженных людей, с намерением убить великого князя Казимира и затем сесть на престол самому. И приказал он князьям Воложинским, чтобы втайне поехали к нему и умертвили [его]. И когда они приехали на место охоты, лесники,

окружившие место охоты || увидели вооруженных людей, и сообщили о том дворному маршалу великого князя Казимира Андрюшке Гаштольдовичу и тот спешно забрал великого князя Казимира, потому что тот был еще молод, и умчался с ним в Троки. И о том сообщил отцу своему Яну Гаштольду, и Ян Гаштольд со множеством народа встретил великого князя Казимира за Старыми Троками, и очень сожалел о том, и быстро отправил за ними погоню, и нагнали их между Кревом и Ошмянами. И там же всех тех пять братьев князей Воложинских поймали, а людей посланных от Михайлушки побили, а иных живыми захватили, и привели к великому князю Казимиру в Троки, и там их казнили. 109

В то же время умер Довгирд виленский воевода, и дал Казимир Вильно Ивану Гаштольду, а Троки Ивану Монвиду. А Михайлушко Сигизмундович, услышав, что князей Воложинских, посланных от него на погибель великого князя Казимира, поймали и казнили, был очень опечален, что замысел его обратился ни во что и что пошел на пользу великому князю Казимиру и что он замыслил против Казимира, все обратилось против него самого; и он очень устрашился и помчался в свой дальний город в Брянск. И находясь в Брянске, собрал там немалое войско и с помощью Москвы пошел и захватил город Киев. И князь великий Казимир, собрав силы свои литовские, спешно послал своего дядьку Ивана Гаштольда. Он же прибыл туда || и города Киев и Брянск 110
возвратил Великому княжеству. А Михайлушко услышав, что идет войско литовское, испугался, и побежал из тех городов в Москву. И когда был он в одном монастыре и слушал обедню, игумен, который не любил его, дал ему в причастии лютую отраву ядовитую. Он это причастие быстро принял и проглотил, и здесь же пал и подох. А игумен, опасаясь, что тот так быстро умер, сам принял причастие и здесь же умер. Такой был конец Михайлушки Сигизмундовича. И когда князь великий Казимир находился в том году в Вильно, приехал к нему из Копыля князь Олелько с двумя сыновьями, с князем Семеном и князем Михаилом. И били [они] челом великому князю Казимиру через всех панов-раду о своей отчине, о Киеве, и князь великий Казимир по просьбе панов-рады возвратил ему Киев отчину его со всеми киевскими пригородками.

А на другой год приехал из Молдавии князь Свидригайло, дядя великого князя Казимира, который был в Молдавии семь лет

и пас там овец, убежав от князя Сигизмунда. И князь Казимир
принял его ласково и с великой честью, и дал ему до смерти
Луцк со всей землей Волынской. И в том же году приехали к ве-
ликому князю Казимиру князья и уланы и все мурзы Ширинов-
111 ские и Баграновские и от всей орды Перекопской, || прося и бия
челом, чтобы дал им на царство царя Ач-Гирея, который приехал
из Орды в Литву еще при великом князе Сигизмунде, и князь ве-
ликий Сигизмунд дал ему Лиду. И князь великий Казимир того
царя Ач-Гирея послал из Лиды в орду Перекопскую на царство,
одарив, с честью и с большим почетом, а с ним послал посадить
его на царство земского маршала Радзивилла. И Радзивилл про-
водил его с почетом до самой столицы его, до Перекопа, и там
именем великого князя Казимира посадил его Радзивилл на Пе-
рекопском царстве. И все те годы, пока правил Казимир и пока
жил тот царь Ач-Гирей, был мир между княжеством Литовским
и Перекопскою ордою, потому что тот царь Ач-Гирей, помня ми-
лость великого князя Казимира, который его посадил на царст-
во, был большим другом княжества Литовского и благоприят-
ствовал Литовскому государству, потому что в Литве хлеб и соль
едал. И при его царствовании ни одна нога поганая татарская без-
божных измаильтян в Литве и в Польше не ступала, и в те вре-
мена сироты и вдовы и все христианство веселились и бога хва-
лили, что был такой длительный мир с погаными. И был великий
князь Казимир князем литовским семь лет и все государства,
которые были в зависимости от великого княжества, держал в це-
лости и в покое, а те земли, которые не хотели ему подчиниться
112 и находиться в великом княжестве,— всех тех || он покорил и все
государства замирил. А затем [когда] брата его короля польского
и венгерского паны польские не нашли за те семь лет, после того
как он погиб в битве с турками, и Королевство вдовело, они за-
мыслили по единогласному решению взять в Польшу великого
князя Казимира. И прислали послов своих великих к великому
князю Казимиру и к панам литовским, прежде всего архиеписко-
па гнезненского, епископа краковского, пана краковского
и иных многих панов радных польских, просить князя в Польшу.
И паны литовские, знать Великого княжества, желая своему го-
сударю много государств, приняли польских панов с благодар-
ностью и чествовали их, и государя своего великого князя Кази-
мира с великой честью и веселием проводили в Польшу в Краков

и там же его короновали. И стал Казимир королем польским и великим князем литовским [193].

И будучи королем польским и великим князем литовским, созвал он через год после коронации в Польше вальный сейм польский в Петркове для решения земских дел. И на том сейме все паны польские замыслили втайне от короля собрать другой сейм в Парчове, и [хотели] чтобы там были также все паны литовские, знать Великого княжества. И замыслили перерезать на том парчовском сейме панов литовских, а Литовское княжество присоединить к Польше, то есть сделать || так, как сделали [ранее] 113
с панами русскими, перемышльскими: позвав их на совет, перерезали, а Перемышль захватили [194].

И король по их совету назначил польским и литовским панам сейм в Парчове, о том же, что должно было произойти на сейме с панами литовскими, ему было неизвестно. И паны польские и литовские съехались в Парчов по воле своего государя великого короля Казимира.

И паны литовские о том ничего не знали, и они в первый и во второй день ездили на совещания к панам польским, а на третий день, наконец, решили польские паны всех панов литовских перерезать. И был один поляк благородного происхождения Андрей Рогатинский, и узнал он достоверно о предстоящей гибели литовских панов, и втайне сообщил о том панам литовским, Ивану Гаштольду и старосте жемайтскому Кезгайле. И те паны, не сообщив своим слугам, замыслили так: попросили польских панов к себе назавтра на обед, и попросив на обед, сами ночью спешно уехали в Брест, а слуг и обозы оставили для наблюдения на месте в Парчове. И паны польские не зная о том и, согласно своему замыслу намереваясь их перерезать, собрав своих людей в немалом количестве, послали их в обоз перебить литовских панов. И те люди приехали и стремительно налетели || на обозы, 114
но панов литовских не нашли, только обоз да слуги. И затем паны польские раздумали, что нехорошо поступили, и поэтому решили ни обозу, ни слугам ничего не делать и отпустили их вскоре в Литву. И с того времени возникла большая неприязнь и вражда между панами литовскими и польскими. И в то же время паны литовские рассердились, Иван Гаштольд воевода виленский, Ивашко Монвид воевода трокский, Кезгайло староста жемайтский, Петраш Монгирдович маршал земский, наместник но-

вогрудский, и, рассердясь, гербы их отослали им и начали ставить свои прежние печати и мыслили между собой много злого сделать. И король Казимир за всем этим внимательно следил, и много сам государь о том мыслил, пока наконец не помирил их. И Казимир, будучи королем польским и великим князем литовским, замыслил совместно с панами-радой польскими закончить ту борьбу, которую начал было его отец король Ягайло с пруссаками. И король Казимир не желал отказаться от заветов своего отца, но он решил замыслы эти расширить.

И собрав войско польское и литовское, пошел в Пруссию и прежде всего осадил столичный прусский город Мальборк, кото-
115 рый был чрезвычайно сильно вооружен || и укреплен всяческим снаряжением. И король добывал его немалое время, и не мог ему ничего сделать, потому что в этом замке было очень много солдат, но этим солдатам прусский магистр, в нарушение договора, уже год не платил жалованье. И в том замке, среди тех прусских солдат была часть солдат поляков, которые служили за прусские деньги. И все они ждали платы от пруссаков и не могли дождаться, а поэтому, сговорившись все единогласно, а всего больше те, которые были поляки и которые уговорили и тех солдат пруссаков, решили тот замок передать королю польскому, а плату свою получить у короля, потому что те польские солдаты желали успеха своему прирожденному государю, королю польскому. Итак, все единогласно учинили с королем договор, что замок передадут королю, а плату свою получат у короля. А король в то время не имел такой большой суммы, чтобы им заплатить, и поэтому заложил жителям Гданска морскую таможню в Гданске и мельницу гданскую за триста тысяч золотых, и с теми солдатами расплатился, а замок Мальборк взял, и все прочие города прусские вблизи Мальборка забрал, которые еще отец его не занял, а потом заключил с Пруссией мир.

А затем, когда король Казимир был в Кракове, прислали к нему [послов] жители Вроцлава и силезцы, прося, чтобы стал у них государем и чтобы защитил их от короля чешского Иржи.
116 И король Казимир обещал стать у них || государем, и решение об этом вынес с панами польского королевства, намереваясь их тем заинтересовать, и разослал весть по всем замкам польским, чтобы в скором времени были готовы к войне и чтобы собирались в войско, в положенное для них место. И тогда же польские паны

послали к своей братии панам литовским, прося о помощи, и паны-рада Великого княжества Литовского для нужд братии своей панов польских вскоре отправили на помощь им пять тысяч человек конницы, княжат и панят, и дворян литовских, и гетманом над ними назначили пана Олехна Судимонтовича наместника Полоцкого, который был у короля Казимира подчашим.[194a] И когда те люди литовские пришли к королю, король Казимир вскоре двинулся со всеми силами своими польскими и с литвой, которая пришла на помощь [ему] и панам польским, в Хойницы. И в Хойницах, изготовив все войско и устроив отряды, [король] избрал для своей охраны шесть панов польских и шесть панов литовских: прежде всего пана Олехна Судимонтовича и пана Богдана Андрушковича, и пана Яна Кучка, и пана Станька Костевича и пана Ивана Ильинича, и на каждого из них как на поляков, так и на литовцев, возложил на каждого из тех, кто должен был его стеречь, такое оружие, какое и на себя возложил, а Волу приказал за собою водить сменного коня; и когда уже войско было устроено,
двинулись к Вроцлаву. И король || Иржи изготовил свое войско 117
чешское и силезское, и со всех своих земель. И когда король Казимир подходил с войском к Вроцлаву, приготовив все отряды к битве, тогда встретились с войском Иржи и начали битву [195]. И божиим гневом, из-за наших грехов, король Иржи разгромил войско польское и литовское наголову, и король Казимир помчался назад, и никого с ним не было, только те пять панов литовских, которые его охраняли, а шестой Вол с его подменным конем. И, убегая, встретились с отрядом пехоты, и король оказался близко от тех пеших людей, и его легко могли схватить, и в это время Олехно Судимонтович, желая спасти короля, крикнул своим товарищам: «Милые братья, спасаем того рыцаря». И солдаты Иржи услышав то, приняли короля за рыцаря, а за короля приняли Олехна Судимонтовича или кого другого из его товарищей, бросились на них и всех ранили и захватили, а король в то время ускакал, а за ним Вол с конем. И примчались они к одному болоту, и усталый конь под королем упал в грязь, а чехи за королем гонятся. Тогда Вол сбросил с себя одежду, рассыпал
стрелы и начал стрелять, и чехи не посмели к ним подойти, || а 118
король в то время перебрался через болото и, Вол ему подал Валаха [196], и сам сел на коня, и так приехали они с королем в Хойницы. И тогда встретил его перед Хойницами пан краковский,

пан Рутвянский и сказал: «Благодарение господу богу, что твою милость видим здорового, и если ваша милость, государь наш, здоровым возвратился к нам, то, с уверенностью полагаемся на бога, что ваша милость в скором времени победу над тем неприятелем одержит». И встретил короля в Стырце, потому что мылся там в бане. И король, заплакав, сказал: «Пан Рутвянский, вы мылись в бане водой, а мои верные слуги литва в неприятельских руках кровью умываются». И после этого побоища король Казимир был очень печален, и начал замышлять он в сердце своем, как бы неприятелю своему вскоре с божиею помощью злом за зло воздать. И послал он вскоре к панам литовским, прося, чтобы они одолжили ему денег * для такой его нужды и при тех послах королевских отправили своих послов и паны польские к панам литовским, своей братии, прося о помощи, чтобы помогли им людьми и обратили бы внимание на их тяжелое положение. А в то время никого из панов литовских не было, только Ян Гаштольд воевода виленский в Вильно и Ивашко Монвид воевода трокский в Троках, а прочих панов не было, потому что в то время сейма
119 не было и все они разъехались по || своим домам. А те два пана приехали и, видя такую государственную нужду, не сносясь с прочими панами, своею братиею, но быстро, видя такое срочное государственное дело, отправили подскарбия земского [197] литовского пана Александра Юрьевича и через него послали заем в помощь, взяв из государственной литовской казны восемьдесят тысяч золотых червонцев. А братии своей польским панам послали на помощь восемь тысяч конных людей, пять тысяч княжат и панят двора литовского и три тысячи татар, и назначили над ними старшим гетманом пана Ивана Ходкевича, витебского наместника. И король Казимир за те золотые нанял войско и с помощью литовскою, и к тому собрав все силы польские, послал [всех их] на короля Иржи Чешского. И те люди польские и литовские по божией милости через четырнадцать недель после первого поражения все войско короля Иржи наголову разбили, а сами, счастливо одержав победу, с небольшими потерями возвратились к королю Казимиру. И захватили в той битве из войска Иржи много панов чешских и силезских, и среди них был пан Першинский,

---

* *В Хронике* князей; *исправлено по Стрыйковскому. Возможно, в оригинале было* пенязей, *т. е. денег.*

которого захватил Глашина князь Смоленский, который позже
был смоленским окольничим. || И король Казимир, видя, что 120
свои, одержав победу над неприятелем, возвратились здоровыми,
воздал хвалу богу [за то], что в такое короткое время от его свя-
той милости так утешен. А потом король Иржи прислал [посла]
к королю Казимиру, прося его выслать в Глогов с обеих сторон
послов для переговоров между ними. И король Казимир, выпол-
няя это желание короля Иржи, послал панов своих, двух поля-
ков и двух литовцев по имени пана Мартина Гаштольдовича на-
местника новогрудского и пана Войтеха Монвидовича трокского
воеводича. И те паны польские и литовские, повелением короля
Казимира, поехали в Глогов, а паны чешские и силезские, послан-
ные королем Иржи, были уже там. И те паны договорились, на-
конец, между собой, что оба короля должны съехаться сами в
Глогове. И оба короля, Иржи Чешский и король Казимир, сог-
ласно договоренности своих панов, съехались в Глогове с рав-
ными отрядами и там встретились и заключили вечный мир, и
пленных, которые были в плену три года, чешские у короля Ка-
зимира, а польские и литовские у короля Иржи, с обеих сторон
освободили. Заключив мир, стороны разъехались, а затем король
Казимир приехал в Литву.

В лето шесть тысяч девятьсот шестьдесят первое месяца мая 1453
двадцать девятого || был взят Царьград турками. 121

В лето шесть тысяч девятьсот шестьдесят второе умер князь 1454
Александр Владимирович Киевский, названный Олелько, и оста-
вил после себя двух сыновей, князя Семена и князя Михаила,
и король после смерти отца их не дал им Киев в удел, но дал его
от себя держать князю Семену, а князь Михаил сел на отчине
своей в Копыле, потому что дед их князь Владимир бегал в Москву
и тем пробегал отчину свою Киев.

В лето шесть тысяч девятьсот шестьдесят шестое умер вилен- 1458
ский воевода Иван Гаштольд.

В лето шесть тысяч девятьсот семьдесят восьмое умерла бла- 1470
говерная княгиня Анастасия жена Александра Киевского, внучка
Витовта.

В лето шесть тысяч девятьсот семьдесят девятое послан был 1471
королем Казимиром князь Михаил Александрович наместником
в Великий Новгород. В том же году четвертого декабря умер бла-
говерный князь Семен Александрович Киевский. И после смерти

князя Семена брат его князь Михаил, оставив*... И когда он был у пана Мартина за столом, в то время турки, придя без него, взяли Кафу [198]. И пришла эта весть к нему, и он скоро о ней ус-
122 лышал, || и тотчас от большой печали за столом и умер, и там же в Киеве и похоронен.

А затем турки пришли в Молдавию и взяли Килию [199] и Белгород [200].

1486 В лето шесть тысяч девятьсот девяносто четвертое молдавский воевода Стефан сообщил королю Казимиру, что царь турецкий пришел с большими силами в его землю, намереваясь прогнать его из государства и захватить землю, и просил короля, чтобы тот оказал ему помощь, и его и землю его спасал, обещая стать навечно со всею землею его вассалом. Король же Казимир, собравшись без малейшей задержки, со всеми силами польского королевства и со многими людьми литовскими пошел к нему на помощь и, придя к границам Молдавии, стал на месте, называемом Коломыя [201]. Стефан же, воевода молдавский, со всеми своими панами и с несколькими тысячами народа приехал к нему в Коломыю. Король же Казимир принял его с большим почетом и жил [он] у короля две недели, и отдался со всею своею землею королю в руки навечно в вассальную зависимость, и принес присягу, и все молдаване подали в руки короля свои знамена. Король же Казимир, отпустив молдавского воеводу, послал к нему на
123 помощь королевичей и многих из своих людей. И как || только люди короля вошли в Молдавскую землю, царь турецкий услышал о том, что войска королевича и короля пришли молдаванам на помощь, и тотчас же ушел из земли Молдавской в свою землю за Дунай, а король Казимир и королевич со своими войсками возвратились обратно в Польшу, а воевода молдавский потом немалое время имел покой от турецкого [султана]. В том же году король Казимир, находившийся в Польше, приехал в Литву и в то же время примчался к нему великий князь Михаил Борисович Тверской, а великое княжество Тверское поддалось великому князю Ивану Васильевичу московскому.

В том же году второго мая выпал снег такой глубокий, что можно было ездить в санях; в том же месяце, мая двадцать первого дня, выпал снег в полголени человека и была очень большая

---

* *Т. Нарбут отмечает, что далее недостает части текста (стр. 61).*

стужа. А затем король Казимир был в Великом княжестве Литовском семь лет, потому что охотнее живал в Великом княжестве, чем в Польше, так как в Литве была очень роскошная охота, там имелось очень много различных зверей, каких ни в одном государстве не было, а король Казимир очень любил охоту. А потом уехал в Польшу и пробыл в Польше год, и приехал в Литву в Великое княжество на престол в Вильно, || и был в Вильно год. 124
А затем разболелся и приказал привезти себя в Гродно, так как очень любил жить в Гродно, потому что там была роскошная охота и всяческие припасы. И, находясь в Гродно, уразумел, что ему той болезни не одолеть, и он позвал к себе в спальню панов-раду своих Великого княжества Литовского и начал просить их очень умильно и покорно, чтобы паны-рада взяли себе государем в Литовское княжество сына его среднего королевича Александра. И паны-рада, видя государя своего, так покорно просящего и к тому помня, что для Литовского княжества он был хорошим государем, на то согласились и решили после его кончины взять в Великое княжество Литовское сына его королевича Александра. Затем [он] позвал к себе панов польских, которые в то время были при нем и точно так же сказал им, чтобы они, паны-рада королевства Польского от имени короля передали своим польским панам последнюю просьбу своего государя и взяли бы после его смерти государем себе в Польшу сына его старшего королевича Альбрехта, и паны польские обещали просить об этом всех польских прелатов и панов. А потом паны || литовские сказали: «Ми- 125
лостивый государь, тем двум сыновьям своим ты передаешь государства после своей смерти, а третьего своего сына, младшего, королевича Сигизмунда, с чем ты оставишь?» И король Казимир просил панов польских, чтобы они от его имени просили старших его сыновей Владислава, который был королем венгерским и чешским, и второго, Альбрехта, который после него стал королем польским, чтобы они сами и их государства его сына, а их брата не оставили, а содержали бы при себе. И так уладив государственные дела, там же в Гродно закончил жизнь свою в глубокой старости в четверг за неделю перед вознесением господним.

Лета от рождества Христова тысяча четыреста девяносто вто- 1492
рого, месяца мая в двадцать четвертый день. Перед седьмою субботой [после пасхи], взяв тело его, отправили в Польшу в город Краков и положили в церкви святого Станислава в замке, в ча-

совне, которую он сам создал. Там же и королева его Елизавета, которая после его смерти жила некоторое время, там же погребена в той же часовне. После смерти короля Казимира поляки взяли себе королем в Польшу сына его королевича Альбрехта, а Лит-
126 ва взяла себе великим князем || на великое княжение литовское брата его родного другого королевича Александра.

В том же году зимой начал воевать великий князь московский Иван Васильевич с Великим княжеством Литовским и взял город Вязьму и иных городов немало, Хлепен, Мещевск [202], Любутск, Мценск,[203] Серпейск [204], волостей же множество. Видя то, великий князь Александр литовский и паны-рада его Великого княжества Литовского, как великий князь московский, забыв договоры и крестное целование, заключенные с отцом его королем Казимиром, пошел против него войной и забрал немало городов и волостей, ему же в то время, только став государем, воевать с ним было трудно. И послал к нему послов своих, воеводу трокского маршала земского пана Петра Яновича, пана трокского старосту жемайтского пана Станислава Яновича, маршала пана Войтеха Яновича писаря, пана Федька Григорьевича; они же поехали в Москву к великому князю Ивану Васильевичу и заключили с ним вечный мир и договор и целовали крест за себя и за детей своих, и договорились, что дочь его великая княжна Елена ||
127 будет женой великого князя Александра. Город же Вязьму [205] и все вышеуказанные города и волости получил великий князь московский, и только тех смольнян, которые в тех городах были взяты в плен, отпустили в Смоленск.

1495 Потом пришел год от сотворения мира семь тысяч третий, а после рождества Христова тысяча четыреста девяносто пятый. Послал великий князь литовский Александр в Москву к великому князю Ивану московскому по великую княжну Елену пана виленского, наместника гродненского князя Александра Юрьевича, пана трокского, наместника полоцкого пана Юрьевича Заберезинского и наместника браславского пана Юрия Зеновьевича писаря, державцу[205а] стоклишского, пана Федька Григорьевича. Они же, поехав, взяли великую княжну Елену и привезли ее в Литву, а с ней были направлены послы от отца ее великого князя московского Ивана Васильевича, князь по имени Семен Ряполовский, Михайло Русалка, Иван Скуратов, дьяк Василий Кулешин. И привезли ее к городу Вильно перед великим заговением за две

недели. Великий же князь Александр со всеми панами-радой и с дворянами и с многими людьми встретили ее, выехав из города*, а в город Вильно въехали вместе, и была там устроена большая свадьба, как это надлежит у великих государей, и продолжалась она несколько недель. А затем после свадьбы московские послы
с великой || честью и с многими дарами были отпущены к себе. *128*
В том же году приезжала к великому князю Александру в Вильно его мать, королева Елизавета, со своим сыном, братом его, королевичем Фридрихом, кардиналом и архиепископом Польши и епископом краковским, и с двумя дочками королевнами, Варварой и Елизаветой. Он же принял их с великой радостью и почетом и устроил для них приемы и веселье неописанное на много дней как хороший сын ласковой матери и как верный брат любимому брату. И жили они в Вильно немалое время и, повидав невестку свою, великую княгиню Елену, с большой честью и многоценными дарами возвратились в Польшу.

В ту же осень съехались послы короля польского Альбрехта и брата его великого князя литовского Александра и, сговорившись, вынесли между собой решение собрать сейм и встретиться в Парчове. И в ту зиму великий князь Александр с великой княгиней Еленой и с панами ездили в объезд по Русской земле, и были в Смоленске, и в Витебске, и в Полоцке, и к весне возвратились в Вильно.

В лето семь тысяч четвертое, а после рождества Христова 1496
тысяча четыреста девяносто шестое поехал великий князь Александр в Брест, король же Альбрехт с их братом королевичем ||
Сигизмундом в Люблин, а затем со всеми панами-радой с обеих *129*
сторон, съехались на сейм в Парчов, и были вместе в Парчове две недели, и, что между собой решили и замыслили и постановили, все это сохраняли в великой тайне, и затем разъехались, Альбрехт в Краков, великий же князь Александр в Вильно.

В лето от сотворения мира семь тысяч пятое, а после рождества 1497
Христова тысяча четыреста девяносто седьмое собрал король польский Альбрехт великое множество своего войска и со всеми силами Польского королевства, изготовившись и вооружившись, пошел на конях против молдавского воеводы Стефана. А князь великий Александр, договорившийся на том сейме в Парчове со

---

* *В Хронике* из гур.

своим братом королем Альбрехтом, решил не сообщать ничего своим панам-раде, что великий князь Александр должен двинуться через Брацлав на Сороку [206] в землю Молдавскую, а король Альбрехт — с другой стороны. И когда пришел великий князь Александр под Брацлав к реке Буг, паны литовские начали его спрашивать: «Милостивый государь наш, куда, твоя милость, идешь с нами». И князь Александр отвечал: «Если бы мои мысли знала рубашка, которая на мне, я бы ее сжег». И паны сказали: «Если ты, государь наш, нам решения и умысла своего не от-
130 кроешь, мы || не хотим идти за реку Буг». И князь великий Александр увидел, что он не смог согласно договоренности с братом своим королем Альбрехтом явиться со всею землею [207], потому что паны-рада и вся земля не хотели туда идти, если им не сообщит о своих намерениях. И князь Александр отправил на помощь брату своему маршала своего наместника лидского пана Станислава Петровича, князя Семена Ивановича Можайского и князя Василия Ивановича Шемячича, а с ними несколько тысяч княжат и панят и дворян отборных на помощь брату своему королю Альбрехту в Молдавскую землю. А сам князь великий Александр приказал Брацлав срубить, потому что Брацлав был опустошен и сожжен молдавским воеводой. И когда возвращался он от Брацлава, заехал в Троки к воеводе трокскому пану Петру Яновичу и наведал его в Троках, потому что пан Петр был очень болен, а был в то время пан Петр воеводой трокским и наивысшим гетманом литовским. И князь великий Александр, видя его больным, советовался с ним, кому бы после его смерти отдать гетманство, и пан Петр посоветовал отдать князю Волынскому по имени Константину Острожскому, и король по этому совету трокского вое-
131 воды || дал гетманство князю Константину. А король Альбрехт в то время уже был в Молдавской земле. И воевода молдавский Стефан, узнав о том достоверно, что король Альбрехт пришел в землю его с великим гневом и невыразимой силой, собрал все свое войско, укрепил накрепко свой столичный замок Сучаву [208] и все другие свои города, и, оставив там свои гарнизоны, сам со всем войском своим ушел в горы, в места тесные и непроходимые, где находился любимый его монастырь, называемый Путно, и там засел со всем своим войском в большой крепости. Король же Альбрехт, подойдя к Сучаве, стоял под ней несколько дней и понял, что городу сделать не может ничего: все молдаване, осажденные

в городе, давали ему такой ответ: «Знай наверное, что мы государю своему и городу его изменниками быть не можем, потому что государь наш воевода Стефан находится со своим войском в поле, и если хочешь, поди и победи его, и тогда города и вся земля его сразу будут в твоих руках». Король Альбрехт отступил от города Сучавы и пошел по [его] земле, желая усердно биться с ним. Воевода же молдавский, видя, что не может дать ему отпор, послал || к нему своих послов, и заключил с ним мир 132
и принес ему со своею землею вассальную присягу, такую же как приносил отцу его королю Казимиру, записав это и присягнув, что будет стоять на том твердо. И заключив такой договор, король Альбрехт пошел из его земли, но не желая возвращаться той же дорогой, которой пришел, и желая ускорить путь, пошел напрямик через Буковину и горы, и через леса каменистые, едва проходимые, потому что через те каменистые места была прямая дорога до польской границы, но очень плохая. Молдавский же воевода Стефан, услышав о том, что король польский Альбрехт не хочет возвращаться той же дорогой, которой пришел в его землю, а хочет идти новыми иными дорогами, через каменистую Буковину, был этим очень обрадован и, не думая ничего о присяге и вечном мире, о том, что порочит свою землю, быстро послал к турецкому царю и в Венгрию и к валахскому воеводе. Те же быстро прислали ему несколько тысяч людей, а к тому же и сами изготовились со всеми своими людьми конными и пешими, а король Альбрехт был со всем войском в Буковине, и шел безбоязненно, не ожидая ниоткуда удара, в виду того, что был заключен вечный мир и взята присяга. А в это время у молдавского воеводы Стефана || очень болели ноги, но, желая сделать по-своему, забыл он 133
и о болезни своей, и приказал везти себя в санях. И пришел со всеми силами своими и с турками, и с венграми, и с валахами, и напал в тех лесах в Буковине на короля Альбрехта и на войско его, и многих из войска его побил, а других взял живыми и забрал многие обозы с великим богатством и несколько знаменитых пушек, самому же королю Альбрехту и многим панам и воинам его ничего не сделал. И когда уже король прошел леса и Буковину, тогда воевода молдавский со всеми своими людьми возвратился к себе. Взят же тогда был в плен молдаванином маршал великий польский пан Точинский.

Маршал же великого князя Александра литовского пан Ста-

нислав Петрович со всеми людьми, которые были с ним посланы
на помощь королю Альбрехту, в то время не успел прийти, так
как, находясь в пути и перейдя реку Днестр, встретил он молда-
ван и вступил с ними в бой. Божией милостью [он] разгромил
молдаван и потому запоздал прийти к королю на помощь, пришел
уже после побоища. Воевода молдавский пошел назад, а король
Альбрехт в то время был болен, а войско его в великой скорби и
печали ожидало еще за собой погони. И когда увидел король ||
134 войско брата своего, пришедшее к нему на помощь, рад был очень,
возвеселился и возрадовался сердцем, а затем шел дорогой без-
боязненно, и дойдя до Каменца, а затем до Львова, разошлись
каждый восвояси. Великий же князь Александр стоял в Брацлаве
немало времени, и город Брацлав срубил и все люди, которые
были уведены из Брацлава в Молдавию, все они возвратились в
Брацлав. Тогда же литовцы разгромили несколько сот татар в
двенадцати милях от Брацлава в поле, а затем великий князь
Александр возвратился в Литву. В том же году в Литовской зем-
ле был большой голод и стали распространяться среди людей
французские болезни [209]. А потом на другой год осенью прихо-
дил воевода молдавский Стефан, а с ним паша великий царя ту-
рецкого по имени Малкоч с многими людьми, и воевали землю
Польскую, начиная от Каменца и до Львова и даже до Тарко-
ва [210], в десяти милях от Кракова, а затем вернулись, причинив
много зла Польской земле.

1499 В лето от сотворения мира семь тысяч восьмое, а от рождества
Христова тысяча четыреста девяносто девятое решил великий
князь Иван Васильевич московский начать войну со своим зятем
великим князем Александром литовским, вступив перед тем в
сговор с Тейдли-Гиреем царем перекопским и со своим сватом
135 Стефаном воеводою || молдавским, присягнув на вечный мир и на
кровный союз. И послал втайне к князю Семену Ивановичу Бель-
скому и к князю Семену Ивановичу Можайскому, и к князю Ва-
силию Ивановичу Шемячичу, чтобы они с городами и волостями
отступились от зятя его великого князя Александра, и со всем
с тем служили бы ему, а к тому еще обещал им многие свои го-
рода и волости. И такое соглашение сделали и присягнули, что
им с помощью его воевать с Великим княжеством Литовским неп-
рестанно, а которые города и волости они у Литвы заберут,
то им все держать. И договорившись и крепко утвердившись в

этом намерении, с их замысла и совета, послал великий князь
московский своего воеводу Якова Захаринича с многими людьми
к Брянску и в Северскую землю. И они пришли к Брянску так
тихо, что брянскому воеводе пану Станиславу Бартошевичу ни-
чего о том не было известно, а он в то время был в отъезде, в ко-
ролевском имении в Ущиже, и в ту ночь из-за измены брянцев
город Брянск был сожжен. Москвичи же как только увидели,
что город Брянск сгорел, вскоре поспешили к городу, и пана Ста-
нислава Бартошевича в одном селе захватили и иных многих
брянчан с ним, а затем, придя в город Брянск, || и всю землю за- *136*
няли, и жители Брянска все присягнули служить великому
князю московскому. Князь Семен Иванович Можайский и князь
Василий Иванович Шемячич, узнав о том, что москвичи взяли
Брянск, приехали к Якову Захаричу воеводе великого князя
московского на реку на Контовт и присягнули служить великому
князю московскому со всеми городами, с Черниговом, со Староду-
бом, с Гомелем, с Новгородом Северским, с Рыльском и со всеми
волостями, которые находились в Великом княжестве Литов-
ском. Князь же Семен Иванович Бельский приехал в Москву еще
ранее взятия Брянска и со всею отчиною своею подчинился вели-
кому князю московскому. Услышав же об этом, великий князь
Александр литовский, что тесть его великий князь Иван Василье-
вич московский пошел против него такой войной и что город
Брянск и многие города поддались ему и с теми вышеуказанными
князьями присягнули служить ему, послал к Смоленску гетмана
своего князя Константина Ивановича Острожского и маршала
своего дворного наместника меречского и оникштайского пана
Григория Станиславовича Остиковича, и подчашего своего наме-
стника бельского пана Николая || Николаевича, и маршала *137*
пана Яна Петровича, и маршала, наместника новогрудского и
слонимского пана Литавора Хрептовича, и иных многих князей
и панов, и дворян [211], и бояр [212] своих, и, отпустив их вперед, сам
со всеми людьми Великого княжества Литовского пошел к городу
Минску, а оттуда к Борисову, и в Борисове простоял немало вре-
мени.

Князь же Константин Иванович Острожский с вышеназван-
ными панами и со всеми людьми, которые были с ним, пришли
к городу Смоленску. А в то время в Смоленске воеводой был пан
Станислав Петрович, по прозванию Кишка. И пришла весть к

Смоленску, что воевода великого князя московского Юрий Захаринич стоит на Ведроши [213] с очень небольшим числом людей. Князь же Константин со всеми людьми и панами, и еще с воеводой смоленским, и со всеми смольнянами, вооружившись и изготовившись, пошли к Дорогобужу [214] и прежде всего пришли к Ельне [215]. И в то время поймали одного языка из московского войска по имени Герман, который был дьяком у Богдана Сапеги, но убежал в Москву и тот язык сообщил им о московском войске, что воевода великого князя московского Юрий Захаринич долгое
138 время был под Дорогобужем с небольшим числом людей. || «Третьего же дня пришли к нему на помощь другие большие воеводы, князь Даниил Васильевич Щеня и князь Иван Михайлович Перемышльский с многими другими воеводами и людьми, и что все они уже находятся в одном месте под Дорогобужем, и поэтому, если бы пришли ранее, то им было бы невозможно противостоять вам, теперь же знайте и хорошо подумайте, не ходите к ним, но отойдите назад, потому что вам нельзя биться с ними, так как их много, а вас против них очень мало». Они же не хотели верить ему, считая, что он говорит неправду и ложь, и приказали его повесить, а сами двинулись вперед. И прошли деревню, называемую Лопатинс, и не дойдя две мили до деревни, называемой Ведрошь узнали точно, что москвичи, крепко вооружившись и построившись, стоят в Ведроши, готовые, ожидая их. Князь же Константин и паны и все люди, бывшие с ними, посовещавшись решили, что мало ли много ли будет москвичей, но, надеясь на божию помощь, биться с ними, а без боя назад не возвращаться и все к этому присоединились, решив, что на все воля божья. Так теперь это измыслив и решив, пошли своим путем от Лопатина до Ведроши
139 две мили лесом; || и была грязь страшная, и с большими трудностями и с нуждой едва прошли лес. И как только они вышли в поле, встретились с москвичами и начался тут между ними бой, и многих с обеих сторон убили, а иных ранили. Москвичи же вскоре повернули обратно и перебежали реку Ведрошь, к своему большому полку, и там, построившись, стали. Литва же, придя быстро к реке, в спешке перешла ее, пошла за реку и стала крепко биться. Москвичи думали, что литовцы идут на них из леса с большой силой и что они так смело идут, надеясь на свою силу, и оттого не рисковали с ними биться смело, и едва не побежали все, но затем увидели и уразумели москвичи, что уже все вышли

в поле, что литовцев немного. Литовского войска было не больше чем три с половиной тысячи конных, кроме пеших, а москвичей было сорок тысяч хорошо вооруженных конных, кроме пеших, и видя мужественное и смелое наступление такого небольшого литовского войска удивлялись, а потом, когда увидели всех, москвичи все единодушно и крепко пошли навстречу им. Литовцы же бились, но увидев, что москвичей много, а их мало, не могли более стоять перед ними и побежали. Москвичи же погнались за
ними, многих побили, || а других живыми забрали. Тогда был 140
взят в плен гетман князь Константин Иванович Острожский, пан Григорий Станиславович Остикович, пан Литавор Хрептович, пан Николай Юрьевич Глебович, пан Николай Зеновьевич и иные многие паны. Ян же Петрович погиб беззвестно, а иных многих побили и забрали в плен. Москвичи же, возвратившись с побоища, всех пленных панов отправили в Москву к великому князю.

Князь же великий литовский Александр пришел со всем своим войском и стал на реке Бобр [216], и в то время примчались вестники, сообщая ему, что передовое его войско разбито на Ведроши и что гетмана и панов, и многих людей забрали в плен. Услышав это, Александр очень опечалился с панами и всем войском своим, и долго был он сильно печален, а затем, отбросив печаль и скорбь и похвалив своего вседержителя бога, пошел со всеми своими людьми и стал в Обольцах [217] и там находился немалое время. В то время пришел к нему в Обольцы посол от великого князя московского с соответствующими грамотами, и князь великий Александр принял его в Обольцах, а затем, отпустив его, со всеми людьми пошел к Полоцку и в Полоцке простоял почти всю осень и, укрепив города Полоцк и Витебск и Смоленск, и оставив там гарнизоны, возвратился в Литву.

В ту же осень воевода великого князя московского Яков Захаринич и царевич казанский Магнистели, и князь Семен Иванович Можайский, и князь Василий Иванович Шемячич, придя, взяли город Путивль и наместника путивльского князя Богдана Федоровича с княгиней и со всеми путивльцами увели в плен, и всю землю Северскую забрали, и города Дорогобуж и Залидов [218] и Торопец [219] забрали; в том году великий князь московский зятю своему великому князю Александру много зла сделал, нарушив присягу и вечный мир и кровные связи. ||

141 В ту же осень по наущению великого князя московского царь перекопский Менгли-Гирей послал сына своего Ахмат-Гирея, султана с прочими своими детьми и с многими силами татарскими. И воевали [они] земли Волынскую и Подляшскую [220] и Польскую, и сожгли тогда города Владимир и Брест, и воевали около Люблина до самой реки Вислы и, перейдя за Вислу, большой город Опатов сожгли и много зла причинили и сотворили несказанное кровопролитие христианам в Великом княжестве Литовском и в Польше, и, многие города и деревни сжегши, с большой добычей и массой пленных ушли восвояси. В ту же зиму великий
142 князь Александр сделал дворным маршалом || своего любимца князя Михаила Львовича Глинского, о котором позже напишем много удивительного.

1500 В лето от сотворения мира семь тысяч девятое, а от рождества Христова тысяча пятисотое великий князь Александр послал в Польшу и в Чехию, и в Германию, и нанял за деньги несколько тысяч [человек], и со всеми людьми изготовился против своего тестя великого князя московского. Тогда приехал к нему в Литву один чех по имени Ян Гирнин и многие другие чехи, и немцы, и поляки. Князь же великий Александр, собравшись со всеми ими, двинулся к Минску, а в Минске пришла к нему весть, что князь великий московский отправил сына своего князя Дмитрия Жилку с большим войском, с пушками и со всем снаряжением добывать замки и отпустил его к Смоленску, и что теперь все москвичи под Смоленском, и, обложив город, упорно осаждают его. Услышав это, великий князь Александр послал против него пана трокского старосту жемайтского пана Станислава Яновского со всею силою Великого княжества Литовского и вышеупомянутого чеха со всеми чужеземцами; все они двинулись против них. Москвичи же, ||
143 находясь под Смоленском, воевали на все стороны; и город Смоленск, едва ли не весь пушками окружив, день и ночь непрестанно его осаждали и из-за больших тур, наполненных песком и землей, несказанные штурмы против него предпринимали, однако же, милосердием божиим и помощью пречистой богородицы не могли принести ему никакого вреда. Приняв на себя немало труда, неся потери, и губя своих людей, со скорбью и со слезами терпели с великими насмешками поражения под городом и с позором и с бесчестьем от города отбиваемы были. Войско же великого князя Александра, которое вел пан староста жемайтский, приш-

ло со всеми силами к городу Орше и, перейдя реку Днепр, двинулось к горам. И как только об этом услышал князь Дмитрий Жилка, который находился под Смоленском, что Литва идет против него, он, не взяв города Смоленска, возвратился к Москве, к своему отцу великому князю московскому, войско же литовское, узнав, что москвичи отступили от Смоленска, пришло и стало на горах и там пробыло на горах всю осень.

В то же время князь Семен Иванович Можайский пришел с большим количеством воинов великого князя московского || к го- *144*
роду Мстиславлю, а в это время в Мстиславле сидело в осаде много литовских людей. Князь же Михаил Мстиславский узнал, что князь Семен Можайский идет с москвичами к Мстиславлю. И, окружив город Мстиславль, стояли немало времени, и, причинив много зла около города, ушли обратно. Пан же староста жемайтский и гетман всего Великого княжества Литовского стоял немалое время на горах, и затем отошел в Литву, чеха же Яна Гирнина со всеми иностранцами отправил к Полоцку, где они сели в осаду.

В лето семь тысяч десятое, а от рождества Христова тысяча 150
пятьсот первое умер в Торуни в Пруссии король польский Альбрехт, брат короля Александра.

В ту же осень выехал царь Заволжский Ших-Ахмет сын Ахматов со всею ордою Заволжскою, с многими силами, а с ним посол великого князя Александра пан Михаил Халецкий, и приехал он в землю Северскую и стал под Новгородом Северским и под другими городами, землю же всю, почти до самого Брянска, заполнил бесчисленным воинством. Новгород Северский и несколько других городов поддались царю. Царь же, поручив || эти города пану *145*
Михаилу Халецкому, пошел со всеми силами и стал между Черниговом и Киевом по Днепру и по Десне, пана же Михаила Халецкого отпустил со своими послами в Литву, сообщая великому князю Александру, что пришел к нему на помощь против царя перекопского Менгли-Гирея и великого князя московского, и призывал великого князя соединиться с ним и начать войну со своими неприятелями. Пан же Михаил Халецкий с послами царя Заволжского пришли в Литву, а в то же время поляки прислали послов к великому князю Александру литовскому и взяли его королем в Польшу, и он, оставив свои дела с царем Заволжским, в ту же зиму поехал в Краков и там был коронован. В ту же зиму

8*

царь перекопский Менгли-Гирей, собрав свои силы, втайне пошел на Ших-Ахмата царя Заволжского и разгромил его наголову и цариц и детей, и орду его всю взял, сам же царь заволжский Ших-Ахмат со своим братом Хазак-султаном и с некоторыми князьями и уланами примчался к Киеву и, став недалеко от Киева, послал к князю Дмитрия Путятича, киевского воеводу, сообщая ему свою плохую весть. Воевода же киевский князь Дмитрий
146 оказывал ему там долгое время великую честь || и одаривал многими дарами. Затем царь Ших-Ахмат, ничего не сообщив, ушел из-под Киева к Белгороду [221], но, находясь в Белгороде, не получил там ни помощи и ни какого-либо имущества, и возвратился к Киеву. Князь же Дмитрий киевский воевода принял его с радостью и оказал ему как и ранее большие почести, и затем отправил к королю и великому князю Александру сообщение о происшедших событиях, король же отправил своих послов к царю и приказал князю Дмитрию ехать с ним вместе в Вильно. Князь же Дмитрий, выполняя королевское повеление, проводил царя и брата его и людей их до Вильно. В ту же зиму послал король Александр к тестю своему великому князю московскому послов польских своих, воеводу ленчицкого пана Петра Мышковского и пана Яна Бучацкого подольского воеводича, а из Литвы воеводу полоцкого пана Станислава Глебовича и маршала и писаря канцлера ее милости королевы наместника браславского пана Ивана Сапегу. И находясь в Москве, заключили они перемирие на шесть лет, а города и волости, которые забрал великий князь московский, то все у него осталось, и все пленные литовские остались в Москве.

1502 В лето от рождества Христова тысяча пятьсот второе были высланы встречные послы великого князя Ивана Васильевича*
147 москов || ского к королю и великому князю Александру, по имени Петр Плещеев, Константин Замыцкий, зять его Михаил Кляпик, дьяк Никита Голубин, и утвердив вышеуказанное перемирие, [они] возвратились восвояси.

В ту же осень пришла весть королю Александру, что татары, перейдя реку Припять, воюют по волостям. Король написал князю Семену Михайловичу Слуцкому и послал к нему на помощь подольского воеводича пана Яна Бучацкого, а с ним дворян своих

* *В тексте* Ивановича.

литовских и русских и немало австрийцев. Князь же Семен Слуцкий с паном воеводичем и со всеми вышеупомянутыми дворянами гнались за татарами и нагнали их недалеко за Бобруйском [222], в шести милях, на реке на Уше[232]; было их только полтораста; догнав, избили их и возвратились назад. В ту же осень был бой с татарами в семи милях за Овручем на реке Уше [224]. Бились князь Федор Иванович Ярославич, князь Юрий Иванович Дубровицкий и князь Григорий Глинский, друцкий староста, и божиим изволением за грехи наши, татары наших побили; тогда убили и князя Григория Глинского и Горностая. В ту же осень месяца августа тридцатого дня пришел втайне Битис-Гирей-султан сын Менди-Гирея || царя перекопского с шестью тысячами татар. Прежде 148
всего пришли [они] к городу Слуцку. Князь же Семен Михайлович в то время был в Слуцке, но не знал ни о чем, и, только посмотрев из замка из церкви святого Юрия на город за реку Случь [225], увидел татар, скачущих на конях, хватающих и рубящих мужчин, и женщин. И, увидев это неожиданное нападение поганых, князь Семен Михайлович с теми, которые были с ним в замке, удивился такому неожиданному тайному приходу их, потому что они за один день переправились через реку Припять и в тот же день подошли к Слуцку за двадцать пять миль, иные же в тот же день, минуя Слуцк, дошли еще до Копыля, от Слуцка за пять миль. Князь же Семен на знал что начать и что делать, потому что в то время в замке людей у него было очень мало, все находились по селам. Татары всех их отрезали от замка, и забрали все табуны конские, князь же затворился в замке только с очень малым количеством людей и послал к королю в Вильно сообщение о том, что царевич Бетю-Гирей сам стал лагерем под Слуцком за Умолем. Татары же, разделившись на отряды, пошли по земле, и, идя, воевали около Клецка и Несвижа [226] и город Клецк сожгли и были, не доходя шесть миль до Новогрудка, || в Ишкольди[227] и по- 149
вернули обратно. Многие города и села они сожгли и, сотворив христианам неописанное кровопролитие, с большим числом пленных и с добычей собрались у Слуцка, а затем без всякого ущерба все в целости, ушли назад. Король же Александр немногих из своих дворян послал к князю Семену в Слуцк, они же, прибыв в Слуцк и узнав, что татары ушли в целости, возвратились в Литву.

В лето семь тысяч двенадцатое, а от рождества Христова ты- 1503
сяча пятьсот третье приходило три тысячи татар, и, находясь

под Слуцком и Новогрудком, они причинили много зла и пошли
обратно другой дорогой через Гричинское болото [228] к Городку [229].
Паны же рада Великого княжества Литовского не знали о том,
и только гетман пан Станислав Петрович по прозванию Кишка
и пан Альбрехт Гаштольд и пан Юрий Немирович, объединившись
с приехавшим к ним князем Семеном Михайловичем Слуцким,
пошли за ними и, перейдя реку Припять, нагнали их в одной миле
за Городком и дали им бой. И с божией помощью наши побили
их, и освободили всех пленных, и с великой частью и с добычей
возвратились домой. Тогда же были убиты государевы дворяне ||
пан Рак Москвич и Жиневой. В ту же осень месяца ноября четыр-
150 надцатого числа со среды на четверг умер благоверный и христо-
любивый князь Семен Михайлович Слуцкий*. В ту же осень царь
Казанский Махмет Али перерезал в Казани всех купцов Москов-
ской земли. В тот же год Иван Васильевич князь московский
умер, и сел на великом княжении московском сын его Василий.

В том же году воевода киевский князь Дмитрий Путятич и
князь Семен Юрьевич Гольшанский староста луцкий умерли, и
дано было Киевское воеводство пану Юрию Монтовтовичу, а Луцк
отдали князю Михаилу Ивановичу Острожскому, а после смерти
князя Михаила Луцк дали писарю пану Федору Янушовичу.
И в том же году король Александр был на сейме в Бресте и был
гневен на панов без основания. А было это так: дал он Дрозду по
настоянию князя Глинского Лиду, бывшую у Ильинича. А в то
время послом в Кракове у короля был подчаший, наместник бель-
ский Николай Николаевич Радзивилл, и пан Ильинич обратился
к панам-раде Великого княжества Литовского, прежде всего к
князю Войтеху Таборе виленскому епископу и к Николаю Рад-
151 зивиллу воеводе виленскому, и к воеводе трокскому || пану За-
березинскому, и к пану Станиславу Яновичу старосте жемайт-
скому, и к воеводе полоцкому пану Станиславу Глебовичу, и к
пану Станиславу Петровичу Кишке, наместнику смоленскому, и
все те паны согласно земского привилея [230], выданного им коро-
лем, когда он садился на престол на великое княжение, не дали
Лиды Дрозду, простому человеку, а оставили у Ильинича, потому
что в привилее написано, что должность отнять ни у кого нельзя,
иначе как с гербом [231]. И король за это разгневался. И услышал

---

* *В тексте* Семен Михайлович Александровича Слуцкий.

об этом Николай Николаевич Радзивилл*... город же Минск**, монастырь и святые божии церкви огнем целиком сжег и в земле Литовской, и в Полоцке, и в Витебске, и в Друцке много зла сотворил, пожег и попленил чуть ли не всю землю, и сотворил невыразимое кровопролитие, и, приведя землю Литовскую в запусте-

---

* *У Стрыйковского (т. II, стр. 321) далее сказано* Глинский же непрерывно подстрекал короля, чтобы он за это мстил литовским панам и в особенности Заберезинскому. И будучи на сейме в Бресте Глинский все это осуществил. Пользуясь королевской милостью, забрал у Заберезинского Троки и отдал их сыну виленского воеводы, Николаю Николаевичу Радзивиллу, который был у короля Александра подчашим и наместником бельским, старосту же лидского, Ильинича, приказал взять и посадить в тюрьму, а панам-раде приказал не появляться на свои очи...

** *Начало описываемых событий у Стрыйковского (т. II, стр. 326, 327) изложено следующим образом.* В 1506 г.,как свидетельствует летописец, но, видимо, в 1505, по Кромеру, Меховскому и прочим, пришел перекопский царевич Махмет-Гирей-султан сын перекопского царя Мендли-Гирея со своими братьями, Бити-Гирей-султаном и Бурнаш-султаном со всеми силами татарскими и пришли к Днепру к Лоевой горе, и там, переправившись через Днепр, сам Махмет-Гирей-султан пошел к Минскому замку в центр Литвы, а двоих своих братьев, Бити-Гирей-султана и Бурнаш-султана, послал под Слуцк. И пришли они под Слуцк в день успения девы Марии в пятницу. А в Слуцке находилась княжна Анастасия с ребенком Юрием Семеновичем, дедом теперешних князей Слуцких. И татары, зная, что в Слуцке была только одна княжна, разорили все около Слуцка и самый Слуцк штурмовали, делали подкопы, и пытались поджечь его, но жители Слуцка, которых княжна Анастасия умоляла защищать своего единственного владельца от насилия поганых, мужественно сопротивлялись. И много татар пало у замка, потому что в то время у той княжны Анастасии в Слуцке служило много шляхты и разных князей. А сам старший царь Махмет-Гирей стал в тот же день лагерем под Минском и распустил свои отряды под Вильно и в Завилейскую сторону, а также к Витебску, Полоцку и Друцку и на все стороны Литвы и Руси. А те два царевича его брата, минуя Слуцк, двинулись к Новогрудку. А в то время все литовские паны были в Новогрудке, совещались между собой, что им следует делать, ввиду того, что король из-за наговоров Глинского гневался на них, но если бы приехал в Литву, то обещал принять их милостиво на Радомском сейме; сговаривались [они] и о том, чтобы поддаться Глинскому. А татары, узнав, что паны в Новогрудке, еще больше заспешили к Новогрудку, потому что паны, собравшись туда не для обороны страны, а для личных дел, разошлись. Паны, видя угрозу Новогрудку, уехали за Неман, а татары, придя к Новогрудку и не найдя никого, гнались за панами до Немана и далее и большой ущерб нанесли за Неманом в Литовской земле, и, захватив добычу и пленных, возвратились обратно. Замку же Новогрудскому ничего не могли сделать, потому что в Новогрудке в то

ние, ушел своим путем восвояси без ущерба. Также и братья его Бити-Гирей-султан, Абурнаш-султан возвратились от Новогрудка с большим количеством пленных и добычей и пошли мимо Слуцка к Петрикову [232], а затем в Орду. В ту же зиму был большой мор в Минске, и был он немалое время по всей земле. ||

В ту же осень великий князь Василий Иванович московский
152 послал брата своего князя Дмитрия Жилку, а с ним воеводу своего наивысшего князя Федора Ивановича Бельского и иных многих воевод со всеми силами московскими, с войском, которое шло на конях и в судах рекою Волгою на царя казанского Махмет-Али. И так, они, придя к Казани, окружили город со всех сторон сухим путем и водой. И так вышли вооруженные люди с судов на берег к городу, и пришли татары конные и всех побили, а иные убегающие утонули в Поганом озере, а которые в судах на воде остались, на тех пришли бури большие, и едва не всех потопило, только князь Дмитрий с воеводою князем Федором и с небольшим количеством людей не погибли окончательно. А которые москвичи пришли под город берегом конные, тех так же чуть ли не всех избили и очень мало кто из них убежал, и получился ущерб большой и вред неизмеримый великому княжеству Московскому; очень мало москвичей возвратилось назад, погибло их бесчисленное множество.

А затем король Александр назначил панам польским сейм в Радоме осенью на Кузьму и Демьяна [1 ноября], где были и литовские паны. А приехали паны литовские для того, чтобы узнать у панов польских о причине гнева короля, который прогневался на них, || хотя они и не были виноваты и не имели отношения к
153 Глинскому. Польские паны сказали о том королю, и король перестал на них гневаться. А затем виленский епископ Табор начал говорить королю: «Милостивый король, ты гневался на нас без

время воеводой был Альбрехт Мартинович Гаштольд, который, находясь сам в Новогрудке, хорошо укрепил замок, а при нем Маскевич городничий, Иван Тризна, Немира и прочая новогрудская шляхта. Они каждый день выезжали из замка и бились с татарами, не позволили им причинить урон замку и городу. Очень много татар было убито стрельбой из замка и тогда татары, видя что замку и городу ничего сделать не могут, отошли прочь.

А Махмет-Гирей царевич, который стал кошем около Минского замка, опустошил все окрестные волости и город Минск, отстояли только замок.

причины, из-за некоторых людей, потому что мы против тебя, нашего государя, не выступали, но мы защищали свои права и привилегии, стараясь их сохранить. И поэтому, милостивый государь наш, я как пастырь здешнего государства и Ваш, должен предостеречь от того, и тебя, государя нашего, от того отвращать, чтобы ты, наш государь, сохранял права наши и свои привилегии, выданные нам, если же кто вздумает их нарушить, боже, отомсти каждому, кто такое задумает». И как только епископ произнес это, короля разбил паралич.

В лето семь тысяч пятнадцатое, а от рождества Христова 1507
тысяча пятьсот седьмое, после пленения земли Литовской безбожными татарами, король и великий князь Александр приехал в Вильно из Польши очень больным, парализованным, и созвал сейм в городе Лиде. И когда он находился вместе со всеми панами в Лиде, пришла к нему весть, что Перекопские царевичи Бити-Гирей-султан и Бурнаш-султан пришли с двадцатью тысячами людей к Слуцку и идут к Новогрудку. Тяжело больной король
не знал что делать. || Он призвал к себе своих панов-раду и своего 154
гетмана пана Станислава Петровича Кишку и своего любимого дворного маршала князя Михаила Львовича Глинского, и все свои дела государя и все дела земские передал в их руки, себя же велел отнести на носилках в Вильно; паны же рада и гетман и маршал князь Михаил Глинский со всеми людьми остались в Лиде. Татары, придя к Новогрудку, скоро переправились через Неман и, не дойдя до Лиды за милю или за полумилю, со всех сторон начали воевать, церкви божии и имения и деревни сжигали, а людей хватали и убивали. Видели все это паны литовские своими глазами, что поганые пришли на них такие ожесточенные, и, призвав на помощь бога вседержителя, съехались все в одно место и, посоветовавшись, собрали десять тысяч отборных людей конных и вооруженных, которые в то время там оказались, потому что в такое короткое время не могли собрать больше, и мало ли, много ли, но все собрались вместе и под одной командой. И, призвав бога на помощь, решили пойти и биться с ними, и, утвердившись в этом крепко и твердо, послали несколько человек на разведку и те в одной миле от Лиды столкнулись с ними и божией
милостью избили их, несколько взяли живых, а || иным головы 155
отрубили и положили их в сумки; и татары, видя, что не могут противиться им, побежали. Они же привели живых пленных к па-

нам, а отрубленные головы принесли в сумках. Увидев это, паны
возвеселились и наполнились радостью, и в тот же час сели на
коней и приказали всему войску пойти с ними к Новогрудку.
Татары же увидели это и поняли, что люди хотят дать им бой,
и начали отряды их возвращаться из-за Немана, паны же со всем
войском пришли к Новогрудку, и стояли в Новогрудке три дня
и послали добывать достоверного языка, желая знать точно, где
стоят кошем царевичи. Были посланы паны Немировичи, пан
Юрий и пан Андрей, и поймали они шесть татар под Городищем [233]
и привели их к панам, и те сказали определенно, что царевичи
стоят лагерем под городом Клецком и что еще все из разошедших-
ся отрядов не могли так скоро к кошу собраться. Паны же, узнав
об этом и поручив себя милосердному богу, пошли, радуясь,
своим путем и выехали из Новогрудка месяца августа в четвер-
тый день, в понедельник вечером уже когда смеркалось. И шли
из Новогрудка мимо Осташина [234] и назавтра, во вторник, уже
примчались некоторые дворяне от Цирина [235] и от Полонки [236],
156 сообщая, что татары за ними гнались || и что находятся они неда-
леко от войска. Паны же и все войско, немного отдохнув в Оста-
шине пошли к Полонке, прошли Ишкольд, и передовой отряд дог-
нал пятьсот татар, которые шли к Клецку, и догнав, побили их,
а других взяли в плен живыми, оставшиеся же живыми убежали
за Ушу по крутому берегу и прибежали к Клецку, к своим в ла-
герь, и сообщили царевичам, что литва [237] идет к ним на бой.
Царевичи же, наполнившись гордостью и высокоумием, нисколь-
ко того не испугавшись, со всем усердием приготовились к бою.
Паны со своим войском в тот же день, во вторник, не доходя Ма-
лева [238], переночевали в селе Налипой [239] а назавтра в среду,
месяца августа шестого дня на преображение господа нашего
Иисуса Христа, поднялись рано и, изготовив отряды, как надле-
жит перед битвой, пошли прямо к Клецку. Гетман же пан Стани-
слав Петрович Кишка в то время очень разнемогся, и никак не
мог сидеть на коне и с большим трудом приказал возить себя на
возу. И паны, видя, что гетман очень болен и что без него в вой-
ске порядка не может быть, размыслили и поручили на это время
гетманство князю Михаилу Львовичу Глинскому, и решили все
ему подчиняться. Князь же Михаил Глинский начал командовать
157 всем войском и пошли все к Клецку, || направив вперед несколько
сот конницы. И как пришли под Клецк к реке Лани [240] к Красно-

му Ставу [241] с юга, то через реку с горы увидели татарские полки,
стоявшие готовыми к бою, и перейдя [реку], стали вдоль реки
против татар. И так как переправа через реку была очень неудоб-
ной, то они долго не могли сойтись, и больше трех часов бились
с ними через реку. Затем войско литовское сделало две гати через
реку, с обеих сторон прудовой плотины. Татары же видели, что
литовцы стоят крепко и неподвижно и что они подготовили гати,
намереваясь вскоре перейти к ним за реку, и тогда начали из
литовского войска стрелять по ним из орудий, из ружей и из лу-
ков, а в то же время небольшое число дворян поспешили за реку.
Татары же захватили писаря пана Заберезинского Коптя и, отру-
бив ему голову, ругаясь, носили на копье. Князь Михаил с панами
и всем войском, видя смех и это надругательство, приказал вско-
ре всем полкам переходить по обеим гатям реку. И затрубили в
трубы, и заиграли на свирелях, и пошли за реку, и войско правой
руки, поспешив, ранее перешло через гать за реку. Татары же,
видя, что [они] не все вместе переходят через реку и те воины,
которые были из них самые лучшие, ударили на них и многих
убили из той правой части, и чуть их не уничтожили. А затем
князь Михаил с левой стороны поспешил, и перейдя гать, || уда- 158
рил поперек на все полки татарские и разделил их надвое. А за-
сем и те люди наши с правой стороны оправились и тоже ударили
на них и с обеих сторон и так смешали татарские полки, что
татары не только биться, но глаза и руки свои на литовское вой-
ско поднять не смели, князь же Михаил со всем своим войском
гнался за ними, хватая и убивая [их], до реки Цепры [242], и как
прибежали татары к Цепре, тогда почти все в реке и болоте пото-
нули, и так много татар и их коней в реке и болоте было, что
литовцы переезжали на конях и переходили пешком по мертвым
телам татарским и их коням, а которые немногие из татар с царе-
вичами убежали, тех перехватывали по дорогам от Слуцка, от
Петрикова, от Овруча, от Житомира, с Волыни. На все стороны
их били и грабили и очень мало из них возвратилось в Орду.
И явилось несказанное милосердие божие Великому княжеству
Литовскому, и неизреченное кровопролитие роду алкорана.
Князь же Михаил Глинский и войско литовское в тот же день,
стоя на трупах и весь день разъезжая и гоняясь около Цепры
и за Цепрой, множество татар захватили и убили и затем возвра-
тились к войску в Клецк, ведя за собой много пленных. || И на- 159

полнили руки золотом и серебром, и оружием и одеждой, и взяли коней многоценных, и преисполненные несказанной радостию и весельем, провели ту ночь в покое.

Татары же, которые не участвовали в битве, а ходили еще в отрядах и не знали о том, приходили с пленными *... ||

На верху последней страницы другой рукой написано Хроника литовская с русского на польский переведена.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РОДОСЛОВИЕ ВИТЕБСКИХ КНЯЗЕЙ

А вот родословие князей витебских.

Владимир великий Игоревич, умер в 1005 г. от рождества Христова. Ярослав I Владимирович, умер в 1054 г. Всеволод Ярославич Владимир, прозванный Мономах, Всеволодович, умер в 1125 г. Мстислав Владимирович, умер в 1132 г. Изяслав Мстиславович, умер в 1154 г. Ярослав Изяславич. Изяслав Ярославич, умер в 1196 г. Ярослав Изяславич, умер в 1231 г. Андрей Ярославич, умер в 1265 г.; жена его Анастасия Даниловна, княжна Галицкая, умерла в 1277 г. Василий Андреевич, умер, в 1297 г. Ярослав Васильевич, последний князь Витебский, умер в 1320 г. Мария Ярославна вышла замуж за Ольгерда, князя Кревского, Гедиминовича, в 1318 г., умерла в Вильно в 1346 г.

КОММЕНТАРИИ

1. Автор плохо представлял себе местность, где происходили описываемые им события. Он говорит, что Югра протекала по территории, на которой ранее жили гунны, гунны же прибыли в Хорватию морем, причем плыли с запада на восток. Возможно, что под Югрой следует понимать реку Угру, приток Оки; так по крайней мере называл Югру крупнейший польский географ начала XVI в. М. Меховский (см. М. Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М., 1936, стр. 109), но допустимо, что, по мнению хрониста, эта река протекала на северо-востоке Европы, где находилась летописная Югра.

2. Юра — река, правый приток Немана в его нижнем течении. Если это не опечатка, то описка, потому что по контексту вместо «Юра» должно быть «Югра».

3. В литературе высказывалось предположение, что под царем Иваком следует понимать царя Ивана IV (см. И. Данилович. О литовских летописях. ЖМНП, 1840, № 11, стр. 93, 94).

4. В представлении хрониста британскую принцессу, выдававшуюся замуж за английского короля, везли (несли) к будущему мужу через Средиземное (Земское) море.

5. Глава дворян, направившихся из Венеции в Литву, назван Аполлоном ошибочно, потому что везде, где излагается этот эпизод, а также и в хронике Быховца на следующей странице, он называется Палемоном или Пилемоном.

6. В хронике сказано, что с Палемоном уехало пятьсот semen шляхты. У Стрыйковского (т. I, стр. 57) вместо semen стоит samey, что может быть переведено как «только», «одной». В таком случае это место следует читать так: «И было с ним только дворян римских пятьсот человек».

7. Во всех остальных списках, где этот эпизод изложен, а также у Стрыйковского (т. I, стр. 57), вместо «Торого» стоит «Гектор».

8. В этом месте автор хроники еще раз показал плохое знакомство с географией Европы: вместо того чтобы плыть через Ла-Манш, Па-де-Кале, «римляне» обогнули Англию с севера.

9. Морем-океаном в данном случае называется Балтийское море.

10. Малым морем в хронике называется Куршский залив, в который впадает Неман. В изложении хрониста получается, что Неман, разделившись на 12 рукавов, впадает в Малое море (Куршский залив), а затем вытекает из него и впадает вторично уже в море-океан (Балтийское море).

11. Река Дубисса — правый приток Немана.

12. Жемайтия означает по-литовски «Низкая земля» в том смысле, что она расположена в нижнем течении Немана.

13. Юрборк (по-литовски Юрбаркас) — в русской литературе ранее назывался (в немецком произношении) Юрбургом. В настоящее время районный центр Литовской ССР.

14. Река Невяжа (по-литовски Невежис) — правый приток Немана.

15. Куносов замок — очевидно, имеется в виду Ковно (Каунас). Город этот, однако, расположен при впадении в Неман не реки Невяжи, а Вилии. М. Стрыйковский (т. I, стр. 84) говорит, что Кунос построил город в том месте, где в Неман впадает река Вилия.

16. Река Святая (по-литовски Швентойи) — правый приток Вилии. Ранее в русской литературе называлась (в польском произношении) Свента.

17. Река Ширвинта — правый приток реки Святой.

18. Озеро Спера. Очевидно, говорится о том озере Спера, которое в настоящее время находится в Укмергском районе Литовской ССР.

19. Подобное городищу. Очевидно, там был крутой холм с обрывистыми, как обычно в городище, склонами.

20. Вилькомир (по-литовски Укмерге) — город, расположенный к северо-западу от Вильнюс, на реке Святой, в настоящее время районный центр Литовской ССР.

21. Девялтовское княжество находилось в бассейне реки Святой. Основную часть его составлял позднейший Вилькомирский уезд Ковенской губернии.

22. Река Вилия (в хронике Велля, по-литовски Нерис) — правый приток Немана.

23. Завилейской называлась территория к северу от реки Вилии, из чего следует, что название этой территории дано жителями южной части Литвы.

24. Кернов (по-литовски Кернавє) — город на реке Вилие в Литовской ССР.

25. В хронике говорится «Латыгола», «латыгольский», что весьма близко к названию «Латгалы», «латгальский», но так как «Латыгола» хроники жила по берегу моря, тогда как Латгалия находится в восточной части Латвии, далеко от моря, то кажется более вероятным, что хронист под «Латыголой» понимал современную Латвию.

26. Завилейский Браслав (в хронике — Браславль) — город на берегу Браславского озера, в настоящее время районный центр Витебской области БССР.

27. В Кунове, очевидно, должно быть в Куносове, т. е. в Каунасе.

28. Дубас — речное судно, большая лодка. Дубасные трубы — очевидно, трубы, на которых играли люди, плававшие на дубасах.

29. Такое объяснение происхождения слова «Литва» является домыслом автора хроники; оно не имеет никакого отношения к действительному происхождению слова «Литва».

30. Выражение «Лифлянты», «лифлянский» везде переводится как «Ливония», «ливонский», потому что в хронике обычно говорится о «Лифлянском», т. е. Ливонском, магистре или ордене.

31. Друцк (в хронике Driучиск) — город в верхнем течении реки Друть, правом притоке Днепра, в настоящее время незначительный населенный пункт Витебской области БССР.

32. Панами радными назывались члены панов-рады, совета крупнейших феодалов при великом князе литовском. Термин «рада» встречается со времен Витовта, т. е. не ранее конца XIV в. и постоянным становится лишь со второй половины XV в. (И. Малиновский. Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней Руси, ч. II. Томск, 1904, стр. 118). Говоря, что паны радные были в первой половине XIII в., автор модернизирует обстановку XIII в.

33. Новогрудок (в хронике Новгородок, в других источниках Новгородок Литовский, в произношении белорусов-новогрудчан Нава́градак), в настоящее время районный центр Гродненской области БССР. Впервые упоминается в летописи под 1252 г. (ПСРЛ, т. II, стб. 206). Населенный пункт, из которого вырос Новогрудок, существовал еще в X в.; с XII в. это поселение приобретает черты городского типа (Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М., 1962, стр. 82).

34. Вопрос о том, был ли Новогрудок столицей Миндовга, является спорным.

35. Здесь, очевидно, имеется в виду современный город Гродно, областной центр БССР. В источниках он называется Городно или Городень (см. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, изд. 2, стр. 371). Гродно существовал с IX в., и в середине XIII в. этот город был значительным политическим и культурным центром; татары Гродно не разоряли и поэтому восстанавливать его было не нужно (Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. М. 1956, стр. 34, 149).

36. Брест (в хронике Берестье) — областной город БССР, расположен при впадении реки Мухавец в Западный Буг. В летописях и других русских источниках он до XVIII в. назывался Берестьем. В польских источниках и литературе называется Бжэсьць, Бжэсьць Литэвски (Brześć, Brześć Litewski). С конца XVIII в. в русских источниках его стали называть Бржесц, затем Брест и Брест-Литовск. Современное название — Брест — употребляется с 1921 г.

37. Берестец — видимо, описка, должно быть Берестье.

38. Очевидно, говорится о городе Дорогочине, расположенном на реке Западный Буг и в настоящее время находящемся в пределах Польши. (Кроме того, есть Дорогичин в бассейне реки Пины, в Брестской области БССР.)

39. Мельник — город, на реке Западный Буг, в настоящее время находится в пределах Польши.

40. Островом в белорусском языке называлось расчищенное среди леса (пущи) место.

41. Река Ошмяна (Ошмянка) — левый приток реки Вилии.

42. Ошмяны — город на реке Ошмянке, в настоящее время районный центр Гродненской области БССР.

43. В описываемое время поветов в Великом княжестве Литовском не существовало; они были созданы позже.

44. Ейшишки (по-литовски Эйшишкес) — населенный пункт в юго-восточной Литве, в настоящее время районный центр.

45. Гровжишки — населенный пункт в Ошмянском районе Гродненской области БССР.

46. Какой из населенных пунктов здесь имеется в виду — неясно. В хронике он называется и Городнем и Городцом (полочане встретили литовцев под Городцом). Всего вероятнее говорится о том Городце, который расположен на небольшом расстоянии от современного г. Лепеля в Витебской области БССР (В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV стол. Киев, 1896, стр. 10).

47. Борк — Борис, князь тверской.

48. Окрестился в русскую веру — принял православие.

49. Борис сын князя Гинвила Полоцкого — личность мифическая. Автор хроники, излагая родословную князей Полоцких, видимо, спутал ее с родословной князей Друцких, происходивших из князей полоцких: сын князя Полоцкого Всеслава был Борис — Рогволод, сын Бориса-Рогволода — Глеб (J. Wolff. Kniaziowie litewsko-ruscy. Kraków, 1895, str. 56; В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV стол., стр. 242—244).

50. Основание города Борисова на реке Березине действительно связывается с именем князя Бориса, но не Гинвиловича, а Всеславича. В настоящее время Борисов — районный центр Минской области БССР.

51. Бельчицы — селение у Полоцка.

52. Биография полоцкой княжны Евфросинии — Предславы, дочери князя Всеслава, изложена здесь в сильно искаженном виде в католической переработке. Согласно ее житию, Евфросиния никогда не была в Риме, она уходила в Иерусалим, некоторое время жила там, там же и умерла. Креститься ей не было нужды, потому что она была крещена в раннем детстве. Возможно, что княжну Евфросинию спутали с русской княжной Прасковией или Пракседой, женой германского императора Генриха IV (см. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 365, прим.; В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV стол., стр. 241—244).

53. Река Ясельда — левый приток Припяти. Выражение «на сей стороне» означает, что сражение произошло к северу от Ясельды и, видимо, к югу от реки Щары (иначе, можно думать, было бы отмечено «на той стороне Щары»).

54. Луцк (в хронике Луческ, Луцко) — город на реке Стырь, правом притоке Припяти. В настоящее время областной город Волынской области.

55. Пинск — город на реке Пине, левом притоке Припяти. В настоящее время районный центр Брестской области БССР.

56. Туров — город на реке Припяти, в настоящее время районный центр Гомельской области БССР.

57. Кóйданово — в настоящее время Дзержинск, районный центр Минской области, расположен в 40 км к юго-западу от Минска.

58. Мозырь — город на реке Припяти. В настоящее время районный центр Гомельской области БССР.

59. Стародуб — город, в настоящее время районный центр Брянской области РСФСР,

60. Карачев — город на реке Снежети, притоке Десны, в настоящее время районный центр Брянской области.

61. Большинство историков считает князя Рынгольта личностью мифической, потому что русские летописи его не знают, как не знают и битвы при Могильно.

62. Могильно — деревня на Немаве, в 80 км к юго-западу от Минска.

63. Товтивил и Ердивил были сыновьями Довспрунка, брата Миндовга.

64. Владимир — имеется в виду Владимир Волынский.

65. Волковыск — город в Западной Белоруссии, в настоящее время районный центр Гродненской области БССР.

67. Слоним — город на реке Щаре, притоке Немана. В настоящее время районный центр Гродненской области БССР.

67. Здитов — город на реке Ясельде, в настоящее время небольшой населенный пункт Брестской области БССР.

68. Это место и в издании Нарбута, и в ПСРЛ т. XVII передано так: «Нонадаявителя, Вели Диверии». В нашем издании текст приведен по Ипатьевской летописи так, как в ПСРЛ, т. II (стб. 817).

69. Борута (в Ипатьевской летописи — Ворута). Местонахождение этого города до сего времени не установлено.

70. Сеймы, т. е. собрания представителей привилегированного сословия стали собираться в Великом княжестве Литовском значительно позже описываемого времени, в конце XIV в. В данном случае о сеймах говорится иносказательно, не как о собрании представителей, а как о собраниях, вернее встречах, вообще.

71. Имеется в виду г. Галич Ивано-Франковской области УССР.

72. Острая гора, Святая гора — имеется в виду гора Афон в Греции.

73. Евстафий окаянный — один из убийц князя Миндовга.

74. Болеслав — очевидно, имеется в виду Болеслав, кн. мазовецкий.

75. Утяны (по-литовски Утена) — город на северо-востоке Литовской ССР, в настоящее время районный центр.

76. Гедройцы — город, в настоящее время небольшой населенный пункт в северной части Гродненской области БССР.

77. Река Вильна — в настоящее время Виленка (по-литовски Вильнеле). Река Виленка протекает по городу Вильнюс и впадает в Вилию у подошвы горы, на которой находится замок Гедимина.

78. Роконтишки — в прошлом небольшой населенный пункт на берегу реки Виленки; в настоящее время находится в черте города Вильнюс.

79. Гольшаны — город, в настоящее время небольшой населенный пункт на реке Ольшанке, притоке Вилии, в Ошмянском районе Гродненской области БССР.

80. Река Корабль — в настоящее время ручеек в Ошмянском районе БССР.

81. Река Бобр (в хронике называется в польском произношении Бебра)— правый приток реки Нарева. В настоящее время Бобр протекает по территории Польши.

82. Райгород — город, в настоящее время находится в Польше.

83. Русская хроника — очевидно, Галицко-Волынская, т. е. Ипатьевская летопись.

84. Основателем Львова был в действительности кн. Даниил Романович.

85. Очевидно, здесь говорится о гербе Великого княжества Литовского, на котором изображен рыцарь с мечом в руках верхом на скачущем коне.

86. Маршал (маршалок) — предводитель, первое лицо в каком-либо сообществе. Хроника упоминает о маршалках дворном, земском и Смоленской земли. В данном случае, очевидно, упоминается маршалок дворный, на обязанности которого было наблюдение за порядком при дворе великого князя. Звание маршалка было установлено в Великом княжестве Литовском в 1411 г. (J. Wolff. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego. Kraków, 1885, str. 167). Как и в целом ряде других случаев, автор хроники модернизировал обстановку середины XIII в.

87. Эйрагола (по-литовски Ариогала) — город в Жемайтии.

88. Коморник — служащий, рабочий.

89. В Великом княжестве Литовском были гетманы великий (главнокомандующий войсками княжества во время походов) и его заместитель — надворный. Впервые слово «гетман» в источниках Великого княжества встречается в 1497 г., поэтому, говоря о гетмане, хронист сильно модернизирует обстановку (J. Wolff. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego, str. 148).

90. Река Отмена (должна быть Окмена)— правый приток реки Юры.

91. Жеймы — населенный пункт в западной Литве.

92. Тильзит — город на Немане во владениях Тевтонского ордена. В настоящее время находится в Калининградской области и называется Советск.

93. Рагнета (по-литовски Рагайне) — город на левом берегу Немана во владениях Тевтонского ордена; в настоящее время находится в Калининградской области и называется Неман.

94. Овруч (в хронике Вручей) — город на реке Норин, притоке реки Уж; в настоящее время районный центр Житомирской области УССР.

95. Река Ирпень — правый приток Днепра; в хронике называется Рпень.

96. Белгород — город. Имеется в виду Белгород на реке Ирпени, недалеко от Киева.

97. В Брянск. Имеется в виду современный областной город.

98. Лежал — так в тексте.

99. Вышгород — киевский пригород, находится в 20 км севернее Киева.

100. Черкассы — город, в настоящее время областной город УССР.

101. Канев — город на Днепре, в 70 км к югу от Киева.

102. Путивль — город, в настоящее время районный центр Сумской области УССР.

103. Слеповрод (Слепород) — город. В. Б. Антонович считал, что автор хроники назвал этот город ошибочно, так как подобного населенного пункта не существовало, а была река Слепород. Однако М. С. Грушевский считает доказанным, что город с подобным названием был на реке Суле (М. Грушевский. Очерк истории Киевской земли. Киев, 1891, стр. 481).

104. Переяславль — имеется в виду Переяславль Южный, в настоящее время Переяславль Хмельницкий.

105. Троки (по-литовски Тракай) — город в 28 км к югу от Вильнюса.

106. Виленское воеводство было создано в 1413 г., и поэтому назначение на пост виленского воеводы могло состояться не ранее этого года. Гаштольд в 1387 г. был виленским старостой (J. Wolff. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego, str. 71).

107. Владислав I Локетек (1260—1333). Владислав был сыном Казимира, почему, видимо, хронист и допустил ошибку, назвав Владислава Казимиром-Владиславом.

108. Паланга — город на берегу Балтийского моря в Литовской ССР.

109. Крево — город, в котором в 1385 г. была подписана уния между Польшей и Литвой. В настоящее время Крево небольшой населенный пункт в Сморгонском районе Гродненской области БССР.

110. Заславль (в хронике Зеславли), летописный Изяславль, в белорусском произношении Заслауе. Сейчас небольшой населенный пункт Минской области.

111. Синие воды — местность у Днепровского лимана.

112. Река Смотричь — левый приток Днестра.

113. Смотричь — город на реке Смотричь в Хмельницкой области УССР.

114. Бокота — город на Днестре.

115. Каменец — город. Имеется в виду город, ранее называвшийся Каменец-Подольский. В настоящее время районный центр Хмельницкой области УССР.

116. Казимир Локеткович. Так называл хронист польского короля Казимира III, преемника Владислава Локетка.

117. Брацлав — город на реке Южный Буг, в настоящее время районный центр Винницкой области УССР.

118. Соколец — город на реке Ушице, в настоящее время в Хмельницкой области УССР.

119. Скала — город на реке Роське в Киевской области.

120. Жена Ольгерда Ульяна была княжной не витебской, а тверской.

121. В тексте smieszałosia, т. е. перепуталось, смешалось.

122. Винкер (по-литовски Вингряй) — источник в Вильнюсе.

123. Божья мука — крест с изображением распятого Христа.

124. Сыновья Ольгерда как от первой жены, так и от второй названы в хронике неправильно. От первой жены, витебской княжны Марии, у Ольгерда было пять сыновей: Андрей, Дмитрий, Константин, Владимир, Федор. От второй, тверской княжны Ульяны: Ягайло-Владислав, Скиргайло-Иван, Корибут-Дмитрий, Лингвений-Семен, Коригайло-Казимир, Вигунт-Александр, Свидригайло-Болеслав.

У Кейстута было семь сыновей: Патирг, Войшвил, Войдат, Бутав, Витовт, Товтивил, Сигизмунд (J. Wolff. Kniaziowie litewsko-ruscy, str. 160, 161).

125. Мстиславль — город на реке Вехре, притоке реки Сожа. Когда Мстиславль стал владением князя Лингвения, было образовано Мстиславское княжество. В настоящее время Мстиславль — районный центр Могилевской области БССР.

126. Трубчевск — город на реке Десне, в настоящее время районный центр Брянской области.

127. Чарторыйск — город на реке Стырь, в настоящее время находится в Волынской области УССР.

128. Любомль — город, в настоящее время районный центр Волынской области УССР.

129. В действительности первая жена Ольгерда называлась Мария.

130. Ольевна — Александровна.

131. Стать «русским» означает креститься по православному обряду.

132. Окреститься в польскую веру — стать католиком.

133. Сочетание в одном лице «пан, холоп» получилось, очевидно, потому, что бывший раб Войдило сделался паном, т. е. крупным феодалом; в одном списке вместо «пан» стоит «пак».

134. Лида — город, в настоящее время районный центр Гродненской области БССР.

135. Княгиня Янушева — жена князя Мазовецкого Януша.

136. Новгород Северский — город на реке Десне, в настоящее время районный центр Черниговской области УССР.

137. Предполагается, что Ганульь (Ганс) был виленским наместником и одновременно главой немецких мещан, живших в Вильно (W. Semkowicz. Hanul, namiestnik wileński (1382—1387) i jego rod. Ateneum Wileńskie, 1930, N 1—2).

138. Сураж — город. Имеется в виду Сураж на реке Нареве. В настоящее время находится в Польше.

139. Каменец — город. Здесь имеется в виду Каменец на реке Лесной, называвшийся также Каменец Литовский. В настоящее время районный центр Брестской области БССР.

140. Мальборк — город, столица Тевтонского ордена. В хронике этот город называется большей частью Мариинным городом, иногда Мальборком.

141. Мазовия — восточная часть Польши. В описываемое время Мазовия была княжеством, находившимся в вассальной зависимости от Польши.

142. Королевна Ядвига была дочерью не Казимира, а венгерского короля Людовика; король Казимир был бездетным.

143. Городно — здесь говорится не о современном областном городе Белоруссии, а о каком-то незначительном населенном пункте или же о городище.

144. Пернов (по-эстонски Пярну) — город в Эстонской ССР.

145. Шешкины — возвышенность, в настоящее время находится в черте города Вильнюса.

146. Очевидно, не закопал пушки, а вкопал, т. е. привел в состояние, когда из них можно было стрелять.

147. Докудово — деревня на реке Неман, в 15 км от города Лида, в настоящее время находится в Лидском районе Гродненской области БССР

148. Копыль — город, в настоящее время районный центр на юго-западе Минской области.

149. Звенигород — город. Имеется в виду Звенигород южный, расположенный к юго-западу от Киева.

150. Святая София — Киевский Софийский собор.

151. Рославль — город в южной части Смоленского княжества, в настоящее время районный центр Смоленской области.

152. Полонный (Полонное) — город на реке Хомаре, в настоящее время районный центр Хмельницкой области УССР.

153. Бахматы — порода лошадей.

154. Как видно из текста хроники, до собственно литовских земель татары при этом нападении не доходили. Под Литовской землей хронист понимал земли всего Великого княжества Литовского.

155. Здесь хронист опять делает ошибку, называя князя Андрея Полоцкого не Ольгердовичем, а Кейстутьевичем.

156. Тихая Сосна — река, приток Дона.

157. Севруки — жители Северщины, северной Украины.

158. Угра — река, приток Оки.

159. Порхов — город на реке Шелони, в настоящее время районный центр Псковской области.

160. Велиж — город на реке Западной Двине, в настоящее время районный центр Смоленской области.

161. Красный город — город в Псковской области.

162. Гинпіты — порода лошадей.

163. Фризы — порода лошадей.

164. При князе Витовте Великое княжество Литовское простиралось от Балтийского моря до Черного.

165. Грюнвальдская битва произошла не в 1412, а в 1410 году.

166. Надворный (в хронике дворный) гетман был заместителем великого, или по хронике старейшего, гетмана.

167. Отряд коморный — отряд, составленный из королевских служащих.

168. В действительности в битве участвовала вся польская армия.

169. Триста золотых — явная описка: должно быть триста тысяч.

170. Медники (в настоящее время Варняй) — город в западной Литве.

171. Белая Вежа — городок, находящийся в центре Беловежской пущи; в настоящее время находится в пределах Польши.

172. Рудомино (по-литовски Рудамина) — селение к югу от Вильнюса.

173. Ойшишки — деревня, возможно Ейшишки (см. прим. 44).

174. Молодечно — город в северо-западной части Минской области, сейчас районный центр, в недалеком прошлом областной город БССР.

175. Копачи — деревня в 10 км от Молодечно (см. прим. 174).

176. Так же как в хронике, Минск назывался Менском или Менеском в летописях и других русских источниках до XVIII в.

177. Лукомль — город на берегу Лукомского озера, в настоящее время небольшой населенный пункт Чашникского района Витебской области БССР.

178. Русской землей называли территорию Белоруссии (за исключением западной, называвшейся Литвой), Украины и русских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского. В более узком смысле под Русской землей понималась территория северо-восточной Белоруссии, современные Витебская и Могилевская области.

179. Митрополит Герасим был сожжен в 1435 г.

180. Великий или вальный сейм стал собираться лишь при великом князе Казимире, преемнике князя Сигизмунда (М. К. Любавский. Очерки истории Литовско-Русского государства. М., 1910, стр. 202).

181. Дяклом в Великом княжестве Литовском назывались поставки продуктами (зерном, сеном и пр.) великому князю или вообще феодалу.

182. Из текста хроники следует, что Виленские замки, Высокий и Низкий, Довгирд занял для Свидригайло, но в то же время Нарбут Высокий замок занял для Михайлушки Сигизмундовича. У Стрыйковского (т. II, стр. 204) сказано, что Высокий замок был занят на Михайлушку, а на Свидригайло Нижний. Возможно, что эти два источника отражают этапы быстро развивающихся событий, т. е., что Высокий был одно время занят сторонниками Михайлушки, а позже перешел к Свидригайле.

183. Воложин — в настоящее время село в Молодечненском районе Минской области.

184. Владислав III, король польский и венгерский погиб в бою с турками в 1444 г.

185. Невяжа — река Невяжа (по-литовски Невежис).

186. Козельск — город на реке Жиздре, в настоящее время районный центр Калужской области.

187. Верея — город на реке Протве, в настоящее время находится в Наро-Фоминском районе Московской области.

188. Бельск — город на реке Белой, притоке Нарева. В настоящее время находится в Польше.

189. Бранск — город на реке Нурец, притоке Западного Буга, в настоящее время находится в Польше. В отличие от областного центра РСФСР пишется не Брянск, а Бранск.

190. Сураж — город на реке Нареве, в настоящее время находится в Польше.

191. Клецк — город на реке Лань, левом притоке Припяти. В настоящее время небольшой городок в Несвижском районе Минской области.

192. Меречь (по-литовски Меркине) — город на реке Немане, в южной Литве.

193. Казимир стал королем польским в 1447 г.

194. Перемышль — город на реке Сан, в настоящее время находится в Польше.

194а. Подчаший — придворный чин.

195. Битва под Хойницами, в которой поляки потерпели поражение, происходила в 1454 г., однако поляки и литовцы в этой битве сражались не с чехами, а с Тевтонским орденом.

196. Валах — должно быть, имя королевского коня.

197. Подскарбий земский — начальник государственного казначейства в Великом княжестве Литовском.

198. Кафа — город в Крыму, современная Феодосия.

199. Килия — город при устье Дуная, в Одесской области УССР.

200. Белгород. Имеется в виду Белгород, расположенный при Днестровском лимане.

201. Коломыя — город на реке Прут, в настоящее время районный центр Ивано-Франковской области УССР.

202. Мещовск — город, в настоящее время находится в Калужской области.

203. Мценск — город на реке Зуше, притоке Оки, в настоящее время районный центр Орловской области.

204. Серпейск — город, в настоящее время находится в Калужской области.

205. Вязьма — город, в настоящее время районный центр Смоленской области.

*205*а. Державец — лицо, получившее имение во временное пользование.

206. Сорока — город на реке Днестре, в настоящее время называется Сороки, районный центр Молдавской ССР.

207. Вся земля — здесь все силы Великого княжества Литовского.

208. Сучава — город на реке Сучава, бывшая столица Молдавии, в настоящее время находится в Румынии.

209. Французские болезни — венерические болезни.

210. Тарков (должно быть Тарнов) — город в Польше.

211. Дворяне — дворянами в Великом княжестве Литовском называли служащих великокняжеского двора.

212. Боярами в Великом княжестве Литовском назывались мелкие феодалы, в ряды которых в XV и начале XVI в. влилось некоторое количество представителей нефеодального сословия. Постепенно за представителями феодалов закрепилось название шляхта, тогда как боярами стали называть прослойку, промежуточную между низами феодального сословия и верхушкой крестьян.

213. Ведрошь — деревня и река. В настоящее время на месте деревни Ведрошь находится деревня Алексин Ельнинского района Смоленской области.

214. Дорогобуж — город на реке Днепре, в настоящее время районный центр Смоленской области.

215. Ельня — город на реке Десне, в настоящее время районный центр Смоленской области.

216. Бобр — река, левый приток Березины, впадает в Березину ниже города Борисова.

217. Обольцы — деревня, в настоящее время находится в Толочинском районе Витебской области БССР.

218. Залидов — город, должно быть Завидов.

219. Торопец — город, в настоящее время районный центр Калининской области.

220. Подляшьем называлась территория, расположенная в бассейне Западного Буга, по течению рек Нарев, Нурец, Бобр. Территория Подляшья в настоящее время составляет основную часть Белостокского воеводства в Польше.

221. Белгород — здесь имеется в виду Белгород Днестровский.

222. Бобруйск — город на реке Березине, в 100 км (примерно) к востоку от Слуцка.

223. Рек с названием Уша в Белоруссии несколько. В данном случае имеется в виду правый приток Березины. Однако, говоря, что татар нагнали «недалеко за Бобруйском, в шести милях, на реке на Уше» или Уже, хронист что-то путает, потому что Уша протекает (если двигаться с запада на восток) не за Бобруйском, а к северу от него. Возможно, что здесь говорится о реке Суше, протекающей восточнее Бобруйска.

224. Уша — река. Название ее, видимо, искажено. За городом Овручем, т. е. к югу от Овруча, протекает река Уж, о которой и говорится в хронике. Однако, возможно, что в то время, когда писалась хроника, эта река называлась не Уж, а Уша, во всяком случае, на карте, приложенной к работе М. С. Грушевского («Очерки истории Киевской земли». Киев, 1891), она называется Уша.

225. Случь — река, имеется в виду Случь, впадающая в Припять с левой стороны.

226. Не́свиж — город на реке Уше (левом притоке Немана), примерно в 50 км к северо-западу от Слуцка. В настоящее время районный центр Минской области.

227. Ишкольд — деревня на расстоянии около 50 км к юго-востоку от Новогрудка.

228. Гричинское болото — огромное болото, находившееся к юго-западу от Слуцка.

229. Населенных пунктов с названием «Городок» в Белоруссии много. Судя по маршруту («через Гричинское болото»), татары шли к Кожан-Городку, расположенному севернее Припяти. Южнее Кожан-Городка, на берегу реки Горынь, находится Давид-Городок. Бой произошел, очевидно, около Давид-Городка, так как отряды панов перешли на южный берег Припяти.

230. Согласно земского привилея — имеется в виду привилей великого князя Александра, которым он гарантировал шляхте и главным образом магнатам различные права.

231. Должность отнять ни у кого нельзя, иначе как с гербом — должность (у магната) можно было отнять лишь в том случае, если этот магнат осуждался на лишение герба.

232. Петриков (в Хронике Петриковичи) — городок на левом берегу Припяти, в настоящее время районный центр Гомельской области БССР.

233. Городище — деревня в 40 км (примерно) к югу от Новогрудка. Армия шла на татар восточнее Городища.

234. Осташин — деревня на расстоянии 20 км (примерно) к юго-востоку от Новогрудка.

235. Цирин — деревня на расстоянии около 5 км к югу от Осташина.

236. Полонка (очевидно, Полонечка, потому что Полонка находится далеко к западу от того маршрута, по которому шла армия) деревня на расстоянии около 5 км к югу от Цирина.

237. Литвой в хронике (как и в русских летописях и в других источниках того времени) называлась не только собственно литовская территория, но все Великое княжество Литовское в целом, а также и население этого государства. В данном случае под Литвой подразумевалась армия Великого

княжества Литовского, состоявшая, видимо, в основном из шляхты, литовской, центрально- и западнобелорусской. Во всяком случае Стрыйковский (т. II, стр. 335) говорит, что правое крыло этой армии состояло из шляхты минской и гродненской, а кроме того упоминает и шляхту новогрудскую.

238. Малево — деревня на расстоянии около 8 км к западу от Несвижа.

239. Налипой — деревня. На расстоянии около 5 км от Малева была деревня Нелепова. Возможно, что это есть тот пункт, который назван Налипой.

240. Лань — река, левый приток Припяти. Город Клецк расположен на реке Лань.

241. Красный Став — озéро у Клецка́.

242. Цепра́ — река (в тексте Цебра́) — приток реки Лань.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

---

* Указатели составлены Н. Н. Улащиком. Имена и фамилии лиц, упоминаемых в Хронике, во многих случаях спутаны. Чтобы привести это в систему, требуется специальное исследование и поэтому в указателе они приведены так, как даны в Хронике.

Сокращения: в. кн. — великий князь; воев. — воевода; д. — дочь; ж. — жена; кн. — князь; кнг. — княгиня; кнж. — княжна; кор. — король; нам. — наместник; стар. — староста; с — сын; ц. — царь.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

* Сокращения: гор. — город; дер. — деревня; м. — море; о. — остров: р. — река; сел. — селение; ур. — урочище.

СОДЕРЖАНИЕ

Хроника Быховца

Утверждено к печати
Институтом истории АН СССР

Редактор *А. И. Рогов*, художник *Л. Г. Ларский.*
Технический редактор *Ф. М. Хенох*

Сдано в набор 22/X 1965 г. Подписано к печати 8/II 1966 г.
Формат 60×90[1]/[16]. Печ. л. 9,75 Уч.-изд. л. 8,3. Тираж 2000 экз.
Изд. № 264/05. Тип. зак. 3420

Цена 54 коп.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер.,10